

«Каждая раскрытая тайна -
лишь дверь в новую загадку»

Николай Иванович Чергинец
генерал-лейтенант внутренней службы,
писатель, член Совета Республики
Национального собрания
Республики Беларусь 1, 2 и 3 созывов.
Кандидат юридических наук.
С 1981 года по 1984 год — начальник
Управления уголовного розыска МВД БССР.
С 1984 года по 1987 год служил в Афганистане.
С 1987 по 1993 год — начальник управления
внутренних дел на транспорте МВД Беларуси.
С 1997 года по 2008 год — член Президиума
Совета Республики Национального собрания
Республики Беларусь, председатель Постоянной
комиссии Совета Республики по международным
делам и национальной безопасности,
член Совета Парламентского Собрания Союза
Беларуси и России, председатель Постоянной
комиссии Парламентского Собрания
Союза Беларуси и России по вопросам внешней
политики, член Постоянной комиссии
Межпарламентской ассамблеи СНГ по
внешнеполитическим вопросам..
Председатель Союза писателей Беларуси.

ISBN 978-985-18-3108-7

9 789851 831087

Чергинец Н.И.
ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ

ДЕТЕКТИВ

Чергинец Н.И. **ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ**

Время проливает свет на все

ДЕТЕКТИВ

ИНТЕРФАКС

«От напряжения замирает сердце»

Чергинец Н.И.
ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ

Время проливает свет на все

ДЕТЕКТИВ

ИНТЕРФАКС

«От напряжения замирает сердце»

Чергинец Н.И.
ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ

МИНСК
ХАРВЕСТ

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бел=411.2)-445.7
Ч-457

Чергинiec, Н. И.
Ч-457 Последний герой / Н. И. Чергинiec. — Минск : Харвест,
2014. — 320 с.

ISBN 978-985-18-3108-7.

Верный своему слову, бывший афганец Рубцов выполняет сколь-
зкое, щекотливое поручение, оказавшись в самом центре разборок
криминальных авторитетов и государственных чиновников.

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бел=411.2)-445.7

ISBN 978-985-18-3108-7

© Чергинiec Н. И., 2014
© Подготовка, оформление.
ООО «Харвест», 2014

Глава 1

Телефонный звонок раздался неожиданно. Генерал юстиции Лимонов вздрогнул и с недовольным лицом уставился на аппарат. Этот звонок почему-то его встревожил... Он выжидал. Несмотря на затянувшуюся паузу, телефон продолжал настойчиво трезвонить. Генерал раздраженно повел плечом, но трубку снимать не спешил.

В свои пятьдесят четыре года Лимонов занимал ответственный пост в Генеральной прокуратуре. Это был еще довольно крепкий высоколобый мужчина с продолговатым, всегда чисто выбритым лицом. Его некогда русые волосы были обильно подернуты сединой, что свидетельствовало о нелегком жизненном пути. Тот, кто впервые с ним встречался или знал его недостаточно долго, мог подумать, что этот человек всегда сохраняет неприступный вид и никогда не улыбается. Но это не соответствовало действительности.

Ежедневно высокопоставленный чиновник отвечал на десятки телефонных звонков. Большинство из них были служебными, которые шли через секретаря. Теперь же звонил совсем другой аппарат — тот, номер которого являлся личным телефоном генерала Лимонова. Этот номер знал не каждый, а лишь доверенные лица из ближайшего окружения. По этому номеру ему могли позвонить также родственники.

Подобную догадку генерал отмел сразу. Жена, сын и дочь уже вторую неделю находились в заграничной турпоездке, и городская квартира его

временно пустовала, так как сам он в отсутствие семьи предпочитал жить в загородном коттедже. Будь его воля, он ни за что бы не променял близкое соседство с природой на комфортабельную городскую суету. Однако жена и дети не разделяли его взглядов на это и предпочитали большую часть времени проводить в городе.

Настойчивое дребезжание телефонного аппарата продолжало испытывать терпение. Лимонов нехотя снял трубку.

— Слушаю. — Несмотря на раздражение, его голос прозвучал спокойно.

— Шеф? — удивленно-настороженным тоном поинтересовался собеседник на противоположном конце связи.

«Шефом» генерала называли только члены немногочисленной группы, выполнявшие его особые поручения. Человеком, который несвоевременно потревожил чиновника, был его помощник капитан Скворцов. Он входил в группу доверенных людей.

— Что у тебя? — сухо поинтересовался Лимонов.

— Рейсом из Екатеринбурга в столицу только что прибыл Костан, — без предисловий сообщил Скворцов.

— Кто? — взволнованно переспросил «шеф».

— Костан, — повторил тот.

Наступила короткая пауза, после чего генерал удостоверился:

— Ты в этом уверен?

— На все сто!

В кабинете снова повисла тишина. В эту минуту чиновник выглядел растерянным.

Для подобной реакции имелись основания. Человек, которого Скворцов назвал Костаном,

был некто иной, как Олег Геннадьевич Костиков — давний знакомый генерала. Некогда они вместе учились на юридическом и были близкими друзьями. Затем Лимонов ушел работать в военную прокуратуру, исполнял интернациональный долг в Афганистане, побывал на первой чеченской. И пока он совершал трудное восхождение по служебной лестнице, Костиков оставил прокурорскую работу и занялся крупным бизнесом.

Правда, для этого ему пришлось покинуть столицу и перебраться в далекую провинцию — Челябинск, родину матери. При том обилии разных отраслей промышленности, которыми долгие годы славился Челябинск, Костиков быстро достиг желаемого, стал одним из заметных фигур среди бизнесменов, политиков и криминальных авторитетов. Естественно, репутация Костикова не осталась незапятнанной. В борьбе за самые прибыльные части экономического «пирога» Костиков не всегда пользовался законными методами.

Давнюю дружбу Лимонов и Костиков возобновили в середине 90-х годов. В то время Лимонов занимал пост первого заместителя Главного прокурора Московского военного округа и собирался переходить на работу в Генпрокуратуру, а Костиков вознамерился совершить быстрое вхождение в российскую бизнесэлиту. Тогда многие высокопоставленные чиновники занялись бесконтрольным ловом крупной рыбы в мутной воде, и Костиков вспомнил о старинном приятеле. Лимонов покрывал экономические проделки друга и снабжал его необходимой информацией. За это он получал солидные валютные вознаграждения, переводимые на банковские счета за границу.

Это было взаимовыгодное сотрудничество, потому что Лимонов сумел удержаться на плаву даже при частой смене хозяев министерских кабинетов, которая будоражила страну в первые годы независимости. Этому обстоятельству в немалой степени способствовал авторитет честного боевого генерала, который при всех передрыгах умудрялся сохранять честь мундира.

Полгода назад Костиков признался другу, что решил пойти в большую политику и выставить свою кандидатуру на пост губернатора Челябинской области. Поначалу это сообщение очень удивило Лимонова. Не то чтобы он не верил в деловые качества бывшего однокурсника. Но решимость и инициатива, столь необходимые для политика, не являлись отличительными чертами Костикова. Правда, у него имелись большие деньги и обширные связи в высоких кабинетах. А это уже кое-что значило.

Взвесив все «за» и «против», Лимонов предположил: «А почему бы и нет?» Губернаторство давнего приятеля сулило определенные выгоды и ему самому. Он свел Костикова с Борисом Осиновским, одним из новых русских олигархов, и уговорил его выступить в качестве спонсора предвыборной кампании Костикова.

Осиновский и Костиков кое-что слышали друг о друге и раньше. Но их непосредственное знакомство состоялось благодаря генералу юстиции. Трое компаньонов быстро нашли общий язык: большая политика и большие деньги всегда ходят рука об руку. В случае победы Костиков должен был помочь Осиновскому получить подряд на строительство в своей области крупного комбината по утилизации радиоактивных отходов. Осиновский же пообещал Лимонову, что в случае

удачи не пошкупится и десятая часть прибыли от сделки поступит на его счет. Даже по самым скромным подсчетам прибыль генерала должна была составить сумму около пяти миллионов долларов.

Разумеется, Лимонов не полагался на словесный договор с Осиновским. Поэтому они втроем — Осиновский, Лимонов и Костиков — поставили подписи под соглашением, которое генерал юстиции то ли в шутку, то ли всерьез назвал «тройственным пактом». Документ существовал лишь в трех экземплярах — по одному на руках у каждого. Надежной гарантией для него являлась и солидная папка компромата на олигарха — документы, которым можно было «дать ход» в случае чего.

Заручившись поддержкой нужных людей, Костиков вернулся обратно в Челябинск. А Лимонов остался лоббировать его интересы в Москве и снабжать приятеля необходимой информацией. Но вскоре выяснилось, что у кандидата в губернаторы могут возникнуть серьезные проблемы. Связаны они были не столько с той политической ситуацией, которая сложилась в стране, сколько с грехами прошлого.

В те годы удачливый бизнесмен стал едва ли не основным криминальным авторитетом на Урале и именно тогда получил свое прозвище — Костан. К тому же на поверку оказалось, что и тогда кто-то самым тщательным образом собирал компромат и пополнял досье на чиновников высшего ранга. Это грозило определенными неприятностями и самому генералу.

Однако в отличие от приятеля Лимонов чувствовал себя более защищенным. Осторожность, благодаря которой он добился успехов в карьере,

всегда была его верным путеводителем. Но без риска немислим столь головокружительный подъем по служебной лестнице. Как известно: кто не рискует, тот не пьет шампанское. Поэтому, снова взвесив все «за» и «против», генерал решил, что отступать не станет и постарается внушить эту единственно правильную мысль своему другу.

К тому же веских причин для беспокойства пока еще не было. Факсы с угрозами, телефонные звонки, компрометирующие фотоснимки — известный набор психической атаки не слишком добросовестных конкурентов. Все эти «сигналы», разумеется, необходимо принимать к сведению, но относиться к ним — как к атмосферным осадкам.

— Не принимай близко к сердцу, — говорил он. — Я знаю точно, что по линии нашего ведомства ничего на тебя нет. Если хочешь, могу проверить и по линии МВД. Там у меня есть надежные люди.

— А по линии ФСБ? Там есть надежные люди? — все еще сомневался Костиков.

Тогда эта фраза вызвала у генерала юстиции невольную улыбку. Он был уверен, что друг преувеличивает свое волнение, а потому ответил:

— Да, представь себе, и там у меня есть свои люди. Однако хочу напомнить: мы живем в другое время и сегодня эта организация имеет совершенно иные приоритеты. Главное — не принимай всерьез всю эту грязь, которая полилась на тебя, как ты сам выражаешься, бурным потоком. Вяжавшись в драку, приходится рассчитывать и на свои кулаки... Впрочем, не мне тебя учить. У тебя у самого достаточный опыт общения со всякой сволочью.

Ободренный поддержкой и добрым советом, Костиков вроде бы успокоился и снова улетел в Челябинск. С момента последней встречи прошло более двух месяцев. За это время от него не было ни единого телефонного звонка.

И вот теперь этот таинственный прилет. Лимонов пребывал в растерянности, потому что Костиков всегда заранее предупреждал его о подобных визитах, даже если навещался в Москву на один-два дня или проездом. Недоумение вызывало и то, что он прилетел не из Челябинска, а из Екатеринбурга, без предварительного звонка и каких бы то ни было разъяснений. К тому же до губернаторских выборов оставалось меньше месяца, а точнее, семнадцать дней.

«Что могло случиться? — спрашивал себя Лимонов. — И почему он прилетел из Екатеринбурга? Почему заранее не предупредил?»

Первым делом генерал предположил, что Костиков в последний момент затеял собственную игру и решил оставить его и Осиновского за бортом своих великих свершений. Но потом отказался от подобной нелепой мысли — слишком хорошо он знал Костана, которого никогда не увлекали рискованные затеи.

А вот известие Скворцова о том, что Костан прибыл в столицу рейсом не из Челябинска, а из соседнего Екатеринбурга, наводило на определенные выводы. Для Лимонова было очевидно, что его старинный приятель и кандидат на губернаторское кресло сделал это из соображений безопасности.

— Шеф, что мне делать? — напомнил о себе Скворцов, который терпеливо дожидался ответа на противоположном конце телефонной связи.

Генерал вынужден был прервать свои размышления.

— Он был один? — уточнил он.

— Один.

— Тебе известно, куда он направился из аэропорта?

— Нет. Он был налегке, быстро прошел паспортный контроль, пересек вестибюль и вышел к стоянке такси. Там он тормознул первую подвернувшуюся тачку и умчал по направлению к городу. А мою машину так зажали на стоянке, что я вряд ли заполучу ее до конца дня.

— Ладно, — недовольно буркнул Лимонов. — Он точно прибыл рейсом из Екатеринбурга?

— Обижаете, шеф, — ответил помощник с обидой, будто «шеф» подвергал сомнению не факт прилета в столицу Костикова, а его, Скворцова, профессиональные качества.

Генерал промолчал. Он пока не знал, как поступить правильно. Подозревать компаньона в нечестной игре пока не было оснований. Ничего другого не оставалось, как ждать появления самого виновника недоразумения.

— Так что мне делать, шеф? — кашлянув в трубку, напомнил о себе Скворцов. — Оставаться здесь или можно уехать?

— Остайся.

Лимонов вернул трубку на аппарат, чтобы освободить линию для возможного звонка. И потянулись минуты томительного ожидания.

Как всякий военный, генерал не любил неопределенность. Жизнь долго учила его быть терпеливым и часто наказывала, когда эмоции брали верх. Но в моменты особого душевного и физического напряжения почему-то забывалось об этих болезненных уроках. Вот и сейчас различные «почему»,

то и дело всплывавшие в сознании, не давали сосредоточиться на фактах.

А ведь если спокойно разобраться, то бить тревогу рано. Ничего особенного в том, что Костиков прибыл в Москву, не было. Но для чего тому понадобилось обставлять свой визит в столицу таинственным образом? И почему он до сих пор не позвонил?

Стрелки напольных часов в кабинете неумолимо отсчитывали время. Генерал Лимонов тщетно пытался отрешиться от своих тревожных мыслей. Не привыкший делать поспешные выводы, он тем не менее укорял себя за то, что позволил втянуть себя в опасную политическую авантюру.

По своим каналам он трижды проверил карьеру Костана в бизнесе — все было чисто, не подкопаться. Никакого компромата, за исключением мелочей. Но кто из нас без недостатков? Лимонов даже посоветовал Костану опередить соперников и в своих предвыборных выступлениях самому упомянуть о прошлой жизни.

Костиков так и сделал. Это оказался беспроигрышный вариант, и вот уже целый месяц во всевозможных опросах он оставался твердым лидером предвыборной гонки.

Лимонов не находил себе места. Его беспокойное состояние мог прекратить телефонный звонок Костикова. Однако он так и не раздался в его рабочем кабинете.

Из пятидесяти семи лет семнадцать Павел Валдаев провел в местах не столь отдаленных. Первый раз он оказался в заключении шестнадцатилетним подростком — за хулиганство; это случилось в середине шестидесятых. Потом он

еще трижды отбывал наказание. В последний раз Валдаев был освобожден по амнистии по случаю сорокалетия Победы.

Несмотря на солидный стаж тюремного заключения, этот человек всегда был в курсе событий, происходивших на воле. Он сумел добиться такого авторитета в криминальных кругах, что уже к сорока годам занимал заметное место в криминальной среде. В силу своего характера и влияния он нередко выполнял роль третейского судьи в разборках между другими воровскими авторитетами.

Казалось бы, такой человек должен обладать пудовыми кулаками, недюжинной силой и свирепым взглядом. На самом деле Павел Валдаев, по прозвищу Валдай, был довольно тощим мужчиной ниже среднего роста. Внешне он выглядел моложе по крайней мере лет на пять-семь. На его теле красовалось несколько картинных наколок, имевших определенный смысл для того, кто знал в этом толк. Некогда пышные темные волосы мужчины, подернутые паутиной седины, были всегда коротко подстрижены, аккуратно уложены назад и никак не сочетались со смуглой кожей.

Взгляд у криминального авторитета был располагающий, а глаза светились неким загадочным участием к судьбе ближнего. Тот, кто не знал о роде его занятий, мог принять его за врача или психолога, который весьма преуспел на своем профессиональном поприще. Одевался Валдай неброско, но качественно, что свидетельствовало скорее о его отменном вкусе, чем о скромном характере. Он предпочитал носить не серийные, а экспериментальные костюмы известных московских модельеров. Средний па-

лец левой руки украшал дорогой перстень с рубином.

Словом, для непосвященных ничего устрашающего и отталкивающего в его внешнем облике и поведении не наблюдалось. Он мог быть приятным интеллигентным собеседником, часто проявлял завидную эрудицию в различных областях знаний. Интересный, общительный, приятный во всех отношениях мужчина.

Так считали многие, кроме тех, кому доводилось сталкиваться с Валдаем непосредственным образом и чья судьба (а порой и жизнь) целиком зависела от его воли. В такие минуты от пронзительного взгляда светло-серых глаз этого человека веяло безжалостным холодом и цинизмом. Особенно страшен был его взгляд, когда он в гневе хмурил густые темные брови, сросшиеся на переносице.

В этот день Валдай планировал отправиться на ипподром. В выходные должен был состояться забег лошадей, и авторитет хотел оценить конъюнктуру, чтобы выставить своего рысака-ахалкетинца, купленного два года назад в Туркмении. Однако сначала он решил пообедать, для чего и наведился в ресторан «Сапфир», славившийся своей восточной кухней.

Валдай уже готовился приступить к трапезе, как вдруг у Янычара, одного из его постоянных спутников и личных охранников, зазвонил сотовый телефон. Тот ответил. Он обменялся всего несколькими фразами со звонившим и через мгновение нетвердо подступил к Валдаю, встал слева от него. Янычар прекрасно знал нрав авторитета, который не любил, когда его отвлекали во время серьезного дела. А трапеза для Валдая была именно таким делом. Ни для кого не было

секретом: авторитет любил вкусно поесть. И все же Янычар посмел его побеспокоить. Он наклонился, заняв услужливую позу, протянул трубку и негромко, словно извинялся за свой поступок, сказал:

— Босс, это тебя.

— Кто? — буркнул Валдай не оборачиваясь. Голос у «босса» был недовольный из-за того, что его оторвали от еды.

— Костан, — ответил парень, смутившись.

Валдай недовольно буркнул, однако неторопливо потянулся за салфеткой, вытер руки и рот, с хмурым видом повернулся к помощнику и буквально выхватил у него из рук трубку сотового телефона.

— У аппарата, — сказал он резким тоном.

— Паша, это ты? — прозвучал в ответ настояренный вопрос.

Авторитет сразу узнал в звонившем Олега Костикова, челябинского бизнесмена, который с недавнего времени весьма прытко рвался в большую политику.

— Нет, его двойник, — съязвил Валдай.

С Костаном ему не раз доводилось сталкиваться. Никаких претензий у авторитета к нему не было. И если бы не последняя блажь бизнесмена, то он, пожалуй, смог бы зачислить того в список симпатичных для себя людей. Но политиканов Валдай не выносил.

— Паша, мне нужно с тобой встретиться, — сказал Костиков и прибавил для пущей убедительности: — Это очень срочно.

«Разумеется, срочно», — мысленно повторил тот и усмехнулся. Когда к нему обращались за помощью, дела всегда носили безотлагательный характер. Но он был один, а просителей — много.

Выдержав паузу и бросив взгляд на сервированный стол, Валдай спокойно произнес:

— Хорошо. Через час у главного входа на ипподром.

— Дело очень важное и срочное! — попытался проявить настойчивость взволнованный собеседник.

— Я же сказал: через час у главного входа на ипподром. Все! — повторил авторитет и тут же отключил телефон.

Затем он вернул трубку парню, который замер в выжидательной позе за его спиной. Тот перехватил сотовый и попятился назад.

— Пожрать спокойно не дают. Меня ни для кого нет! — строго предупредил Валдай и наконец приступил к трапезе.

У Костана, по-видимому, случилось что-то из ряда вон выходящее. И то, что он напрямую обратился к нему, а не воспользовался поддержкой своих влиятельных столичных покровителей, только подтверждало такое предположение. Однако торопиться авторитет не стал. Назначенная встреча с Костиковым состоялась не через час, как он обещал, а почти через два часа.

Автомобиль «мерседес-600» черного цвета остановился напротив главного входа на ипподром. Сначала из него вышел плечистый парень в темных очках, беглым, но цепким взглядом осмотрелся вокруг, а затем открыл заднюю правую дверцу. Валдай выбрался из автомобиля, потоптался на месте и увидел Костикова. Тот тоже заметил авторитета, вскочил со скамейки и торопливым шагом засеменял навстречу. В руках у него был кейс.

Олегу Костикову было пятьдесят два, и он был на пять лет моложе Валдая. Но из-за полноты и неуклюжей походки он казался на несколько лет старше авторитета. Его одутловатое лицо быстро покрывалось потом, и Костиков то и дело вынужден был вытираться платком.

От внимательного взгляда Валдая не ускользнуло, что Костиков сильно изменился внешне. Но он не мог понять, то ли Костиков устал, то ли чем-то напуган, то ли его вид — результат трудного многочасового перелета.

Они обменялись безмолвными взглядами и крепким рукопожатием. Валдай жестом приказал своим парням дожидаться его на том же месте, а сам в сопровождении Костикова направился в тень, к той самой скамейке, на которой только что сидел Костиков.

— Что привело тебя в столицу, Костан? — спросил Валдай, когда они сели на скамейку.

— Паша, у меня проблемы, — скрывая волнение, ответил Костиков.

— Проблемы? А у кого их нет? — переспросил Валдай с деланным равнодушием и скользнул взглядом по кейсу, который не выпускал из рук его собеседник. — Но что касается тебя... Не думал, что у тебя могут быть какие-то проблемы, — продолжал он, глядя в сторону. — Ты крутой бизнесмен и преуспевающий политик... Слышал тут как-то, что ты вознамерился Панкрата кинуть. А ведь раньше вы были два сапога пара, друзья не разлей вода. — Валдай резко повернул голову и пристально посмотрел на Костикова. В его светло-серых глазах мерцал холод. — Мне всегда казалось, что у таких, как ты, не может быть никаких проблем.

Костиков с обреченной миной слушал собеседника.

— И все-таки они у меня есть, — вставил он пару слов.

— И что, настолько серьезные, что ты не мог решить их по телефону и специально прилетел в Москву? — Всем своим видом Валдай выказывал недоверие к словам Костикова.

— Ты можешь мне не поверить, но дело обстоит именно так, — сказал Костиков.

Немаловажным фактором, побудившим Костикова обратиться к авторитету, было то, что Лимонов имел определенный интерес во всей этой затее с губернаторскими выборами. А поскольку проблема, с которой Костиков пришел к Валдаю, грозила обернуться большим скандалом, он решил не сообщать ничего Лимонову. К тому же челябинский авторитет Панкрат, о котором упомянул Валдай, также претендовал на власть в городе. Следом за Костиковым он выдвинул свою кандидатуру на пост губернатора. С тех пор конфликт между двумя бывшими друзьями нарастал как снежный ком. Ни один из них и не думал уступать другому пальму первенства.

— Ладно, выкладывай, что там у тебя, — Валдай покосился на кейс собеседника, полагая, что там находится гонорар, причитающийся ему за решение той проблемы, которую Костиков не в силах решить самостоятельно.

— Ты знаешь, что я участвую в губернаторских выборах? — сказал Костиков.

— Еще бы мне не знать, — произнес Валдай, откидываясь на спинку скамейки. — Я знаю даже больше: ты — единственный кандидат на этот пост. Ни Панкрат, ни кто там у вас еще — не в счет. Они так, для массовки. Ведь ни

у одного из них нет бабок Осинковского. Я прав?

Костиков не стал вдаваться в подробности и раскрывать тонкости предвыборного пиара. Он сделал вид, что пропустил выпад Валдая мимо ушей.

— Я, если позволишь, по сути дела, — напомнил он.

Валдаю не понравилось, что Костиков проигнорировал его вопрос. Однако он пребывал в хорошем расположении духа, а потому не стал заострять внимание на подобном факте.

Костиков молча положил перед собой кейс, открыл его, вынул видеокассету и, ни слова не говоря, протянул Валдаю. Валдай с безразличием следил за его манипуляциями.

— Что это? — спросил он.

— Посмотри, и вопросы отпадут сами собой, — ответил Костиков.

Подобный ответ мог быть воспринят как интригующий, если бы не был произнесен таким потерянным голосом. Валдай поерзал на скамейке, будто искал удобную точку опоры, повернулся боком к Костикову, но кассету брать не стал.

— Хочешь, чтобы я посмотрел? — сказал он с едва скрываемым раздражением, кивком указывая на кассету. — Хорошо, я на нее посмотрел. Ну и что дальше?

— Нам нужен видеоманитофон...

— А ты его прихватил с собой? Я такие вещи за собой не привык таскать, — заявил Валдай.

В разговоре наступила неловкая пауза. Костиков понимал, что давить на Валдая бесполезно. От этого он мог прийти в ярость. Пришлось уступить и подождать, что решит сам Валдай.

Однако собеседнику уже не терпелось узнать, что предлагает посмотреть Костиков.

— Ладно, посмотрим «фильму», — наконец сказал он с видимым спокойствием. — Вот только загляну на конюшни.

Валдай поднялся со скамейки.

— Можешь погулять пока здесь, — предупредил Валдай. — Я скоро вернусь.

Костиков подчинился. Однако это «скоро» длилось целый час. Костиков то и дело поглядывал на часы. Он планировал в этот же день вернуться в Екатеринбург, но пришел к выводу, что на этом плане можно поставить крест.

— Ну что, не соскучился? — без всяких извинений спросил Валдай, когда возвратился к автомобилю. — Садись, сейчас подъедем в одно заведение. Там и прокрутим твою кассету.

Они забрались в автомобиль, и Валдай приказал водителю отвезти их в ночной клуб «Пеликан». Это заведение было личной собственностью Валдая. Приехав в клуб, они поднялись на второй этаж и оказались в небольшом уютном помещении. Здесь стояли кожаный диван, два кресла, стеклянный столик, а в стенке была устроена ниша для видеодвойки. Валдай подошел к видеоманитофону, вставил кассету, которую извлек из кейса и передал ему Костиков, взял пульт и устроился в одном из кожаных кресел. Он с напряжением ждал, когда на экране телевизора появится изображение. Краем глаза он видел, как Костиков обреченно опустил голову.

Изображение появилось. Валдай внимательно следил за тем, что происходит на экране.

А между тем на экране были довольно пикантные кадры: молодые люди, то ли в сильном алкогольном опьянении, то ли под воздействием наркотиков, занимались самым грязным сексом. Не мог Валдай не обратить внимания и на цветную татуи-

ровку на спине парня — обнаженная красотка с распущенными волосами и красным яблоком в руке, обвитая змеей.

— Это интересно, — глубокомысленно произнес Валдай. — Ты что же, Костан, решил податься в порнобизнес?! Если так, то могу помочь с рынками сбыта.

— Тебе весело, Паша, а мне не до смеха, — с обреченной миной буркнул Костиков.

Несмотря на завидное самообладание, Валдай не удержался и вдруг захохотал. Он вспомнил громкие скандалы недавнего прошлого на политическом олимпе. В результате сначала со своего места слетел и угодил за решетку министр юстиции, затем — Генпрокурор. Валдай вдруг представил на месте незнакомых молодых людей на экране одутловатое потное лицо Костикова.

— Да, кореш, тебе ни за что не справиться с такой биксой, — продолжал ухмыляться Валдай.

Непристойная, без всякого сюжета запись длилась пятнадцать минут, но Валдай досмотрел ее до половины. Он ждал, что вскоре на экране возникнет физиономия Костикова. Но как только он понял, что в кадре, кроме незнакомых молодых людей, больше никто не появится, он потерял интерес к записи.

— И что тебя здесь так шокировало? — спросил Валдай, когда понял, что его на пленке он не увидит. Пультом он отключил видеодвойку. — Такая живопись сейчас не в цене. Но какое отношение все это имеет к тебе?

— Самое прямое и непосредственное, — одним глотком осушив фужер, ответил Костиков. — Дело в том, что девушка, снятая в этих непристойных сценах, моя дочь.

— Неужели?!

— Представь себе, — в отчаянии Костиков беспомощно развел руками.

— Сколько же ей лет? — не без любопытства поинтересовался Валдай. Он невольно обратил взор в сторону экрана, как будто фильм еще продолжался.

— Двадцать три... Этот фильм погубит меня. — Готовый в отчаянии разрыдаться, Костиков снова обхватил голову руками.

— Талантливую дочь ты воспитал, Костан, ничего не скажешь, — не обращая никакого внимания на душевное состояние собеседника, сказал Валдай.

Минуту или две он сидел молча, перебирая возможные варианты развития дальнейших событий. Он пытался вычислить, кому и зачем понадобилось снимать подобную грязь.

— Где ты взял эту кассету? — наконец спросил он, наполняя фужер Костикова прекрасным французским коньяком.

— Получил по почте, — ответил Костиков.

— На, держи, выпей и расслабься, — Валдай толкнул собеседника в плечо и с некоторой брезгливостью протянул фужер. — Не следует пускать сопли и хвататься за голову. Не в твоих интересах паниковать.

Он вальяжно опустился в кожаное кресло и сделал большой глоток из фужера. Костиков сделал то же самое. На некоторое время в комнате воцарилась полная тишина. Костиков думал только о том, как решить проблему, а Валдай тем временем размышлял над тем, кому понадобилось шантажировать Костикова подобным способом. Он уже понял, что Костиков пришел к нему за помощью. После просмотра записи Валдай догадался, какая именно помощь понадобилась Кости-

кову. Поэтому он пытался вычислить, кто может стоять за этим шантажом, не подставит ли он себя и своих ребят, если даст согласие помогать Костикову. Валдай прекрасно понимал, что может случиться с ним лично, особенно в подобном случае. Валдай принципиально сторонился политики и никогда в нее не вмешивался, считая ее самой циничной игрой без правил.

— Сколько ты готов забашлять за решение проблемы? — поинтересовался Валдай.

— Как положено, пятьдесят штук, — глядя в упор на собеседника, ответил Костиков.

Валдай помолчал, прикидывая в уме реальную стоимость предстоящей работы.

— Не беспокойся, Валдай, я знаю расценки, — добавил Костиков, приняв молчание собеседника за некоторое колебание.

— Что ты хочешь от меня конкретно, Костан? — наконец спросил Валдай.

Валдай вертел в руке фужер, рассматривая в нем жидкость.

— У меня не осталось времени, — произнес Костиков. — Скоро выборы, а я не знаю, что предпринять.

— Понятное дело, — кивнул Валдай, продолжая любоваться коньяком в фужере. — Хочется и рыбку съесть и лапки не замочить. Когда ты получил кассету? — наконец спросил он.

— Около двух недель назад, — с надеждой ответил Костиков.

— Около двух недель?! И ты только теперь просишь о помощи?!

— Я полагал, что сам смогу уладить эту проблему, — сказал Костиков.

— И что, получилось? — спросил Валдай.

— Нет.

— Что же ты сделал?

— Направил верных людей разобраться с теми, кто промышляет подобными делами, — ответил Костиков.

— Ты нашел их?

— Нет, — отрицательно покачал головой Костиков. — Более того, Марина также исчезла.

— Кто?

— Моя дочь, — кивком указывая на экран, повторил Костиков. — Она пропала.

— Твоя дочь пропала?

— Да. Буквально накануне того дня, когда я получил кассету, она уехала на дачу и не вернулась.

— Ее похитили?

— Не знаю. Скорее всего, эта маленькая стерва сама сбежала из дома, чувствуя вину, — ответил Костиков.

— Погоди, я что-то не совсем понимаю, — перебил его Валдай. — Не хочешь ли ты сказать, что твоя родная дочь заодно с теми, кто прислал тебе эту порнуху?

— Не знаю, что и думать, но все может быть, — неопределенно ответил Костиков.

— М-да, хорошенькие дела происходят там у вас прямо накануне выборов.

— Казалось, все просчитали, все предусмотрели! И вот на тебе, удар в спину! И от кого? От собственной дочери! Никогда бы не подумал!

— Недоработка, — ответил Валдай. — Но теперь об этом поздно. Итак, что я должен сделать?

— Мой человек провел небольшое расследование и сказал, что нити тянутся сюда, в столицу, — ответил Костиков.

— Ты хочешь сказать, что именно здесь надо

искать заказчика этой дешевой фильмы? Хотя, с другой стороны...

Валдай одним глотком допил коньяк, поставил пустой фужер на стеклянный столик, откинулся на спинку кресла и закурил.

— Не такая она и дешевая, если разобраться и учесть, что на нее сделаны значительные ставки, — сказал он с хитрым прищуром глаз. — Я прав, Костан?

— Ты о чем?

— Как будто ты не сечешь. Политика — это не только грязная игра без правил, но еще и огромные барыши, — сказал Валдай, выпуская в потолок струю дыма. — С Панкратом ты разошелся. Вам, видите ли, власти захотелось. Причем в одном месте и одновременно. А по нашим законам, сам понимаешь, так не делается. Но раз решился, то полагаю, позаботился о надежной крыше. А, Костан? Потому что без этого, сам понимаешь, Панкрат с тебя не слезет.

— Панкрат — урод, который ни черта не смыслит в политике, а лезет туда же! — неожиданно вспылил Костиков. — Любит только бабки грести, а мозгами работать ленится. Привык, чтобы за него другие отдувались. Подумай, на кой хрен мне такой компаньон, да еще на выборы с ним идти?

— Не знаю, не знаю, — многозначительно произнес Валдай. — А ты не думаешь, что это именно он тебе отомстил? — предположил он.

— Нет, он до такого вряд ли додумается, — отказался от такого предположения Костиков. — Я его хорошо знаю. Панкрат не изменяет своим принципам, проблемы решает по старинке. Чуть что — сразу хватается за ствол. В последнее время немного поостыл. Хорошим советчиком об-

завелся. Состоит при нем адвокатом и юрисконсультом в одном лице. Молодой, да ранний. Чебуреком прозвали. Поговаривают, что этот самый Чебурек имеет на Панкрата исключительное влияние. Похоже на правду. Он сумел облагородить Панкрата, создал ему имидж своего в доску парня. По всему городу расклеили плакаты с физией Панкрата и надписью: «Надежность и постоянство».

— Что ж, неплохая реклама. Значит, Панкрат отпадает?

— Да.

— Но какие-то зацепки у тебя есть?

— Вместе с кассетой они прислали сопроводительное письмо.

Костиков открыл кейс, вынул и протянул Валдаю немного помятый лист с аккуратно отпечатанным текстом: *«Мудаку, который мнит себя губернатором. Если ты не снимешь свою кандидатуру, еще три подобных сувенира покажут по центральному телеканалу»*. Подпись внизу гласила: *«Доброжелатели»*.

Текст послания снова вызвал у Валдая ухмылку. Он повертел лист в руках и вернул Костикову.

— Что скажешь? — спросил тот, быстро спрятав послание в кейс.

Валдай буквально распирало от смеха. И если бы не серьезность ситуации, он бы рассмеялся. Одна мысль о том, что кто-то позволяет себе обращаться к Костикову в подобном тоне, забавляла его. Но он постарался сохранить видимое спокойствие, а в уме уже просчитывал возможные варианты ответных действий.

— Я сумею вычислить твоих шантажистов, — спокойно произнес он после очередной затяж-

ки. — Но на это мне понадобится неделя-другая.

Костиков пристально посмотрел на собеседника. Ему хотелось верить каждому его слову. Он знал, что тот не привык бросать слова на ветер. Но на этот раз слова Валдая не вызывали у него полного доверия.

— Возможно, я бы уладил эту маленькую проблему быстрее, но в подобных обстоятельствах я не могу использовать свое влияние и светиться в делах, имеющих неприятный запах, — продолжал говорить Валдай. — Надеюсь, ты прекрасно понимаешь почему.

Костиков согласно кивнул, потянулся за сигаретой и тоже закурил. Он, конечно же, сразу сообразил, что имеет в виду Валдай. Если Валдай возьмется за дело как третейский судья, то может поставить под удар не только свой авторитет, но и своих парней. Не зная, кто стоит за шантажом, он, дав согласие помочь Костикову, может стать причиной разборок между криминальными группировками или, того хуже, между группировками и правоохранительными органами. Отсюда Костиков сделал для себя неутешительный вывод, что и сам Валдай не уверен в успехе дела.

— Что ты скажешь на все это, Паша? — спросил Костиков.

— Сейчас мне совершенно очевидно, что у тебя имеются довольно изобретательные враги, — начал излагать Валдай. — Это и неудивительно. Ты положил глаз на самый жирный кусок слоевого пирога, Костан. Если они не берут тебя на понт и на самом деле имеют возможность запустить эту порнуху на широкий экран, то за ними должны стоять влиятельные покровители. Не ошибусь, если предположу, что эти покровители

вхожи в самые высокие кабинеты. На твоём месте я бы не был так уверен в том, что это не Панкрат. Кстати, у него есть кто-нибудь, кого называют олигархами?

При этом Валдай многозначительно ткнул указательным пальцем правой руки в потолок.

— Он как раз этим на каждом шагу козыряет, — ответил Костиков.

— А у других претендентов на престол?

— Остальные в большинстве своём пешки, за исключением, может быть, Спиридонова. Он бывший руководитель металлургического комбината.

— Да, они, конечно, будут валить тебя. Странно, что они избрали столь непопулярный способ. Чего греха таить, ты знаешь, я никогда не лез в политику, но знаю массу людей, которым не все равно, кто сядет в кресло челябинского губернатора, — Валдай сделал паузу, затянулся сигаретой, выпустил дым через ноздри и раздавил окурок в пепельнице. — Так что посылай своих парней тебе в помощь... Извини, Костан, не получится.

— Знаешь, направляясь в Москву, я думал о том же самом, — сказал Костиков. — Ты был моей последней надеждой, Паша. По всей видимости, к этому всё шло с самого начала. Мне ведь и раньше приходили угрозы. Уже тогда я чувствовал, что дело пахнет порохом.

— Успокойся, Костан, и не паникуй раньше времени, — успокоил его Валдай. — Я же не сказал тебе, что ничем не могу помочь. Я лишь объяснил ситуацию. Мы вычислим шантажистов, и в этом не может быть никаких сомнений.

— А не будет поздно? — предположил Костиков.

— Думаю, нет, — уклончиво ответил Валдай. — Ты прекрасно понимаешь, в какое время мы живем. Иной раз помогают личные связи наверху, другой — служебное положение, а в третий все решают деньги.

— Ты хочешь сказать, что я должен предложить шантажистам деньги? — спросил Костиков.

— Ни в коем случае, — заявил Валдай. — Я говорю о том, что, раз тебе предложили грязную игру, тебе следует подчиниться и начать игру по той же схеме.

— И?

— Я знаю одного человека, который способен решить твою маленькую проблему тихо и без подсветки, — сказал Валдай.

— Это надежный человек? — Костиков вдавил окурок в пепельницу.

— Надежный, не сомневайся, — ответил Валдай. — Он бывший афганец, офицер, а эти парни знают толк в рискованных делах.

— Он... киллер? — рискнул предположить Костиков.

— Нет, но он великолепный стрелок и отлично знаком со всеми видами оружия. По своей натуре этот человек — бунтарь. Для него очень важны такие понятия, как честь, совесть, ответственность.

— Ты не боишься, что с такой характеристикой в один прекрасный момент он может оказаться неуправляемым?

Подобие улыбки тронуло лицо Валдая.

— Такое может случиться с каждым, — сказал он. — Именно в силу своего характера он может быть очень опасен, расчетлив, отважен и коварен для твоих недоброжелателей. Но самое

главное — совершенно надежен и неподкупен. Важно лишь правильно преподнести информацию.

— Насколько я понимаю, ты хочешь нанять этого человека, используя его же собственные принципы? — спросил Костиков.

— Ты правильно все понял, — сказал Валдай. — Этот человек — мой должник. Однажды я помог ему разобраться в одном грязном деле, из-за которого он едва не угодил за решетку. По моим сведениям, он имеет связи среди разного рода людей, умеет налаживать контакты и входить в доверие. А это, как ты сам понимаешь, немаловажно при выполнении деликатных заданий.

— Кто же это? Как его зовут? — был заинтригован Костиков.

Своим цепким, изучающим взглядом Валдай скользнул по глазам собеседника. Он хотел понять, стоит ли открывать перед ним карты и посвящать в подробности и тонкости тех способов и механизмов, которыми собирается воспользоваться.

— Его имя тебе все равно ничего не скажет. Но если хочешь... Некто Борис Рубцов, по прозвищу Комбат, — наконец ответил он.

— Ладно, когда он сможет приступить к делу? — спросил Костиков, совершенно безучастный к человеку, имя которого он слышал впервые и, возможно, после этого дела не услышит никогда.

— Как только я с ним переговорю, — сказал Валдай.

— Желательно, чтобы он начал действовать как можно скорее, — осторожно высказал пожелание Костиков.

— Куда нам спешить?

— Вам, возможно, и некуда, а вот мне... Не забывай, до губернаторских выборов осталось меньше месяца.

— Извини, Костан, но за срочность я беру двойную таксу.

— Ну, знаешь ли, Паша, это по меньшей мере нескромно.

— Наверное, ты прав, — ответил Валдай. — Зато надежно, — заключил он тоном не терпящим возражений и встал со своего места. — Да и тебе в конечном счете будет дешевле.

Костиков понял, что с Валдаем бесполезно торговаться.

— Итак, ты платишь половину сейчас, а половину после выполнения работы, — сказал Валдай. — Что ты хочешь, чтобы сделали с теми, кто сострипал на тебя эту грязь?

— Я хочу, чтобы все их оригиналы передали мне в руки, а моя дочь вернулась домой, — ответил Костиков.

— О'кей, будет сделано, — пообещал Валдай и протянул руку для прощания.

В этот самый момент входная дверь распахнулась, на пороге возникла фигура Янычара — молодого парня спортивного телосложения с угрюмой физиономией.

— Тебе чего? — спросил Валдай.

Янычар косо глянул на Костикова, затем обратился к Валдаю.

— На улице у входа пасется какой-то чухан ушастый. Похоже, за ним хвост, — сказал парень, кивком указывая на Костикова.

Валдай с холодным безразличием посмотрел на собеседника.

— За тобой кто-нибудь следил?

— Нет. Никто не знает, что я в Москве. Думаешь, хвост за мной? — неуверенно пробормотал Костиков.

— При таком повороте событий вполне может быть, — неопределенно ответил Валдай и тут же спросил: — Сколько ты собираешься пробыть в Москве?

Костиков посмотрел на часы.

— Я прилетел только для того, чтобы встретиться с тобой, — сказал он. — По времени я успеваю на последний рейс до Екатеринбурга.

Он подался к выходу, всем своим видом выражая намерение немедленно отправиться в аэропорт.

— Мои парни проводят тебя до аэропорта, — сказал Валдай.

— А как же тот, на улице?

— Это уже не твоя забота, — успокоил собеседника Валдай.

Дрожащей рукой Костиков подписал чек на предъявителя и передал его Валдаю. Не без колебаний и внутренних сомнений он оставил ему и видеокассету. Затем его провели на задний двор, усадили в «БМВ» и повезли в аэропорт.

Глава 2

Предположение Валдая оказалось верным. О прилете Костикова в столицу узнал не только он. Благодаря своему помощнику Скворцову о том же знал генерал юстиции Лимонов. Но еще от самого Челябинска за ним следил непримет-

ный брUNET среднего роста и крепкого телосложения, примерно двадцати пяти — двадцати семи лет.

Это был Сергей Новиков, по кличке Ной. Он входил в группировку известного челябинского авторитета Панкрата — Дмитрия Панкратова. Тот имел свои виды на крупные предприятия, приватизированные Костиковым не без его помощи. Долгое время Костилов делился прибылью с Панкратом. Но в один прекрасный момент он сказал Панкрату, что идет в большую политику и вынужден прекратить совместный бизнес.

Костилов назвал огромную сумму в качестве отступного. Но ни условия, ни сумма, которую он предложил, не устраивали Панкрата. Он потребовал от своего адвоката проверить, что на самом деле скрывается за предложением Костилова. Тот взялся за работу и вскоре выяснил, что Костилов решил избавиться от Панкрата по той простой причине, что теперь будет делиться прибылью со своими московскими покровителями. И тогда Панкрат решил ни за что не выпускать из своих рук Костилова и те огромные деньги, которые получал от совместного бизнеса. А спустя некоторое время он по своим каналам узнал, что у Костилова в самом деле появился новый партнер по бизнесу — крупный олигарх Борис Осинковский.

Панкрат пришел в ярость.

— Еще никому не удавалось сделать из Панкрата лоха и обувь его в лапти! — грозно заявил он о самом себе в третьем лице.

И тогда по совету своего адвоката Панкрат сделал то же самое, что и Костилов: он зарегистрировался в качестве кандидата на пост губерна-

тора. Буквально на следующий день об этом уже знал Костилов. С этого самого момента между двумя бывшими компаньонами развернулось соперничество за влияние на избирателей, быстро переросшее в скрытую войну. До поры до времени Панкрат не заявлял Костилову ни о своих претензиях, ни о своей осведомленности относительно его связи с олигархом. Он просто установил за своим соперником слежку и не выпускал из виду ни один его шаг.

Но приближалось время выборов, и Панкрат решил активизировать свои действия против Костилова. Он понимал, что, если Костилову удастся стать губернатором — а дело шло именно к тому, — тот выскользнет от него. Панкрат внимательно следил за тем, что происходило после губернаторских выборов в других областях, и знал, где потом оказывались все «братки». Он был не из тех, кто стремился разделить их участь.

— Даже если он сядет в космическую ракету и поднимется на Луну, я хочу, чтобы вы последовали за ним, — строго приказал он парням, которым поручил следить за Костаном.

Как только «мерседес» Костилова из Челябинска домчался до Екатеринбурга и оказался в аэропорту Кольцово, Новиков тут же связался по сотовому телефону с Панкратом. Выслушав парня, Панкрат приказал ему следовать за Костиловым.

Парень летел в Москву в одном самолете с Костиловым. И в аэропорту Внуково он не выпускал его из поля зрения. На стоянке такси он оказался за спиной Костилова. Чтобы узнать, куда тот направляется, Ной поспешил за ним. И когда тот уже сел в такси, он сделал

вид, что пытается вскочить на заднее сиденье.

— Извини, парень, уже занято, — бросил ему таксист. — Советую дождаться другой машины.

Сам же Костиков даже не обратил внимания на Ноя. Зато парень успел расслышать столичный адрес, который назвал Костиков таксисту. Он тут же остановил первого частного извозчика и назвал тот же адрес. Костиков не обратил никакого внимания и на то, что буквально через минуту, как он вышел из такси в центре, недалеко припарковался автомобиль «фольксваген-пассат» цвета темно-зеленый металлик. Ной внимательно следил за Костиковым, видел, как тот звонил по телефону, а затем отправился следом за ним к московскому ипподрому. Когда же приехал Валдай, Ноя подмывало подойти поближе и услышать хотя бы слово из того, о чем говорили собеседники. И все же он удержался от опрометчивых поступков. Видя, что незнакомый собеседник Костикова прибыл на шикарном автомобиле «мерседес-600», да еще в сопровождении охраны, он понял, что незнакомец из деловых.

Ной сразу догадался: именно ради этого свидания Костиков и прилетел сюда, за две тысячи километров от Челябинска. Из этого он вывел и еще одно умозаключение: а раз так, то эта встреча имеет чрезвычайное для Костана значение.

Догадка обрадовала Ноя. Он предвидел, что Панкрат будет доволен его работой. Он старался оставаться незамеченным. Раз уж ему не удалось подслушать, о чем говорили собеседники, он решил во что бы то ни стало разузнать, кто же этот незнакомец. Чутье подсказывало, что после

этого свидания Костиков, скорее всего, отправится назад в Челябинск. А вот за проявленную инициативу и слезку за незнакомцем Панкрат обязательно похвалит его.

Однако после разговора вместо ожидаемого отъезда Ной увидел, что Костиков остался сидеть на скамейке, а его собеседник вошел на ипподром и вскоре исчез из виду. Между тем автомобиль, на котором он приехал, оставался стоять на прежнем месте.

Ной немного растерялся. По правде говоря, ему не хотелось сидеть на одном месте и ждать, когда снова появится собеседник Костикова. Он посмотрел на часы, которые показывали челябинское время. Было почти шесть часов вечера. В это время Панкрат обычно отдыхал в одном из принадлежавших ему игорных заведений. Ной достал сотовый телефон и набрал номер. После нескольких длинных гудков вызова ему ответили.

Это был сам Панкрат.

— Что у тебя, Ной?

Парень подробно рассказал авторитету о том, куда направился Костан и где он сейчас.

— Похоже, они в приятельских отношениях с этим хмырем, — высказал Ной свое предположение. — У него очень крутая тачка. Скорее всего, ни он, ни Костан не собираются торчать здесь долго.

Последовала пауза, а затем Панкрат распорядился:

— Сиди у него на хвосте. Что бы ни случилось, ты должен узнать, кто собирается крышевать Костана. Постарайся узнать, кто этот хмырь и какие у него дела с Костаном. Ты меня понял? — распорядился Панкрат.

Ною пришлось провести в ожидании еще почти час, пока незнакомец в сопровождении троих крепких парней снова появился у автомобиля. Он обменялся с Костиковым несколькими фразами, а затем оба забрались в салон, и автомобиль тронулся в путь.

Ной понял, что может потерять своих подопечных. Он стал у края проезжей части и начал голосовать перед каждым автомобилем. Тем временем «мерседес-600» стремительно удалялся.

И все же Ною повезло. Он остановил попутку и настиг Костикова и незнакомца у самого клуба «Пеликан». Прождав некоторое время в отдалении, он рискнул приблизиться к самому входу. Здесь-то его и приметили парни Валдая.

Волнуясь, парень потерял бдительность. Прошло более часа, как Костиков вслед за незнакомцем вошел в заведение под названием «Пеликан» и с тех пор не появлялся. К тому же Ноя начал донимать голод. Лишь в аэропорту он успел проглотить почти сырой, но очень горячий чебурек.

Донимаемый чувством голода, он покинул место наблюдения и приблизился к клубу. Он стал прохаживаться взад-вперед вдоль входа, пытаясь понять, что могло случиться с Костиковым и почему его так долго нет. Ной решил обойти здание и посмотреть, нет ли в нем другого выхода. В тот момент, когда он подошел к воротам заднего двора, оттуда как раз выезжал «БМВ».

Ной хорошо рассмотрел человека на заднем сиденье. Это был Костиков. Парень вдруг сообразил, что его, скорее всего, заметили и решили провести. Но не успел он сделать и пару шагов, как прямо перед ним выросла плечистая фигура с уг-

рюмой физиономией. Ной хотел прикинуться прохожим, но за спиной вдруг услышал:

— Тихо, парень, без резких движений. Заходи во двор и не вздумай дурить.

Ной обернулся и увидел еще двоих парней. Понимая, что всякое сопротивление бесполезно, он подчинился требованию и шагнул за ворота, которые тут же закрылись.

Спустя час Костиков уже находился в аэропорту Внуково, куда его доставили парни Валдая. Костиков прошел регистрацию и, чтобы до конца оставаться никем не замеченным и не узнаваемым, не стал пользоваться залом ожидания. До объявления рейса он стал бессмысленно бродить по аэровокзалу.

Именно за этим занятием его и застал Скворцов. Помощник генерала Лимонова был приятно удивлен такой удаче. Он тут же поспешил поделиться со своим шефом. Не выпуская Костикова из поля зрения, он вынул сотовый телефон и нажал кнопку набора запрограммированного номера.

Однако, вспомнив прошлый разговор с генералом, тут же дал отбой. Скворцову показалось странным, что Костиков не скрылся от посторонних глаз в зале ожидания, а бесцельно бродит по аэровокзалу.

Не долго думая Скворцов отправился к регистрационной стойке. Одарив молодую симпатичную девушку доброжелательной улыбкой, он спросил, не регистрировался ли на ближайший рейс до Челябинска некто Костиков Олег Геннадьевич. Все с той же улыбкой Скворцов для пущей убедительности предъявил удивлен-

ной девушке свое служебное удостоверение. Девушка бросила взгляд на удостоверение, изучающе посмотрела на Скворцова, а затем обратила свой взор на экран компьютера. Ее пальцы быстро застучали по клавиатуре, после чего она ответила:

— Ближайший рейс на Челябинск через два с половиной часа, но человек по фамилии Костиков на него не регистрировался.

Встретив взгляд девушки глаза в глаза, Скворцов предположил, что с ним играют злую шутку. Ему показалось, что взгляд девушки излучает легкую иронию.

— Девушка, я с вами не шучу, это очень важно, — как можно более строго сказал Скворцов. — Вы уверены в том, что Костиков не брал билет до Челябинска?

— Никто и не собирается с вами шутить. — Девушка обиделась. — Я уверена в своих словах, у нас не может быть ошибки.

«Черт возьми, что происходит? — спрашивал себя Скворцов. — Провалиться мне на этом месте, если это не Костиков!»

В мыслях он уже хвалил себя за то, что не стал спешить со звонком к шефу и решил проверить все самолично. Теперь по всем показателям выходило, что он ошибся и в первый, и во второй раз.

Но с этим Скворцов никак не мог смириться. На некоторое время он погрузился в раздумье. Девушка за регистрационной стойкой предположила, что своим ответом удовлетворила любопытство подозрительного субъекта со служебным удостоверением Генпрокуратуры, и собиралась уйти. Но тут Скворцова осенила догадка. Он вдруг вспомнил, как однажды во время встречи

Лимонова с Костиковым последний сказал, что во избежание ненужных разговоров прилетел в столицу не из Челябинска, а из соседнего Екатеринбурга. На всякий случай Скворцов решил проверить и этот вариант.

Девушка с недовольным видом вернулась за компьютер. После нескольких нажатий клавиш она разочаровала Скворцова отрицательным ответом. Тогда он раздраженно потребовал:

— А вообще, регистрировался ли Костиков хотя бы на какой-нибудь рейс? Такую услугу вы можете мне оказать?

— Вполне, — миролюбивым тоном ответила девушка.

Но через минуту Скворцов получил все тот же отрицательный ответ. Совершенно сбитый с толку, он отошел от стойки и даже не поблагодарил девушку за оказанные услуги.

— Хам, — недовольно буркнула та и поспешно ушла в служебную комнату.

Скворцов тем временем направился на поиски Костикова. Он встретил его неторопливо прохаживающимся по залу ожидания. Пользуясь многолюдностью, Скворцов подобрался к нему как можно ближе. Стараясь остаться незамеченным, он начал пристально всматриваться в Костикова. И вскоре у него не осталось никаких сомнений относительно того, что это был именно он.

«Но почему его фамилии нет ни в одном регистрационном списке? — с недоумением размышлял Скворцов. — Для чего он прилетал в Москву, почему так быстро улетает из столицы?»

Затем он подумал, что, пока он пытается найти логическое объяснение загадочному поведению Костикова, уйдет время. Костиков может

сесть на ближайший рейс и оставить его с носом. Как потом объясняться с шефом?

Не долго думая Скворцов снова нажал нужную кнопку сотового телефона.

— Шеф, это я, — почти шепотом произнес он, не сводя глаз с Костикова.

Тот в это время зашел в бар-ресторан.

— Ну где ты запропастился, черт тебя подери! — не скрывая волнения, спросил Лимонов.

— Интересующая вас особа только что вернулась в аэропорт, — не обращая внимания на упрек в свой адрес, сообщил Скворцов.

— Он один? — сменив гнев на милость, иным тоном спросил Лимонов.

— Да, — ответил Скворцов. — Похоже, он уже прошел регистрацию и ожидает посадку на рейс. Сейчас он зашел в бар-ресторан.

На этот раз мыслительные действия в голове Лимонова происходили с завидной быстротой.

— Ладно, я выезжаю к тебе, — сказал он. — Звони либо на сотовый, либо в машину. И еще... Постарайся не терять его из виду.

— Шеф, есть одно «но»... Алло, шеф?

Скворцов хотел сделать полный отчет по результатам наблюдения, но генерал Лимонов уже повесил трубку. Беззвучно выругавшись, Скворцов отключил телефон и принялся следить за Костиковым. Его терзали недобрые предчувствия. Генералу Лимонову предстояло ехать через весь город, он прибудет в аэропорт не раньше чем через час-полтора. За это время Костиков может улететь. Но куда? Ведь он, по твердому убеждению Скворцова, не прошел регистрацию.

Скворцов ошибся в расчетах. Генерал Лимонов был в аэропорту уже через пятьдесят минут. Скворцов встретил шефа у входа.

— Где он? — вместо приветствия спросил Лимонов.

— Я должен вам кое-что объяснить, — Скворцов перешел на торопливый шаг, чтобы не отставать от генерала. — Дело в том, что до вашего приезда я проверил регистрационные списки на ближайшие вылеты из Внуково.

— И что? — Генерал даже не посмотрел в сторону Скворцова. Он искал глазами того, ради кого примчался на служебном автомобиле.

— По спискам выходит, что Костиков никуда не вылетает сегодня, — сообщил Скворцов.

— Вот как? — произнес генерал без тени удивления.

Он прекрасно знал, почему Скворцову не удалось обнаружить фамилию Костикова в списках на регистрацию, но вряд ли стал бы посвящать помощника во все тонкости двойной жизни своего приятеля.

Скворцов пытался еще о чем-то поведать шефу, но тот вдруг резко остановился, продолжая смотреть прямо перед собой. Скворцов проследил за его взглядом и понял причину внезапной остановки. Не более как в двадцати шагах от них на скамейке сидел Костиков. Держа в руках журнал, он был погружен в чтение и не видел Лимонова.

— Будь поблизости, только старайся не попадаться на глаза, — приказал генерал, дав понять Скворцову, чтобы тот наблюдал за обстановкой со стороны.

Помощник так и сделал. Он удалился, занял удобное положение для наблюдения и стал приглядывать за окружающей обстановкой. Периодически он обращал свой взор на генерала Лимонова и Костикова.

Тем временем Лимонов вплотную приблизился к Костикову.

— Что же это ты, Олег Геннадьевич, забываешь старинных друзей? — как ни в чем не бывало произнес он.

Костиков обернулся на знакомый голос и попытался добродушно улыбнуться. Но от внимательного взгляда Лимонова не ускользнуло, что Костиков был озадачен его неожиданным появлением в аэропорту.

— Виктор, ты? Какими судьбами?

Он отложил в сторону журнал и, насколько позволяла комплекция, резко вскочил и протянул руку для приветствия. Продолжая пристально смотреть в глаза старого приятеля, Лимонов ответил крепким рукопожатием.

— Это ты мне скажи, какими судьбами. Почему не сказал, что прилетишь в столицу? Почему не позвонил, когда прилетел? Я бы отправил за тобой машину, — Лимонов обрушил на него поток вопросов.

Поначалу Лимонов отнес медлительность своего приятеля на счет долгого перелета и дневной усталости. Но потом уловил запах спиртного, исходивший от Костикова, и догадался, что тот успел уже пропустить рюмку-другую в баре-ресторане аэропорта, а может, и в другом месте.

— Я не совсем понимаю... Ты что же, хочешь сказать, что знал о моем прилете? — наконец сообразил Костиков.

— А ты как думал! — не без гордости ответил Лимонов. — Полагаешь, мы забросили службу и только тем и занимаемся, что просиживаем штаны?

— Да-а, служба у вас налажена хорошо, я бы даже сказал, отлично, — стараясь скрыть

свое истинное настроение, произнес Костиков.

— Ну, как твои успехи? — поинтересовался Лимонов, всячески подталкивая старого приятеля к объяснению причины московского визита.

Но вместо этого Костиков спросил:

— Как ты узнал, что я в Москве?

Лицо Лимонова приобрело суровое выражение. Вопрос приятеля свидетельствовал о том, что тот старается уйти от ответа.

— Очень просто, — ответил он. — Один мой человек видел, как ты проходил паспортный контроль во Внуково.

— Ясно. Ну а как ты живешь? Как жена, дети?

Костиков постарался выдать из себя некое подобие дружеской улыбки. Но его слова окончательно убедили проницательного Лимонова в том, что старинный друг всячески избегает делового разговора.

— Маша с детьми путешествуют, я сейчас живу за городом, в городской квартире практически не бываю, — сказал Лимонов. — Кроме того, в последнее время с работой завал, приходится сидеть в кабинете с утра и до позднего вечера... Да что мы все обо мне? Как твои дела? Как проходит предвыборная кампания? Осталось ведь совсем немного времени.

По тому, каким тоном говорил с ним Лимонов и как он смотрел на него, Костиков предположил, что тот осведомлен не только о его прилете в столицу, но, скорее всего, и о неприятностях.

— По правде говоря, мои мысли заняты совсем другим, — вздохнул Костиков.

— Так что все-таки у тебя произошло? — спросил Лимонов, понимая, что настало время для откровенного разговора.

— Здесь не самое подходящее место для беседы, давай отойдем в сторонку, — предложил Костиков.

Костиков с тяжелым вздохом распрямил плечи. Он словно бы старался взбодриться перед началом заведомо проигранного поединка.

— У меня неприятности, дружище, и очень крупные... — обреченно произнес он. — Я бы мог сказать, что прилетел в Москву чисто по личному делу, но это не так. — Костиков неловкими нервными движениями теребил ручку кейса, чем обратил на него внимание Лимонова.

— Верю, иначе ты не стал бы прилетать сюда по одному из своих фальшивых паспортов, — проявил свою осведомленность Лимонов.

— Ты и об этом знаешь?

— Я ведь сказал, что моя служба работает на «отлично».

Лимонов говорил с такой уверенностью, что Костиков подумал, что это именно его люди следили за ним во время встречи с Валдаем.

— Твои люди следили за мной? — решился спросить он.

— А что?

— Дело в том, что я засек одного из них, — признался Костиков.

— Вот как? — Лимонов откровенно удивился, потому что знал наверняка: никто из его подчиненных за Костиковым не следил.

— Вернее, не я, а люди того, с кем я встречался. — Он снова понизил голос до шепота. — Знаешь, мои прежние опасения подтвердились, — сказал он так, словно хотел вызвать к себе сочувствие.

Несколько сбивчиво Костиков начал рассказывать о том, что с ним произошло. Он старался

не упустить ни одной подробности. Лимонов слушал внимательно и ни разу не перебил старого приятеля.

Чем глубже Лимонов проникал в суть проблемы, с которой Костиков наведлся в столицу, тем больше у него росла тревога по поводу исхода предстоящих выборов. Ведь он был заинтересован в их результате не меньше самого Костикова. Поэтому он неодобрительно отнесся к решению обратиться за помощью не к нему, своему старинному приятелю, а к криминальному авторитету. Затея с губернаторскими выборами и прежняя предвыборная игра в пользу Костикова рушились на глазах. Возможности получения солидной прибыли, которую он рассчитывал получить благодаря финансовым вложениям Осиновского, резко упали.

— Я знаю, я подвел тебя и Осиновского, — угадав, о чем думает Лимонов, сказал наконец Костиков. — Но ведь не все потеряно, время еще есть. До выборов остался почти месяц.

— Олег, тебе не кажется, что ты сейчас занимаешься самоуспокоением? — упрекнул Лимонов приятеля.

Костиков не выдержал его взгляда и виновато потупил взор. Ему нечего было ответить бывшему сокурснику.

— Как только ты получил эту злосчастную кассету, тебе следовало немедленно поставить меня в известность, — наставлял его Лимонов. — Теперь своим необдуманным поступком ты не только поставил выборы под угрозу срыва, но и подвел меня. Что скажет Осиновский, когда узнает, что ты возобновил связи с криминальным миром? Это же было главным условием сделки. Не знаю, Олег, как хочешь, но я

должен сказать: «Это был опрометчивый шаг».

— А как бы ты поступил на моем месте? — выдвинул взаимный упрек Костиков. — Кто, по твоему, знает лучше криминальный мир, как не сами представители этого мира? Кроме того, они умеют хранить чужие тайны. Уж в этом будь спокоен. Вот почему Валдай — моя единственная надежда.

— Возможно, но лишь до поры до времени, — сказал на это Лимонов. — Ни я, ни ты, ни кто-либо другой не может сейчас дать стопроцентной гарантии, что тебя во время встречи с Валдаем не снимали на пленку... Кстати, а где она?

— Я оставил ее Валдаю, — ответил Костиков.

Лимонов разочарованно покачал головой.

— Снова опрометчивый шаг с твоей стороны, — заметил он. — А что если Валдай и не собирается заниматься твоим делом? Что если он найдет на кассету такого покупателя, который выложит сумму вдвое больше твоей?

— Валдай и не собирался заниматься этим делом, — ответил Костиков. — Он сразу предупредил меня об этом. А насчет опрометчивости... Знаешь, тебе это может быть неизвестно, но Валдай давно и довольно успешно справляется с обязанностями третейского судьи в криминальном мире. И вряд ли он на этот раз захочет испортить свою незапятнанную репутацию. С этим в их среде весьма строго.

— Если Валдай не собирается заниматься твоим делом, то тогда кто им займется? — поинтересовался Лимонов.

— Он назвал мне только имя, но я никогда не видел и, надеюсь, не увижу этого человека, — ответил Костиков. — Он отставник, бывший офи-

цер. Валдай сказал, что на него можно положиться. И если этот человек действительно имеет те качества и свойства характера, которые мне описал Валдай, он способен выполнить нелегкое задание.

— Вот как!? И кто же этот удалец?

— Его зовут Борис Рубцов.

— Как ты сказал? Борис Рубцов? — Лимонов не сумел скрыть своего удивления. «Слишком неожиданные повороты в событиях преподносит иногда жизнь», — подумал он.

Костиков удивился:

— Ты с ним знаком?

Стараясь скрыть смущение, Лимонов лихорадочно соображал, стоит ли раскрывать карты перед Костиковым после всех тех дурацких поступков, которые тот совершил за последнее время. Да, он знал майора Рубцова по Афганистану и Чечне. В Афганистане он зарекомендовал себя как настоящий боевой офицер, да и в Чечне он был самым честным и принципиальным. В Афганистане Рубцов командовал десантной ротой. Там его прозвали Комбатом. С тех пор это прозвище к нему так пристало, что многие сослуживцы давно не упоминали его настоящего имени.

— Полагаешь, я обязан знать всех отставников Советской Армии? — постарался уйти от прямого ответа Лимонов. — Я же военный прокурор.

Но его слова показались Костикову неубедительными. Он ощутил неискренность в словах Лимонова.

— Ты его не знаешь? — как будто с упреком переспросил он.

— Возможно, наши жизненные дороги где-

нибудь и пересекались, — уклонился от прямого ответа Лимонов. — Но то, что личного знакомства с этим человеком я не водил, это точно. Просто фамилия довольно благозвучная и вместе с тем редкая.

Костиков не стал больше расспрашивать Лимонова.

На самом деле, услышав фамилию Рубцов, Лимонов предался воспоминаниям. Он хорошо запомнил майора Бориса Рубцова — волевого, решительного командира роты десантников, в то время еще капитана. Командира отделения сержанта Порубова, белобрысого парня из Смоленска, привлекли к суду военного трибунала. Душманы обстреляли караван, погибло много солдат и офицеров из нового пополнения. Отделение входило в состав подразделения Рубцова и тогда прикрывало всю колонну. Никто не осмелился сказать даже слова в защиту парня, чья вина состояла лишь в том, что после боя он остался жив. На него просто свалили вину за провал бездарно спланированной операции. И только Рубцов не дал парня в обиду. Он решительно вступился за него и даже пригрозил Лимонову, что, если сержанта Порубова не оправдают, он лично атакует комендатуру. И сержанта не засудили, хотя и не оправдали. Его просто выслали в Союз.

После вывода войск Лимонов потерял Бориса Рубцова из виду. Он отлично знал, что Рубцов не будет посещать официальные тусовки по поводу очередной годовщины вывода войск. Вот почему он ни разу не встречал его на таких встречах. Бунтарь по натуре, Рубцов был честным, совестливым и ответственным человеком. Такие на дух не выносят официоза. Именно из-

за своего ершистого характера он, храбрый боевой офицер, недавно ставший майором, награжденный орденами и медалями, в период сокращения армии был уволен в запас и не получил продвижения по службе. Не только генерал Лимонов, но и другие командиры сознавали, что именно благодаря таким командирам — способным и принципиальным — наша армия в провальной афганской авантюре сумела сохранить свое лицо, а главное — личный состав. Без таких командиров число наших потерь в этой войне могло составить цифру, втрое превышающую ту, которую называла официальная статистика.

Такие офицеры, как майор Рубцов, нужны были и новой российской армии. Но дело в том, что сама система не терпит таких людей, выталкивает их на периферию, а иногда и просто уничтожает. Системе нужны те, кто приходит выслужиться, а не служить, делать военную карьеру, а не защищать Родину. Поэтому Борис Рубцов и ему подобные оказались не у дел, вышли в отставку и по-разному прожигали свой войсковой талант. Они многое умели, на многое были способны, но так и не смогли устроиться в мирной жизни. Невостребованность привела одних в криминальный мир, других — на задворки общества, третьих — в психолечебницы. И лишь немногие смогли создать свой быт и спокойную семейную жизнь.

Рубцов не подходил ни под одну из перечисленных категорий. Он не стал членом бандитской группировки, не превратился в бомжа и не попал в психбольницу. Но он не наладил свой быт и не обзавелся семьей. Лимонов это хорошо знал, потому что спустя двенадцать лет не ожи-

данно встретил Рубцова на Кавказе, во время чеченских событий. Та встреча была короткой, и Лимонову так и не удалось узнать подробности из жизни Рубцова. Он сделал тогда единственный подходящий вывод, что Комбат превратился в наемника. И, похоже, тогдашнее его предположение теперь подтверждается самым непосредственным образом.

Что Комбат справится с заданием, у Лимонова не было ни тени сомнения. Но у него не выходило из головы, почему Комбат вдруг будет работать на Валдае. Они ведь совершенно разные люди. Какая между ними связь? Неужели Валдай знает о Комбате нечто такое, чего не знает он, генерал юстиции? Памятуя о прошлом Комбата-наемника, Лимонов решил, что нельзя исключать варианта работы за большие деньги. Ведь Костиков, судя по его словам, обещал Валдаю за работу солидную сумму, причем половину этой суммы он уже уплатил.

— Итак, Олег, ты свалил бремя ответственности на криминального авторитета и сейчас отправляешься в Челябинск, где и будешь дожидаться результатов? — после длительной паузы произнес генерал.

Эти слова заставили Костикова поежиться, словно волна лихорадочного озноба прокатилась по телу.

— Видеокассету ты тоже оставил ему, — в том же тоне продолжал Лимонов. — Теперь у тебя на руках не осталось никаких страховок.

— Почему же? В почтовом конверте вместе с кассетой было вот это...

Костиков открыл кейс, вынул и протянул ту самую записку, которая так развеселила Валдаю. Лимонов внимательно прочитал записку: «Муда-

ку, который мнит себя губернатором. Если ты не снимешь свою кандидатуру, еще три подобных сувенира покажут по центральным телеканалам. Доброжелатели».

— Если это не пустые угрозы, то дело может иметь далеко идущие последствия, — заметил Лимонов.

— Знаешь, Валдай сказал мне то же самое — Костиков сообщил это для самоуспокоения. Однако какого-то конкретного практического значения этот вывод ни для него, ни тем более для Лимонова не имел. — Что еще ты можешь сказать о записке?

— Обыкновенный лист бумаги стандартного формата для принтерной печати, — ответил Лимонов.

— Послушай, Вик, — обратился к нему Костиков так, как называл его еще в студенчестве, — а если попробовать проверить листок на отпечатки пальцев?

— Сколько человек держало его в своих руках?

— Кроме нас двоих, только Сазонов и Валдай.

— Сазонов... Это глава твоего избирательного штаба?

— Он самый, — ответил Костиков.

— Надежный человек?

— До сих пор — да.

— Оставь письмо мне, посмотрю, что из него можно выжать, — сказал Лимонов.

Костиков тут же кивнул.

— А конверт? — спросил Лимонов.

— Конверт? Какой конверт? — переспросил Костиков.

— Ты сказал, что послание и кассета были в конверте, не так ли? — сказал Лимонов.

— Ах да, я совершенно забыл, — спохватился Костиков. — Он снова открыл кейс, быстро отыскал объемный конверт желтого цвета и протянул Лимонову. — Возможно, что они находятся не там, откуда был послан конверт, — сказал он, глядя, как Лимонов принялся рассматривать отправительные штампы.

— Да, вполне возможно, — согласно кивнул Лимонов и положил конверт туда же, куда и послание.

— Теперь, Вик, ты знаешь причину моего приезда в Москву, — сказал Костиков. — Если из всех моих стараний ничего не выйдет, придется подчиниться и снять свою кандидатуру с выборов.

Лимонов не на шутку заволновался. Тот, кто был знаком с ним близко, знал, что сильное нервное волнение Лимонова выражалось в курении. В спокойной обстановке он почти никогда не курил. Но как только начинал волноваться, тут же брал в руки сигарету. И чем сильнее было волнение, тем чаще он курил. По этой причине в его рабочем кабинете, городской квартире и загородном доме всегда была пачка сигарет. Даже личный водитель, зная подобную черту в характере своего шефа, на всякий случай держал в бардачке служебного автомобиля пачку сигарет.

Удивительно, но при всем своем волнении Лимонов никогда не терял контроль над ситуацией.

— Мы с тобой знаем друг друга тысячу лет, и мое желание помочь тебе совершенно искреннее, — сказал Лимонов. — Жаль, что ты счел приемлемым обратиться не ко мне, а к Валдаю.

— Все, что в моих силах, сделаю, — продолжил он, покачивая желтым почтовым конвертом, в который начал вкладывать записку с угрозами. — Остальное будет зависеть не от меня.

Последнюю фразу Лимонов произнес с загадочной многозначительностью. Трудно было понять, то ли он намекает на Валдаю, то ли на Комбата, то ли на самого Костикова.

— Ты о чем? — сбитый с толку мудрым изречением, спросил Костиков.

— О том, что ни моя служебная должность, ни мои личные связи не помогут избежать тебе краха в случае, если Валдай и нанятый им человек провалят дело, — пояснил Лимонов.

Костиков лихорадочно обдумывал создавшееся положение. Возможно, он и в самом деле поступил неосторожно. Еще в первые годы новой политической ситуации в стране, накануне распада огромной социалистической империи, когда он задумал оставить юридическую карьеру и податься в большой бизнес, он предусмотрительно обзавелся несколькими фальшивыми паспортами. Теперь по одному из них, на имя Свиридова Геннадия Олеговича, Костиков прилетел в Москву. Прилетел для того, чтобы попросить помощи не у Бориса Осинковского — известного олигарха и основного спонсора своей предвыборной кампании, и не у Виктора Лимонова — генерала юстиции и своего старинного приятеля, а у Паши Валдаю — крупного авторитета, известного в криминальном мире третьей страны.

Да, он должен был посоветоваться с Лимоновым. Кроме старинных приятельских отношений, тот имел личную заинтересованность в его победе на губернаторских выборах. Но Костиков этого не сделал. Встретившись с Лимоновым в аэропорту

и рассказав о своей проблеме, Костиков понял, что Валдай в этом деле может оказаться посторонним человеком. Но он уже был не в силах повернуть все назад. Известный криминальный авторитет, имевший сильное влияние в определенных кругах, был посвящен в хитросплетения предвыборной кампании.

— Ты говорил, что за тобой следили, — напомнил Лимонов. — За тобой в самом деле следили?

— Да, — ответил Костиков.

— Кто?

— Понятия не имею, — вытирая обильный пот с лица, ответил Костиков. — Я встречался с Валдаем в ночном клубе. По-моему, «Пеликан». После нашего разговора подошел один из его мордovorотов и сказал, что возле клуба вертится парень. Но Валдай заявил, что это его проблема. Меня же усадили в автомобиль и доставили сюда, в аэропорт. С тех пор я никого не видел.

— Ты плохой кандидат в секретные агенты, Олег, — с нескрываемой иронией заметил Лимонов.

— Почему?

— Потому что уже более часа за тобой следит мой человек. Бьюсь об заклад, что ты и не подозревал.

— Ты прав, я действительно не догадывался, — пробормотал Костиков. Он стал вертеться по сторонам, вглядываясь в лица совершенно незнакомых ему людей.

— Зря стараешься, тебе ни за что его не вычислить, — уверил его Лимонов. — Мои ребята работают профессионально. У них есть то, чего нет у тебя, — чутье.

В другом месте и при иных обстоятельствах Костиков, может, и обиделся бы. Но теперь он принимал все как должное. Он соглашался с Лимоновым, полагаясь на его профессионализм.

— А за тобой могли следить из Челябинска? — спросил Лимонов.

— Раньше я ответил бы «нет», но теперь я даже не знаю, что сказать, — ответил Костиков, растерянно пожимая плечами. Он вспомнил, что на похожий вопрос уже отвечал Валдаю, но на этот раз решил не упоминать криминального авторитета при Лимонове. — Кроме того, я ведь летел не из Челябинска, а из Екатеринбурга.

— Я знаю.

В этот момент по громкоговорителю объявили посадку на авиарейс до Екатеринбурга.

— Мне пора, — спохватился Костиков.

Он чувствовал, что между ним и Лимоновым многое осталось недосказанным. Он не хотел улетать из Москвы с ощущением вины перед старинным приятелем. Костиков неподвижно стоял перед Лимоновым, словно ждал от него не то благословения, не то прощения за все свои оплошности.

Но он не дождался ни того, ни другого.

— Что ж, иди, раз пора, — сказал ему напоследок Лимонов.

Скрестив руки на груди, в одной из которых держал желтый почтовый пакет, он всем своим видом показывал, что не собирается провожать Костикова. Тот еще некоторое время колебался, а затем протянул руку и нерешительно произнес:

— Пора прощаться. Бывай, Вик.

В голосе Костикова снова появились нотки об-

реченности. Он как будто хотел вызвать у Лимонова жалость и сочувствие. Можно было подумать, что он собирается не в Екатеринбург, а на ПМЖ за границу.

— Бывай, Олег, — спокойно и без всяких эмоций сказал Лимонов, ответив крепким рукопожатием.

Костиков повернулся и стал медленно удаляться. Лимонов тут же сделал знак Скворцову проводить его. Сам он остался на прежнем месте, взглядом провожая старого приятеля. Ему было невдомек, что виделся он с ним последний раз в своей жизни.

Ноя провели к Валдаю в тот самый кабинет, где всего несколько минут назад побывал Костиков. Когда его ввели, Валдай стоял у окна спиной к входной двери, потягивал из фужера коньяк, наслаждаясь напитком и видом на город. Будто в ожидании особого приглашения, Ной остановился на пороге. За его спиной неотлучно находились те двое, что привели его с улицы.

Быстро, одними глазами Ной осмотрел комнату. И само помещение, и с особым шиком подобранная обстановка, и двое парней за его спиной свидетельствовали о том, что парень оказался у влиятельного человека. Но кто этот человек, ему еще предстояло узнать.

Тем временем Валдай не спешил заводить с ним знакомство. Некоторое время он с удовольствием пил коньяк и смотрел в окно.

Наконец Ной не выдержал.

— Я не понимаю, по какому праву меня схватили и притащили сюда? — задал он вопрос и тут

же ощутил, как чья-то тяжелая и крепкая рука легла на его правое плечо.

Ной повернул голову. Это был крепыш с угрюмой физиономией. Всем своим видом он приказывал парню замолчать. Он так сильно сжал ему шейную мышцу, что Ной ощутил, как немеет его правая рука. И хотя Ной прекрасно понимал, что сопротивление бесполезно, он все же попытался вывернуться. Однако крепыш перехватил его левую руку и, не прилагая особых усилий, так сдвинул запястье, что Ной посчитал за лучшее не сопротивляться.

— Ну все, все, перестань, я сдаюсь, — внезапно охрипшим голосом произнес Ной.

Несмотря на подобные заверения, крепыш своими тисками-руками продолжал сжимать ему шейную мышцу и запястье.

Валдай тем временем отошел от окна, взял со стола пачку сигарет «Camel», вынул из нее одну, опустил в кожаное кресло, помял сигарету в руке и наконец закурил. За все это время он ни разу не взглянул на молодого человека, которого его парни привели для разбирательства.

— Ладно, Янычар, отпусти его, а то и в самом деле загнется раньше срока, — распорядился Валдай, затягиваясь сигаретой и выпуская носом две струйки дыма.

Крепыш с угрюмой физиономией, которого незнакомец назвал турецким словом Янычар, подчинился. Он отпустил Ноя, и тот принялся потирать ладонями больные места.

— Что, не нравится? — продолжая дымить в пространство перед собой и не глядя на Ноя, произнес Валдай. — Учти, Янычар и не на такое способен.

Он говорил совершенно спокойно, но от этого

спокойствия веяло реальной угрозой. Ной вдруг подумал, что у него действительно нет никаких шансов выбраться отсюда живым, и невольно ощутил, как волна ледяного холода прокатилась по его спине. Не так-то просто было он бы справился с крепьшом по кличке Янычар, а таких, как Янычар, за входной дверью было еще человек пять — семь, не меньше.

— Так что давай, ушастый, сливай своего пахана, — потребовал Валдай.

Ной догадался, что незнакомец имеет некоторое отношение к криминальному миру. Подобный сленг был хорошо знаком парню. Но он не торопился бросаться в ноги этому щуплому русоволосому человеку со смуглой кожей и молить его о пощаде. От необдуманного поступка его удерживал страх возможного наказания со стороны Панкрата. Он решил, что лучше продолжить начатую игру и остаться в роли обычного прохожего, схваченного по чистой случайности.

— Я не понимаю, чего вы от меня хотите? — ответил он, стараясь как можно более натурально изобразить полное неведение.

Впервые за время разговора Валдай обернулся и посмотрел на Ноя. Встретив пронзительный взгляд светло-серых глаз незнакомца, Ной ощутил безжалостный холод. Комок подступил у него к горлу и перехватил дыхание. Парень весь насторожился, невольно подался назад, но натолкнулся на Янычара. Преданный слуга и телохранитель Валдая крепостной стеной встал на его пути. Решительный взгляд Янычара свидетельствовал о том, что он готов по одному движению руки хозяина свернуть шею пришельцу.

— Учти, ушастый, я никому не повторяю дважды, — со строгим видом предупредил Валдай, дирижируя при этом указательным и средним пальцами правой руки, между которыми была зажата сигарета.

— Послушайте...

— Заткнись! — рявкнул на него Валдай, не позволив произнести ни одного слова.

Он резко выпрямился, поднявшись с кожаного кресла, быстро приблизился и оказался рядом с ним. Только теперь Ной обратил внимание на то, что он был ниже среднего роста и ему приходилось смотреть снизу вверх. Про себя он не преминул отметить, что у собеседника намного больше седых волос, чем это показалось при беглом взгляде, а власть этого человека, скорее всего, безгранична.

— Запомни, ушастый, ты здесь не затем, чтобы тебя выслушивали. — Холодный зловещий блеск в глазах низкорослого не сулил Ною ничего хорошего. — Ты здесь для того, чтобы отвечать на мои вопросы, которые я никому и никогда не повторяю дважды.

Неизвестно откуда в руках незнакомца появился пистолет, и его ствол уткнулся Ною прямо в нос.

Парень услышал запах порохового нагара и подумал, что так пахнет смерть. Сердце в груди бешено заколотилось. Он невольно подался назад, но оказался в руках Янычара, сжатый за плечи крепкими, стальными клещами. Мозг лихорадочно работал только над одной-единственной мыслью — о спасении.

Ной был не из робкого десятка. Даже в этой, казалось бы, совершенно безвыходной ситуации он прекрасно понимал, что может рискнуть. Не-

смотря на могучий рост и стальные мускулы, Янычар не представлялся ему таким уж непреодолимым препятствием. Для подобного случая Ной всегда имел в запасе пару специфических приемов. Так что он мог вполне освободиться от своего настойчивого опекуна, а затем атаковать его хозяина. При хорошем раскладе Ной мог бы завладеть пистолетом и вооружиться против них обоих. Но он понимал, что кроме этих двоих есть еще и другие, которые стоят за дверью. Если он не ошибся и правильно определил статус низкорослого собеседника, это был крутой бугор. И в таком случае у него под рукой имеется по меньшей мере человек десять. В обойме же пистолета, если это была не «кукла», не больше пяти-семи патронов. Поэтому, взвесив все «за» и «против», он отказался от риска. Разум возобладал над эмоциями.

Валдай пристально посмотрел в глаза парню. Словно угадав ход его мыслей, он приставил пистолет ко лбу Ноя.

— Чувствуешь запах? — с наглой ухмылкой произнес он. — Это пороховой нагар. Буквально вчера из этой пушки вылетела такая маленькая мушка и проделала дырочку во лбу одного чурбана. Совсем небольшую такую дырочку. Но знаешь, ее уже никто не сумел залатать, и бедняга отдал концы... Не заставляй меня повторять тот же эксперимент с тобой, — грозно предупредил Валдай, снял пистолет с предохранителя и взвел курок.

Неожиданно громкий щелчок курка заставил парня невольно вздрогнуть. Холодный пот выступил у него на лбу, от лица отхлынула кровь, а из груди вырывалось частое дыхание. Он понял, что дальнейшие препирательства не имеют никакого

смысла. Этот авторитетный фраер и его мордовороты запросто убьют его здесь, за две тысячи километров от дома, а труп сбросят в какой-нибудь мусоровоз. Подобная перспектива никак не улыбалась Ною.

— Меня направили пасти мужика, который только что уехал отсюда. Больше я ничего не знаю, — задыхаясь, ответил он.

— Кто направил? — с невозмутимым спокойствием спросил Валдай.

Парень не ответил.

— Кто? — Валдай приставил ствол пистолета к щеке парня.

— Панкрат, — последовал ответ.

Валдай все еще держал пистолет у лица парня и пристально смотрел ему в глаза. Ною казалось, что этот холодный взгляд пронзает его насквозь, проникает глубоко внутрь и леденит кровь.

— Панкрат?! — переспросил незнакомец со зловещим блеском в глазах. — Так это он приказал следить за Костаном?

Ной снова многозначительно промолчал. Он прекрасно понимал, что и так наболтал лишнего. Узнай об этом Панкрат, Ной не избежал бы самого жестокого наказания.

Валдай убрал пистолет от лица парня и отошел в сторону. Пистолет исчез в его руках так же незаметно, как и появился. Ной вздохнул свободно и немного расслабился. Второй раз опасность прошла рядом. Казалось, теперь не стоит так переживать за исход разговора с незнакомцем. Ной даже успел поймать себя на мысли, что после такого поворота событий его вряд ли убьют. Похоже, незнакомец слышал о Панкрате, а возможно, был лично знаком с ним.

Между тем сам Валдай в эту минуту размышлял совершенно об ином.

— И где ты сел на хвост Костану? — спросил он парня.

— Еще в Челябинске, — последовал ответ.

— Ты пас его от самого Челябинска?

— Да. Следом за ним из Челябинска я доехал до Екатеринбурга. Там он неожиданно направился в аэропорт, взял билет и сел в самолет до Москвы. Мне приказали следовать за ним по пятам.

— И ты приперся в златоглавую?

— Да.

— Ловок, шельма, ничего не скажешь! Ты пас его даже у ипподрома?

— Да, — поколебавшись, ответил он.

Валдай метнул взгляд, полный упрека, на своего телохранителя.

— А в этом случае кто лоханулся?

Янычар виновато потупил взор.

— Потом поговорим, — пообещал авторитет.

Он вернулся на свое прежнее место, удобно устроился в кожаном кресле, раздавил в пепельнице окурки, плеснул в фужер коньяка, выпил. Прежний зловещий блеск в его глазах, казалось, погас.

На какое-то время в комнате воцарилась полная тишина. Хозяин комнаты и, похоже, всего заведения как будто потерял всякий интерес к Ною. Он неподвижно сидел в своем кресле и отстраненно смотрел в пространство, словно обдумывая следующий шаг сложной шахматной партии.

— А зачем Панкрат следит за Костаном? — после непродолжительных размышлений наконец спросил Валдай.

— Я всего лишь выполняю свою работу, — как можно спокойнее ответил Ной, стараясь не раздражать вспыльчивого незнакомца. — Мне приказали его пасти, вот я и пас. Они ведь конкуренты на выборах. Больше я ничего не знаю.

Валдай не верил ни единому слову этого парня, стоявшего перед ним с обиженным выражением лица. Слишком заученными выходили фразы и слишком явным было его желание поскорее убраться из этого здания. Но он также понимал, что даже при хорошей «обработке» парень вряд ли скажет больше, он больше не знает.

— А ты не справился со своей работой, ушастый, — произнес Валдай. — Он продирижировал свои слова рукой, в которой на этот раз держал не сигарету, а фужер. — Мало того что ты прохлопал Костана, так ты еще продал Панкрата.

Парня охватил страх. Незнакомец как будто читал его мысли. Конечно, он был прав, теперь у него возникнут неприятности.

Валдай взглянул на парня и, видимо, снова догадался о его мыслях и внутреннем состоянии.

— Ладно, ушастый, не дрейфь, — с циничной ухмылкой сказал он. — Можешь проваливать. При случае передай привет Панкрату от Валдая. Скажи, что Костан приходил ко мне за помощью, но я отказался помогать. Я не привык совать нос в чужие дела, особенно если они отдают тухлятиной. Иди, ушастый, я отпускаю тебя. Знай мою доброту. Но смотри не попадайся мне на глаза... Янычар, проводи его до выхода, — распорядился он и потянулся за сигаретой.

Прежде чем Янычар вытолкнул его за дверь,

Ной в последний раз посмотрел на этого человека. Его взгляд произвольно зафиксировал перстень с рубином на левой руке незнакомца, назвавшегося Валдаем.

Глава 3

Отставной майор-спецназовец Борис Рубцов открыл глаза и бросил взгляд на настенные часы. Стрелки показывали без четверти девять утра. В те дни, когда не имелось никаких срочных дел, это было обычное время его пробуждения. Но это совсем не значило, что в такие дни он изменял своим привычкам и до обеда валялся под одеялом. Если он пробуждался от сна, пусть даже проспал всего три-четыре часа, то уже ни за что не мог уснуть снова. Поэтому Рубцов решительно скинул с себя одеяло, встал с кровати, выпрямился и потянулся. Затем он подошел к окну, раздвинул шторы и посмотрел на улицу. На дворе стояло погожее августовское утро.

Рубцов повернул задвижку и открыл дверь на балкон. В комнату ворвалась свежая утренняя прохлада, которая придала ему бодрости. Рубцов не стал выходить на балкон, а повернулся и направился в ванную, но задержался у большого зеркала на стене в прихожей. Некоторое время он внимательно рассматривал свое отражение в зеркале, теребя ладонью щетинистое лицо.

— Не мешало бы тебе привести себя в божеский вид, Комбат, а то так и форму потерять

недолго, — сделал Рубцов замечание самому себе.

Несмотря на подобную самокритику, сорокапятилетний отставной майор пребывал в прекрасной физической форме. Он регулярно навещался в спортивный зал — занимался на тренажерах и плавал в бассейне, а еще посещал секцию рукопашного боя, по всем правилам парился в русской бане и пользовался услугами массажиста. На его коже не было ни единого следа дряблости. Лишь необратимая седина на висках да морщины под глазами предательски свидетельствовали о том, что Рубцову уже немало лет и жизненный путь его не был усыпан розами.

Под прохладными упругими струями воды Рубцов окончательно проснулся.

После завтрака Рубцов вернулся в комнату, включил телевизор и удобно устроился в кресле перед экраном. На журнальном столике перед собой он поставил довольно увесистую хрустальную пепельницу, а рядом положил пачку сигарет «LM» и бензиновую зажигалку «Zippo».

На канале «Культура» шел документальный фильм о литературе русского Зарубежья. Однако Рубцов не вникал в смысл того, о чем рассказывали авторы фильма. Он с головой ушел в свои собственные размышления.

Неожиданно в прихожей зазвонил телефон. Но Рубцов настолько отрешился от происходящего вокруг, что не сразу сообразил, что дозвониться пытаются именно к нему.

Неспешно раздавив окурок в пепельнице, он встал, вышел в прихожую и снял трубку.

— Комбат? — спросил мужской голос с едва скрываемым раздражением.

У Рубцова была отменная память на голоса и лица. Стоило ему хотя бы один раз увидеться с человеком, и он потом мог безошибочно вспомнить, где и при каких обстоятельствах они встречались.

На этот раз вышла незадача. В памяти то и дело всплывали разные лица, но все они никак не вязались с мужским голосом в телефонной трубке.

— А ты кому звонишь? — не проявляя особого желания говорить с незнакомцем, ответил Рубцов.

— Тебе, — ответил тот же голос.

— И что? Я должен радоваться по этому поводу? — в том же духе продолжал Рубцов.

— Кончай хохмить, Комбат, дело есть, — сказал неузнанный собеседник тоном не терпящим возражений. — Сиди дома, я буду у тебя через пару минут.

— Кто это? — попытался узнать незнакомца Рубцов, но телефонная трубка ответила ему короткими гудками.

Недовольно нахмутив брови, Рубцов положил трубку на аппарат, повернулся к зеркалу, оценивающе посмотрел на себя со стороны и, словно большим чесальным гребешком, провел пятерней по слегка растрепанным волосам. Затем он вернулся в комнату, сгреб в охапку и спрятал в раскладной диван до сих пор не убранное постельное белье, взял с журнального столика увесистую пепельницу, вынес и выбросил в мусорное ведро окурки.

Все это время его не покидал единственный вопрос: кто бы это мог быть? Неопределенность всегда раздражала Рубцова. Тот, кто говорил с ним по телефону, называл его Комбатом. Следовательно,

но, это должен был быть тот, кто его хорошо знал и кого знал он.

Он опять вернулся в комнату, опустился в кресло перед телевизором, закурил и глубокомысленно затаился. Внезапно перед мысленным взором Рубцова возникла щуплая физиономия с холодными светло-серыми глазами.

«Валдай», — вспомнил он криминального авторитета.

Вместо желанного успокоения на Рубцова нахлынули недобрые воспоминания. Он хорошо помнил, как однажды сказал Валдаю: «Я твой должник до гроба». Тот ответил: «Я это запомню». Теперь, кажется, наступил момент расплачиваться по долговым обязательствам.

«Что ему понадобилось от меня?» — думал Рубцов, ожидая звонка в дверь.

Судьба свела Рубцова с Валдаем полгода назад. Тогда Рубцов попал в довольно неприятную историю, и Валдай помог ему избежать тюрьмы.

Один из бывших сослуживцев Рубцова защитил кандидатскую диссертацию. Он пригласил своего боевого командира отметить это знаменательное событие в ночном клубе «Пеликан». В тот вечер Комбат стал свидетелем того, как какой-то новоиспеченный нувориш, которому на вид нельзя было дать больше двадцати двух лет, в сильном подпитии приставал к одной из девушек-танцовщиц. Он хвастался перед ней валютой, вынимая из портмоне и бросая прямо к ее ногам крупные купюры, обещал золотые горы, выступления на телевидении в самых престижных музыкальных программах и участие в концертах.

Девушка наотрез отказалась от подобного «светлого будущего». Тогда амбалы, все время маячившие за спиной нувориша и неотступно следовавшие за ним по пятам, схватили девушку и через служебный ход потащили на улицу. Здесь они попытались силой затолкать ее в джип «мерседес». Насмерть перепуганная девушка стала биться в истерике и звать на помощь.

Свидетелями этой сцены было не так уж мало людей. Однако никто из них даже не поинтересовался, что происходит. С полным равнодушием люди старались пройти мимо.

Комбат в это время вышел на свежий воздух, закурил. Вдруг он услышал призыв о помощи, а затем увидел, как амбалы силой тащат ту самую девушку к джипу, а она отчаянно старается вырваться.

Недолго думая Комбат бросил сигарету и мгновенно оказался рядом с амбалами.

— Что ж это вы, ребята, девушку обижаете? — остановил он одного из амбалов, положив ему руку на плечо. — В таком прикиде да с такими лицами вам следовало бы быть обходительнее с дамой! Вы же джентльмены! Оставьте девушку в покое.

— Тебе чего, старичок? Протри зенки, а то совсем ослеп, не видишь, на кого наезжаешь, — громыхнул басом один из амбалов.

Кивком стриженной головы он указал на автомобиль. Но Комбату не было никакого дела до того, что это был за автомобиль и кому принадлежал. Он потребовал:

— Пожалуйста, отпустите девушку!

Придя в себя, амбал хрюкнул:

— Ты что, старичок? Пропустил стопарик и возомнил себя бэтменом?

Второй амбал хихикнул в знак согласия. Комбат совсем не горел желанием связываться с парнями, а тем более меряться с ними силами. Но тут в дверях показался тот самый нувориш, которого Комбат прозвал «желторотиком». Он услышал последние слова хрюкающего амбала. Подступив вплотную к Комбату, он злобно процедил:

— Закрой варежку, дядя, и вали своей дорогой, а не то завтра твоя женушка станет вдовой, а твои детки — сиротами.

Его подручные вдвоем выдавили из себя деланный смех.

— Что ж, всякому терпению приходит конец, — сказал Комбат.

Готовый к любому повороту событий, он со спокойным видом приблизился к амбалам и, проигнорировав их присутствие, взял девушку за руку.

— Пойдем отсюда, — сказал он. — Похоже, парни и в самом деле не имеют ни малейшего представления, как нужно обращаться с девушками.

На удивление, амбалы также спокойно восприняли поступок Комбата. Они неподвижно стояли на месте и пялились на «желторотика»-нувориша, словно ждали от него общей команды на определенные действия.

— Ну что делать? Никак не хочешь ты, дядя, внять голосу разума! — с нескрываемым раздражением произнес нувориш.

И его правая рука тут же скользнула под пиджак. Комбату очень хорошо было знакомо это движение — парень намеревался вынуть пистолет. Но прежде чем тот успел это сделать, Комбат нанес нуворишу быстрый и резкий удар но-

гой в промежность. Тот заскулил, словно наказанная за провинность собачонка, опустился на колени, уронил голову на грудь и ухватился руками за большое место, совершенно позабыв о пистолете.

Не давая амбалам опомниться, Комбат нанес одному из них удар кулаком в подбородок. Парень покачнулся, но, тряхнув головой, устоял. Однако пока он приходил в себя, Комбат успел уделить внимание его приятелю. Он с разворота нанес ему резкий и сильный тычковый удар в грудь. На этот раз амбал не хрюкнул, а ахнул. Он как будто старался заглотнуть как можно больше воздуха. Но затем стал падать на автомобиль и в конце концов распластался на земле. Стоя боком к первому амбалу, который, похоже, окончательно пришел в себя и требовал дополнительного внимания, Комбат пяткой нанес ему прямой удар в голень. Амбал невольно наклонился на Комбата и в этот момент получил мощный хук правой в челюсть. Носком левой ноги Комбат ударил нувориша. Удар получился скользкий, но и его оказалось достаточно, чтобы сбить с нувориша весь его гонор.

— Пойдем, я провожу тебя, — сказал Комбат девушке.

— Нет, в клуб нам лучше не возвращаться, — уперлась та.

— Это еще почему? — удивился Комбат.

— Потому что... Вы хотя бы знаете, кто это? — девушка говорила о нуворише и его амбалах.

— Не знаю и знать не хочу, — ответил Комбат.

— Это Эдик-Спидвей, — сообщила девушка. — Знаете, кто его папа?

Но кто был отцом «желторотика»-нувориша, которого девушка назвала Эдиком-Спидвеем, Комбат так и не услышал. В тот самый момент, когда он уже собирался открыть входную дверь, из клуба выбежали рослые плечистые парни. Их было четверо. Не выясняя, кто прав, кто виноват, они тут же накинулись на Комбата. Один из парней оттолкнул девушку, двое схватили его за руки, а четвертый приготовился к захвату сзади.

Комбат предвидел такой поворот событий. Он мгновенно собрался с духом и сконцентрировался. Но в тот самый миг, когда он был готов к ответным действиям, рядом раздался строгий приказ:

— Прекратите!

Рослые плечистые парни тут же отпустили Комбата. Обступив его, они посторонились и пропустили вперед смуглолицего худощавого мужчину лет пятидесяти. Позже Комбат узнал, что это и был известный криминальный авторитет Валдай.

— Что здесь происходит?

Валдая беспокоило совсем другое. Если амбалы Эдика нарвались на грубость, то получили по заслугам, так им и надо. Но все дело было в том, что Эдик-Спидвей был сыном высокопоставленного чиновника городской мэрии. И это обстоятельство сулило Валдаю больше неприятностей, чем обычный мордобой в его заведении.

В конце концов он в упор уставился на Комбата, адресуя свой вопрос именно ему.

— Ничего особенного, — спокойно ответил Комбат. — Просто парни вели себя не слишком цивилизованно по отношению к даме. Пришлось объяснить.

— Так ты их?

Валдай измерил Комбата оценивающим взором.

Авторитет хорошо разбирался в людях. Он с первого взгляда определил, что перед ним достойный соперник, человек неробкого десятка. Не вмешайся он в потасовку, этот незнакомец мог бы и с его парнями сделать то же самое, что и с амбалами Эдика-Спидвея.

— Посмотрите, что там с ними, — распорядился Валдай.

Его парни оставили Комбата и поспешили к пострадавшим. Сам же Валдай вплотную приблизился к Комбату, остановился и испытующе посмотрел прямо в глаза.

Тем временем его парни осматривали и старались привести в чувства Эдика-Спидвея и его амбалов. И тут неожиданно выяснилось, что один из амбалов мертв.

Возникло некоторое замешательство. Первым запаниковал Эдик-Спидвей. Он стал кричать, материться, слать угрозы и проклятия в адрес Комбата. Валдай приказал своим парням увести Эдика. Второй разрыдалась девушка, на которую в один вечер свалилось столько всего, что иному и за всю жизнь не пережить.

— Нам нужно поговорить, — обратился к Комбату Валдай.

Тот не возражал.

— Хорошо, — с достоинством ответил он. — Только предупреду приятеля, чтобы не ждал и не искал меня.

С черного хода Комбат вошел в клуб и скрылся в глубине помещения.

— Я присмотрю за ним, босс, — предложил свои услуги Янычар.

— Не надо, я ему верю, — ответил Валдай, провожая взглядом незнакомца. — Лучше позвони Бронику, пусть срочно приедет, — добавил он.

Телохранитель и верный помощник согласно кивнул в ответ и отправился звонить Бронику — адвокату, работавшему на Валдаю.

— Плохи твои дела, друг, — сказал Валдай, когда они остались наедине.

Он мельком взглянул на своего собеседника. Комбат по-прежнему оставался воплощением спокойствия, собранности и достоинства.

— Как тебя зовут? Кто ты такой, черт бы тебя побрал? — наконец спросил Валдай. — И как тебя угораздило связаться с амбалами Эдика?

Не дожидаясь приглашения, Комбат удобно устроился в кожаном кресле, закурил и установился на Валдаю. Авторитет оценил и этот его жест.

— Мое имя Борис Рубцов, друзья же называют меня Комбат, — последовал ответ.

— Комбат? Ты что, офицер? — удивился Валдай, про себя подумав, что мог бы сразу догадаться об этом.

— Бывший офицер бывшей армии.

— Неплохое прозвище, мне оно нравится. Я тоже буду звать тебя Комбатом, если не возражаешь.

— Конечно, нет.

— Комбат, ты знаешь, кто такой Эдик? — спросил Валдай.

— Дерьмо, — ответил Рубцов.

Подобие улыбки тронуло лицо Валдаю. Ему понравился ответ.

— Мне нравится твоя самоуверенность и пря-

мота. Относительно этого сопляка ты, возможно, и прав, но вот папаша Эдика с этим вряд ли согласится.

Он предложил Комбату что-нибудь выпить и, когда тот отказался, сел в кресло напротив собеседника и тоже закурил.

— Папаша Эдика тоже дерьмо, потому что дерьмо может быть порождением только дерьма, — высказал свое мнение Комбат.

— Иначе говоря, яблоко от яблони... А я был уверен, что подобная философия давно канула в Лету.

— Это не философия, а закон жизни, и он будет в силе, пока жив человек. — Сделав последнюю затяжку, Комбат бросил окурок в пепельницу.

— Хм, глубокая мысль, ничего не скажешь.

— Простой жизненный опыт и ничего больше, — повторил Комбат.

— Что ж, раз мы заговорили о жизненном опыте, то я должен сказать тебе, Комбат, что он мне предсказывает большие неприятности, — сказал Валдай.

Он стряхнул пепел с сигареты, встал и начал прохаживаться взад-вперед по комнате.

— Дело в том, что дерьмовый папаша дерьмового сынка занимает совсем не дерьмовую должность в мэрии, — начал объяснять Валдай. При этом он в обычной своей манере поучительно дирижировал левой рукой, между указательным и большим пальцами которой держал сигарету. — Телохранилитель Эдика не без твоей помощи отбросил коньки. У тебя могут быть неприятности, большие неприятности. — Для пущей убедительности Валдай сделал ударение на последних словах. — Все бы ничего, Комбат. Мне нет дела

до твоих выходок. Однако вся штука в том, что твои большие неприятности коснутся и меня. Знаешь почему? — Валдай остановился и облокотился на спинку кожаного кресла, за которым как раз стоял. — Потому что это постоянные клиенты моего заведения. Не сегодня — завтра поднимется шумиха, начнутся разборки.

— Ты должен быть доволен, — парировал Комбат. — Это же бесплатная реклама твоему заведению.

— В гробу я видел такую рекламу! — вспыллил Валдай и опять стал прохаживаться по комнате. — Дерьмовый папаша дерьмового сынка потребует крови. Я его хорошо знаю.

— Не твоей же крови, моей. Так стоит ли паниковать? — спросил Комбат.

— Да кто ты такой? Для них ты никто. А вот мою репутацию они могут испортить... Да и тебе впаяют немало, как пить дать.

— Ну, это мы еще посмотрим, — уверенный в себе, ответил Комбат. — «Необходимая оборона», статья 37 УК Российской Федерации.

— Сечешь в азбуке? — удивил Валдай. — Но им это до фени. Тебя никто и спрашивать не будет. Впаяют не то, что заслуживаешь, а то, чего они захотят. Сейчас сюда подъедет Броник, мой адвокат. Он тебе выдаст все по полной программе.

Вскоре появился обещанный адвокат. Это был очень деловой молодой человек примерно тридцати лет. По внешнему виду можно было безошибочно определить, что он провел бурную ночь, полную развлечений.

Всем своим развеселым видом адвокат требовал продолжения «марлезонского балета». Но Валдай быстро вернул его к действительно-

сти. Слушая Валдая, адвокат становился все серьезнее. Затем он повернулся к Рубцову и спросил:

— Кто вы такой? Я хочу спросить, каков ваш социальный статус?

Комбат был немногословен. Однако стоило адвокату узнать, что Борис — бывший военный, командир десантной роты спецназначения, как он пустился в такое словоблудие, разукрашенное юридическими терминами, что Валдаю пришлось его оборвать на полуслове.

— Ты нам понятным языком объясни, Броник, — потребовал он, не отделяя себя от Комбата.

В действиях Комбата не было ничего такого, что выходило бы за рамки первой и второй частей 37-й статьи УК.

— К тому же есть 39-я статья, — разъяснял адвокат. — Она включает превышение пределов крайней необходимости, а также устанавливает правовые последствия подобного превышения. Она же более точно формулирует и условия правомерности крайней необходимости. Но в нашем случае в силу вступают статьи 111 и 112 УК. Первая — «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», вторая — «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью».

— Что это значит? — уточнил Комбат.

— Это значит, что вам светит от двух до пятнадцати лет, — объяснил адвокат. — А если дело дойдет до суда и на нем всплывут факты вашей прошлой биографии, будьте уверены, папаша Эдика приложит руку к тому, чтобы вы получили максимальный срок.

За этими разговорами они втроем провели не

менее двух часов. Наконец первым не выдержал Валдай.

— Хватит болтовни, — сказал он. — Чувствую, сегодня предстоит тяжелый денек. Чтобы встретить его достойно, следует хорошенько выспаться. Ты где живешь? — спросил он у Комбата, обращаясь к нему, как к одному из своих старинных друзей.

Тот назвал свой домашний адрес.

— Мои ребята отвезут тебя домой, но к одиннадцати часам будь здесь как штык. Ты понял?

Комбат давно научился принимать удары судьбы. Но к такому повороту событий он оказался не готов. По пути домой он попросил остановить у ночного магазина, где купил бутылку водки «Стольная».

Он так и не сомкнул глаз, просидев до десяти утра со стаканом водки в руке. Разные тревожные мысли и предчувствия посещали его в это время. Он вспоминал Афганистан, свою роту, лица парней, которые не вернулись домой. Он вспомнил и тех, кто пережил кошмар войны, возвратился домой, но так и не нашел в себе силы привыкнуть к мирной тишине, или, как говорят психологи, преодолеть «синдром войны». Всем им Комбат говорил: «Не бойтесь трудностей, идите на них первыми, как в атаку. И тогда любой враг нипочем, любая высота будет ваша».

Теперь самое время самому воспользоваться своей наукой. И он встрепенулся. Холодный душ вернул ему ясность рассудка и способность к здравомыслию. Его уже не страшило то, что через некоторое время он может оказаться за тюремной решеткой. Комбат понимал: каждый честный человек должен нести ответственность за свои поступки.

Без четверти одиннадцать утра Комбат уже входил в ночной клуб «Пеликан». Но плечистые охранники предупредили его, что Валдай нет и ему придется подождать.

Шло время, однако ни Валдай, ни его адвокат не появлялись в клубе. Когда они наконец приехали, Комбат просидел в баре ночного клуба почти пять часов и выпил около десяти порций кофе.

Они появились, когда стрелки часов перевернули за четыре часа вечера. Адвокат, которого он так и не успел как следует рассмотреть прошлой ночью, буквально светился от радости.

— Порядок, Комбат, дело почти улажено, — сообщил радостную новость Валдай, когда они оказались в том самом кабинете, в котором провели всю прошлую ночь.

— Можешь считать, что ты освобожден условно-досрочно, — вставил пару слов адвокат Броник.

— Объясните толком, что все это значит? — Комбат не скрывал раздражения. — Сначала вы предлагаете встретиться в клубе в одиннадцать часов дня, но на встречу не приходите. Я торчу здесь целый день как проклятый, впору сойти с ума от всевозможных догадок и предположений. Потом вы приходите и объявляете, что я освобожден условно-досрочно. Получается ерунда. Что происходит, черт бы вас побрал?

— То, что никто не будет подавать на тебя в суд, — ответил Валдай. — Ты как был, так и остаешься свободным человеком. Правда, Броннику, — кивком он указал на адвоката, с которым Комбат так и не имел чести познакомиться, — придется

некоторое время попотеть, чтобы состряпать кое-какие бумаги... Но не беспокойся, в этом деле он дока.

— Паша, по традиции следует обмыть удачную сделку, — вдруг предложил адвокат.

— Сделку?! О какой сделке идет речь, черт побери?! — воскликнул Комбат, обращаясь к Валдаю.

— Не цепляйся к словам, — отмахнулся тот, вынимая из буфета бутылку водки «Финляндия». — Главное, что дело решено миром.

— Но я хочу знать, — настаивал Комбат. — В конце концов, я имею на это полное право!

— Зачем тебе знать? Все равно ты ни черта не фурычишь в этом бизнесе. Главным для тебя должен быть результат. А он в твою пользу. Ну пришлось кое-кому уступить, кое-кому заплатить, и нам пошли навстречу, — разливая в рюмки водку, объяснял Валдай. — Давай выпьем за успешное предприятие. — Он сунул в руку Комбата наполненную рюмку, а затем чокнулся с ним.

В тот день Комбат рано вернулся домой. Едва переступив порог комнаты, он рухнул на диван и погрузился в сон.

Он спал весь вечер, всю ночь и половину следующего дня. А через три или четыре дня ему позвонил Валдай и просил срочно подъехать. Когда Комбат появился, он отправил его с адвокатом в прокуратуру. Здесь он снова увиделся с «желторотиком» — тем самым Эдиком-Спидвеем, которого надеялся больше никогда не встретить на своем жизненном пути.

Оказалось, Валдай и его адвокат сумели представить дело так, что от чрезмерной дозы спиртного с амбалом якобы случился сердечный при-

ступ. Комбат выступил лишь в качестве свидетеля этого происшествия. Он так и не узнал, кому и что пришлось уступить, кому и сколько заплатили. И вот теперь, через полгода, Валдай вспомнил о Комбате.

— Ну здравствуй, Комбат, — как давнего друга, приветствовал его Валдай.

Рубцов посмотрел на парней. Он хорошо помнил тогдашнее недоверчивое выражение лиц этих ротвейлеров, преданных своему хозяину. В руке одного он заметил видеокассету. Потом он перевел взгляд на Валдаю.

— Здравствуй, — спокойно ответил Рубцов.

— Ты как будто не рад мне.

— Я не баба, чтобы проявлять эмоции. К тому же твой звонок напомнил мне не самый лучший эпизод из моего прошлого. Так что сам понимаешь...

— Понимаю. Незванный гость хуже татарина. Но теперь я здесь, ничего не поделаешь. Или ты меня даже в квартиру не вступишь?

Рубцов стоял так, что загоразживал собой весь дверной проем. Он шагнул в сторону, распахнул дверь и пропустил Валдаю и его подручных в квартиру.

— Проходи!

— Вот, значит, как выглядит жилище настоящего боевого офицера-десантника! — заметил Валдай.

— Скромная холостяцкая конура без всяких излишеств, — пожал плечами Рубцов.

— Ладно, Комбат. Садись рядом, у меня к тебе серьезный разговор. — Помнишь...

— Помню, — сразу перебил его Рубцов.

Валдай видел, что Комбат понимает, с какой целью он ему понадобился. Однако прежде чем

говорить о существовании дела, он выдержал короткую паузу.

— Да, вижу с памятью у тебя все в порядке, — наконец произнес он. — Тогда начну без лишних предисловий. У тебя есть видик?

— Есть. А что? — Рубцов перевел взгляд на одного из спутников Валдаю, державшего в руке видеокассету.

— Нужно глянуть одну кассету, — объяснил Валдай. — Янычар!

Парень с угрюмой физиономией прошел вперед и вставил кассету в приемник видеомагнитофона, переключил телевизор на видеоизображение и вернулся на прежнее место. Пока он это делал, Валдай сказал Комбату:

— Фильма эта не совсем законная и, возможно, не соответствует твоим вкусам.

В тот же миг на экране телевизора возникло изображение. Рубцов тут же сообразил, что за фильм предлагает посмотреть ему Валдай.

— Что это за дрянь? — не выдержал он и минуты.

— Смотри и запоминай, особенно тех, кого увидишь, — кивнул на телевизор Валдай.

Он закурил и безо всякого интереса стал смотреть запись. Комбат тоже уставился в экран телевизора.

В коротеньком фильме непристойного содержания действовали только два персонажа — парень и девушка. Оба находились под воздействием то ли алкоголя, то ли наркотиков. Парень имел смазливую женоподобную внешность. На вид ему было около двадцати. Рубцов обратил внимание на необычную цветную татуировку, которая красовалась на спине парня. Девушка выглядела лет на двадцать пять и никаких особых примет не

имела. Блондинка с короткой стрижкой, обладавшая прекрасно сложенным телом с бронзовым загаром. Вот и все.

— Итак, я тебя слушаю, — досмотрев фильм, обратился к собеседнику Рубцов.

— Что ты думаешь обо всем этом? — вместо ответа спросил Валдай.

— Я не эксперт в подобных делах. С этим вопросом тебе лучше всего обратиться на киностудию «Мосфильм» или в Госкино. Но давай начистоту. Думаю, ты вспомнил обо мне не затем, чтобы посмотреть, как я живу, а заодно развлечь меня подобным видеоклипом.

— Не буду врать — это правда, — ответил Валдай.

— Так что же ты хочешь от меня? Что я должен запомнить? Ведь здесь только двое — он и она.

— Плевое дельце, — произнес наконец Валдай. — Мне нужно получить оригинал этой фильмы, а также все копии. По моим сведениям, их должно быть три. Педрила меня не интересуется, нужно найти блондинку. Это все.

Рубцов поднялся с дивана, сделал несколько шагов по комнате. Затем он остановился возле открытой двери на балкон.

— Если это дельце такое плевое, почему ты пришел с ним ко мне? — не оборачиваясь, спросил Рубцов. — И зачем тебе понадобилась блондинка? Кто она тебе?

— Что касается блондинки, то она мне никто, — открестился Валдай. — А пришел я именно к тебе, потому что считаю надежным человеком. Еще и потому, что это дело особого рода, требующее деликатности и определенной подготовки. У меня нет резона юлить с тобой, — доба-

вил он. — Просто я не хочу светиться в этом деле. Я буду всячески способствовать тебе, но участвовать не могу.

— Недостаточно убедительное объяснение, но сойдет, — сказал Рубцов.

Валдай сказал своим спутникам, чтобы те ждали его внизу, в автомобиле. Парни не стали спорить. Когда входная дверь закрылась, Валдай произнес:

— Вчера ко мне приезжал человек по фамилии Костиков. Он участвует в губернаторских выборах в Челябинске, прилетел в Москву, чтобы решить свою проблему. Его шантажируют. Шантажируют этой фильмой и требуют снять свою кандидатуру с выборов. Кто — неизвестно. Вот эти «кто» и не позволяют мне заниматься этим делом. В политике, Комбат, у меня нет больших интересов. Но если вдруг окажется, что я сунул нос не в свои дела, мне — крышка.

— Почему в таком случае ты думаешь, что крышка не будет мне?

— Потому что ты будешь работать как одиночка. Твоя задача — разыскать пропавшую девушку, — ответил Валдай. — И тогда не возникнет никаких осложнений. Но даже если они возникнут, мне легче будет прикрыть твою задницу в качестве третейского судьи, а не заинтересованного лица. Усек?

— Ясно. По крайней мере, похоже на правду. Тогда еще один вопрос: какое отношение имеет эта запись к человеку, который обратился за помощью? И для чего тебе понадобилась эта блондинка?

— Вот это хороший вопрос, Комбат. — Ухмылка на лице Валдая несколько смягчила без-

жалостный блеск его светло-серых глаз. — Блондинка в фильме — дочь этого хмыря.

— И он хочет, чтобы ее нашли?

— Именно, — ответил Валдай. — У него есть подозрения, что любимую дочурку вовсе не похитили и она может быть связана с теми, кто пытается ставить палки ему в колеса.

— Такое тоже может быть?

— А почему бы и нет? — вопросом на вопрос ответил Валдай.

— Да, ты прав, политика — грязная штука, — произнес Рубцов. — Я не понимаю, как только совесть позволяет таким людям лезть в политику, стремиться к высоким должностям, если они не в состоянии воспитать даже собственное чадо?

Тем временем Валдай извлек из внутреннего кармана пиджака объемную пачку зеленых банкнот. Рубцов с полным равнодушием следил за его манипуляциями.

— Брось, Комбат, эти высокие материи не для нашего ума, — сказал Валдай. — Помнишь Эдика-Спидвея?

Похоже, они оба думали об одном и том же.

— В отличие от тебя, я неплохо знаю этого ерепенистого сопляка, — восприняв молчание Комбата как положительный ответ, продолжал Валдай. — Знаешь, что он однажды спросил? — он многозначительно посмотрел на Комбата. — Он спросил, сколько и кому надо забашлять, чтобы стать криминальным авторитетом. Отсюда вывод: такой ни перед чем не остановится. Если придется, он и папаше всадит перо в спину или пустит пулю в затылок. А ты говоришь: «Не понимаю». Да тут нечего и понимать.

Он небрежно бросил пачку долларов на журнальный столик.

— Здесь пять штук. Это тебе на текущие расходы.

Рубцов не стал отказываться от денег, потому что последнюю неделю сидел на мели.

— Если понадобится больше, обращайся, — предупредил Валдай. — В разумных пределах я всегда помогу. Адрес ночного клуба «Пеликан» тебе известен, а вот телефонные номера, по которым ты сможешь найти меня в любое время дня и ночи. — С этими словами он протянул Рубцову свою визитку. — Кассету я оставляю тебе. Возможно, она тебе понадобится. Только смотри не посеешь ее где-нибудь. И самое главное, Комбат: с этим делом желательно закончить в ближайшее время. Клиент платит за срочность.

— Что значит в ближайшее время?

— Это значит в течение недели, — пояснил Валдай. — Максимум — десять дней.

— Пока ничего обещать не могу, — ответил на это Рубцов.

— И все же постарайся, — настойчиво повторил Валдай и поднялся с дивана. — Я знаю, у тебя достаточно знакомых среди людей, занятых в разных сферах деятельности. Ты быстро соберешь нужные сведения и вычислишь, где девчонка. А там, где будет она, поблизости будут и те, кто сварганил эту грязь. Могу даже дать наводку. Тот, кто снимал фильму, полный профан в искусстве. Если бы он был в курсе, что означает картинка на спине у парня, он ни за что не показал бы ее на весь экран. Хотя это может быть просто форс. В крупной игре таких клиентов используют, а затем пускают под лед.

Комбат удивился:

— Откуда у тебя такая осведомленность?

— Насчет наколок?

— Нет, это мне понятно. Я спрашиваю о моих знакомствах?

— Валдай не был бы Валдаем, если бы этого не знал, Комбат, — с хитрецей ответил авторитет, а потом добавил: — По окончании работы ты получишь еще пять кусков в качестве гонорара. Так что можешь считать это неплохим приработком. Сможешь сменить обстановку в квартире, съездить куда-нибудь на отдых... Кстати, у тебя есть тачка?

— Нет.

— Тебе может понадобится тачка. Я скажу своим парням, и они сегодня же подгонят тебе какую-нибудь сносную модельку. Ты какие предпочитаешь?

— Немецкие.

— А почему не российские? — с ухмылкой переспросил Валдай. — Я был уверен, что ты патриот нашей великой Родины.

— Не будем о высоком, эта тема не нашего ума, — с серьезным видом Комбат напомнил авторитету его же собственные слова.

— Согласен, — сказал Валдай.

Они обменялись рукопожатием, и Валдай направился к выходу. Но у самой двери он обернулся и спросил:

— Комбат, еще вопрос... У тебя есть ствол?

— Я больше привык рассчитывать на свои собственные силы, — последовал ответ.

— «Пуля — дура, а штык — молодец». Так ведь, кажется, учил старик Суворов? — не без иронии произнес Валдай. — Но в наш бурный век это правило не годится. Бывают моменты, когда

одной надеждой на собственные силы не обойтись. И тогда, чтобы полностью контролировать ситуацию, лучше иметь на руках более веские аргументы, чем приемы рукопашного боя. Так что на твоем месте я бы все-таки подумал насчет ствола, Комбат.

Рубцов согласно кивнул, то ли обещая обратиться за помощью к Валдаю, то ли просто соглашаясь с его выводами относительно устаревших правил «Науки побеждать» Суворова.

Глава 4

Проводив Костикова, Лимонов отправился домой. Ни на минуту не выходил из головы разговор с Костиковым. В отношении самого Костикова он не питал особых иллюзий. Но он пытался вычислить, кому вдруг понадобилось накануне выборов сыграть с ним злую шутку и поставить под удар всю предвыборную кампанию.

Время от времени он брал в руки желтый почтовый конверт, внимательно осматривал его, затем читал и перечитывал записку с угрозой в адрес Костикова. Но он так и не находил никакого мало-мальски вразумительного объяснения.

Занимая ответственный пост в прокуратуре, Лимонов прекрасно разбирался в реальном раскладе политических сил в стране. На месте шантажистов Костикова он мысленно представлял себе то его соперников по предвыбор-

ной борьбе, то представителей тех политических группировок, которые были заинтересованы в провале Костикова. Ему казалось, что сам он, Лимонов, избрал самый верный путь — уговорил Бориса Осиновского финансировать предвыборную кампанию Костикова. Финансовое участие в выборах влиятельного олигарха, вхожего в кабинеты к самым высокопоставленным чинам из президентской администрации, он считал надежной страховкой от всяких недоразумений и беспроигрышным вариантом для Костикова.

Теперь дело шло к тому, что все планы Лимонова могли рухнуть как карточный домик. Осознавая это, он понимал, что для своего собственного благополучия обязан решить проблему в ближайшие два-три дня. Пусть не для Костикова, к которому он все больше терял доверие, пусть лично для себя. И не только потому, что хотел получить материальную прибыль, но и потому, что не привык проигрывать. Но для решения этой проблемы Лимонову нужно было ответить на несколько немаловажных вопросов: если Костикову не привиделось от страха и за ним действительно была слежка, то кто ее организовал — шантажисты, приславшие кассету, или предвыборные конкуренты? Не могут ли быть те и другие связаны между собой? Костиков обратился за помощью к Валдаю — известному в криминальном мире третейскому судье. Но останется ли Валдай сторонним наблюдателем? Не захочет ли он погреть руки у чужого костра? Какая связь между Валдаем и Рубцовым?

Немаловажным был и вопрос о Борисе Осиновском. Являясь основным спонсором предвы-

борной кампании Костикова, тот имел полное право знать подробности событий. Лимонов понимал, что в случае политических осложнений (он не хотел думать о провале предвыборной кампании) все шишки посыплются именно на его голову. Ведь это он свел Осиновского с Костиковым, выступив гарантом благонадежности кандидата. Поэтому по всем правилам существующего жанра Лимонов обязан был поделиться с Осиновским теми сведениями, которые узнал в аэропорту. Однако что-то подсказывало ему воздержаться от поспешного поступка. И может быть, даже не столько внутреннее чутье, сколько два немаловажных обстоятельства.

Во-первых, за все время предвыборной кампании Борис Осиновский лишь однажды поинтересовался тем, как идут дела у Костикова. Поразмывшись, Лимонов тогда отнес подобное отношение Осиновского на счет его большой занятости. Ежедневно олигарху приходилось вникать в тысячу различных проблем. Было еще и другое. Сидя как-то вечером на диване перед телевизором, он неожиданно для самого себя вспомнил, что в анонимной записке обещали показать кассету по центральным телеканалам. Ведь если шантажисты не блефовали и действительно имели доступ на телевидение, а Осиновский, финансирующий предвыборную кампанию Костикова, контролировал несколько центральных телеканалов, то это наводило на мысль о причастности самого олигарха к этому делу.

Неожиданная догадка заставила Лимонова заволноваться. Однако генерал юстиции постарался отогнать от себя недобрые мысли и переключился на Рубцова. Лимонов догадывался, какое задание получил Комбат от Валдая. Полагаясь на давнее

знакомство с отставным майором-десантником, он надеялся переманить Комбата на свою сторону и взять под личный контроль поиски шантажистов и дочери Костикова.

Вспоминая Рубцова, Лимонов не мог понять, как такой человек оказался в одной компании с Валдаем. Он не знал, сумеет ли склонить его к сотрудничеству. Утром, придя пораньше на работу, он поручил одному из своих помощников немедленно собрать сведения о бывшем майор-десантнике, узнать его домашний адрес и номер телефона. Он также отправил конверт и записку на экспертизу.

Спустя час или полтора помощник положил на стол перед Лимоновым досье на Бориса Рубцова — распечатку компьютерных файлов из архива Минобороны. Вместе с распечаткой он принес фото Рубцова.

Как и следовало ожидать, в личном деле отставного майора все было в порядке: не был, не участвовал, не привлекался. Зато один перечень заслуг боевого офицера занимал половину отпечатанной страницы.

— И это все? — раздраженно выкрикнул Лимонов. — У вас ушло почти два часа на то, чтобы распечатать и подсунуть мне эту филькину грамоту?

— Да, Виктор Владимирович, все, — невозмутимо ответил помощник. — Это полная официальная информация о майоре Рубцове за последние пять лет.

— А из неофициальных источников что-нибудь есть?

Помощник только развел руками.

— Ну так проверьте! — не без раздражения потребовал Лимонов.

Лимонов попытался восстановить в памяти, как выглядел Комбат. Но всплывало почему-то только лицо офицера: продолговатое, несколько суровое... да, да... волевое, что хорошо запомнилось тогда еще подполковнику юстиции, заместителю военного прокурора Ограниченного контингента Советской Армии в Афганистане. Но Лимонов никак не мог вспомнить ни роста, ни фигуры командира роты. Так случилось, что судьба свела Лимонова с Комбатом после того, как он уже не раз встречал фамилию капитана в военных сводках о боевых действиях армейских подразделений.

Комбат был мастером по перехвату караванов с оружием, которые двигались из Пакистана в глубь Афганистана. В действиях немногочисленной группы спецназа, возглавляемой капитаном, всегда просматривалась поразительная дерзость и маневренность. Иногда создавалось впечатление, что капитан, действуя авантюрно, надеялся на счастливый случай и ему просто везло. И только позже, когда Лимонову рассказали, как Комбат проводил свои молниеносные операции, стало ясно, что капитан обладает редчайшим талантом офицера, в котором сочетались умение анализировать, знание психологии противника, трезвый расчет и, конечно же, удивительная смелость. При этом Комбат делал все, чтобы безопасность его бойцов была максимальной.

Лимонов откинулся на спинку кресла и предавался воспоминаниям. Да, нахождение в Афгане было для него самым ярким периодом его жизни. Там быстро узнавались все: и подлецы и люди чести.

«Разве мог я себе представить тогда, что пройдет совсем немного времени, и я получу высокий

пост, стану генералом, займу неплохую нишу в обществе, но радости от всего этого уже никогда не испытаю?.. Не то что в Афгане, где отношения между соотечественниками были вершиной человеческой чистоты», — думал генерал. Если бы в этот момент он смог посмотреть на себя со стороны, то поразился бы, увидев свое лицо: на нем пропало хмурое выражение, расправились морщины, а пальцы правой руки невольно притронулись к орденской планке на груди, где среди десятка различных наград была самая дорогая для него колодочка ордена Красной Звезды, полученного за Афган. Да, он честно заработал эту боевую награду. Не раз принимал участие в боевых действиях. Дважды пришлось лично вести огонь по противнику, когда воинские подразделения вели бой...

Лимонов вспомнил, как летом 1987 года он находился в колонне техники, направляющейся из Кабула в Шиндант. Лимонов сидел на броне танка, за башней, куда усадил прокурора заботливый командир роты, который объяснил, что в случае подрыва на mine это самое безопасное место. В семидесяти километрах автомобильная колонна, которую сопровождали танки и бронемашины, попала в засаду. Душманы в первую очередь расстреляли головной и замыкающий танки, после чего обрушили весь огонь на колонну. Офицеры и солдаты действовали грамотно. Заработали пушки и пулеметы, а десантники немедленно спешили и атаковали противника. Лимонов оказался в группе, которая зашла душманам с фланга, что сразу же внесло панику в ряды противника. Лимонов хоть и говорил после боя, что пару духов уложил, в душе честно признавался, что он не совсем уверен, что попал

в кого-либо из душманов. Он просто вел огонь по любой цели, убегавшей среди камней в глубь гор. Единственное, чему тогда поразился подполковник юстиции, это тому, как быстро он израсходовал весь боезапас — четыре магазина по тридцать патронов в каждом.

«Странно, — подумалось генералу, — но тогда я совершенно не чувствовал страха, даже никакого страха. А ведь могли и кокнуть. Погибло же тогда наших семеро парней, да и ранено было больше десятка... Но все равно это была самая счастливая часть моей жизни!»

Вдруг Лимонова словно током ударило: «Стоп, генерал! Меня же первым познакомил с Рубцовым Игорь Ветров. Да, да, именно Ветров». Лимонов откинулся на спинку кресла и предался воспоминаниям. Полковник Ветров возглавлял аппарат советников МВД в Кабуле. Он был самым информированным оперативником и сам лично возглавлял операции по реализации оперативной информации о душманах. Почти всегда его операции давали прекрасные результаты. Сотни пулеметов, гранатометов, РПУ (реактивно пусковых установок), даже знаменитый переносной ракетно-зенитный комплекс «Стингер» производства США, не говоря уже о миллионах боеприпасов, захватывал у противника полковник Ветров. Не зря все руководители и афганских и советских силовиков в Афганистане сошлись во мнении возложить на Ветрова оборону Кабула. А Ветров чаще других привлекал к своим операциям роту капитана Рубцова.

Судьба свела Лимонова с Ветровым, и они подружились. Лимонов вскоре убедился, что совсем не случайно Ветров любил Рубцова

и взахлеб рассказывал о его подвигах. Оба они были одного характера — честные, открытые, смелые.

После Афганистана Лимонов оказался в Москве, а Ветров — в Минске. Сейчас Игорь Николаевич — генерал, заместитель Министра внутренних дел. Они изредка созваниваются. Лимонов в разговоре с Ветровым всегда испытывал чувство вины перед Игорем Николаевичем, который не подвергся в отличие от Лимонова коррозии общества — коррупции и, как прежде, как там, в Афгане, вел бескомпромиссную войну с преступностью.

«А ведь Игорь может знать, где разыскать Рубцова», — мелькнула мысль у генерала, и он потянулся к аппарату ВЧ. После нескольких длинных гудков на том конце провода послышался голос:

— Слушаю вас!

— Игорь Николаевич, привет, это Лимонов! — весело поздоровался генерал.

— Привет, Виктор Владимирович! Рад тебя слышать. Ты знаешь, я как раз собирался тебе позвонить. Думаю скоро навещить Москву-матушку. Значит, и свидеться удастся.

— О, буду рад! Давненько мы не виделись, а видеотелефонами мы с тобой, брат, не обладаем. Как определишься с выездом, сразу же звони — встречу. Постарайся спланировать свое время так, чтобы мы смогли без спешки пообщаться.

— Хуб, — ответил Ветров, что на пумбу означало «хорошо».

Лимонов рассмеялся:

— Практикуешься? Не думаешь ли снова туда?

— Старый я уже для этого... Но все равно без колебания бы рванул.

— Да, да, словно неведомая сила тянет туда, — согласился Лимонов и перешел к главному.

— Игорь Николаевич, вспомни, как ты меня в Кабуле донимал не трогать капитана Рубцова. Помнишь, отделение его роты сопровождало колонну, попавшую в засаду?

— Конечно, помню. Твои же хотели молодого сержантика сделать крайним. А ведь в колонне было два подполковника.

— Да, но рапорт же написал на сержантика твой подчиненный.

— Ну, не рапорт, а устно стукнул один мерзавец Лазебник, который и был одним из подполковников из той колонны. Боялся, что спрос с него будет, вот и решил использовать дружеские связи с твоими подчиненными, чтобы сдать пацана, а самому в сторонке остаться. Лазебник — отъявленный негодяй. Если бы такого поместить в зверинце в клетку, то на ней обязательно надо было бы повесить надпись: «Гад редкий». Он и здесь, в Минске, не раз обливал людей грязью.

— А чем он занимается?

— Из МВД выперли на пенсию, сейчас бизнесом занимается. Крадет по-крупному, людей разоряет, знакомых и незнакомых, доносами сдает... Ну а что это ты о Комбате вспомнил?

— Нужен он мне. Его один мой знакомый разыскивает, хочет работу предложить.

— Нет проблем. Сейчас достану свою записную книжку.

После небольшой паузы Ветров продиктовал нужную Лимонову информацию. Поблагодарив

Ветрова, Лимонов положил трубку, отпустил помощника и набрал номер мобильного Скворцова.

— Миша, срочно ко мне. Для тебя есть специальное задание.

К тому времени, когда капитан Михаил Скворцов прибыл в кабинет Лимонова, на столе перед генералом юстиции уже лежала именно та информация, которая ему была нужна.

— Присаживайся, — Лимонов указал Скворцову на кресло перед своим столом. — Миша, у меня для тебя задание.

Скворцов удобно устроился в кресле и приготовился выслушать приказ шефа.

— Какого рода? — спросил он.

— Слежка, — ответил Лимонов, не сводя глаз с помощника. — Ты же у нас профи в таких делах.

При слове «слежка» Скворцов недовольно поморщился: подобная работа его не прельщала, нагоняла тоску. Как никто другой, он великолепно знал, сколько сил и терпения нужно для того, чтобы целыми часами, а порой и днями сидеть в одном месте в ожидании клиента. Скворцов действительно умел это делать профессионально. И все же такая работа нравилась ему меньше всего.

— Только давай обойдемся без возражений, — предупредил его Лимонов. — Я хочу, чтобы ты постоянно докладывал мне о всех передвижениях и любых действиях вот этого человека.

Он взял со стола и передал Скворцову фотографию Рубцова.

— Это Борис Рубцов, — продолжил наставлять помощника Лимонов, пока тот рассматри-

вал и запоминал лицо клиента. — Майор запаса, бывший командир роты спецназначения. В прошлом боевой офицер. Участвовал в военных действиях в Афгане и Чечне, награжден орденами и медалями.

— Зачем вы мне это говорите? — удивился Скворцов.

— Затем, Миша, чтобы ты глубоко осознал и зарубил себе на носу: тебе придется иметь дело с высококлассным профессионалом, — объяснил Лимонов. — Так что прохлаждаться тебе не придется. За ним нужен глаз да глаз.

— Что вы такое говорите, шеф? Ему ведь уже сорок пять! — Скворцов словно хотел похвастать своим молодым возрастом.

— Ты на его возраст не смотри, — сказал Лимонов. — Он с десятком таких, как ты, справится!

— Не может быть!

— Может, Миша, в этой жизни все может быть, — стоял на своем Лимонов. — Я тебе сейчас одну историю расскажу, и ты все поймешь. Примерно полгода назад в одном заведении столицы возникла потасовка между двумя тренированными телохранителями Эдуарда Шеина и отставным офицером-десантником.

— Шеин... Не родственник ли это чиновника из мэрии?

— Это его сын, — ответил Лимонов и продолжил: — Не знаю, что они там не поделили, но отставник в два счета скрутил молодых качков в бараний рог. Позже один из них умер. В медицинском заключении говорилось, что смерть наступила от чрезмерной дозы спиртного, повлекшей остановку сердца. Но я в это не верю.

— Почему?

— Потому что сорокапятилетним офицером запаса был не кто иной, как упомянутый Борис Рубцов. Этот человек прошел огонь, воду и медные трубы. Он знает и умеет много такого, о чем даже представления не имеют современные молокососы.

— Послушайте, шеф, а почему эта информация проходит по неофициальным каналам?

— Ты это к чему?

— Я вот что подумал, — сказал Скворцов, возвращая Лимонову фотографию Бориса Рубцова. — Если потасовка имела место и в ней был замешан этот тип, то в нашем ведомстве должны быть подробные сведения о ней, так?

Лимонов поймал себя на мысли, что благодаря подсказке помощника оказался в шаге от разгадки странной связи, существовавшей между Рубцовым и Валдаем.

Как только Янычар вывел Ноя из ночного клуба, тот сразу же поспешил к ближайшей остановке такси. Он не знал, куда направился Костан от Валдая, но на всякий случай решил заглянуть в аэропорт Внуково. Поймав такси, он пообещал таксисту двойную цену, если тот как можно быстрее доставит его в аэропорт. Водителю не пришлось повторять дважды, и через каких-нибудь полчаса Ной уже входил в здание вокзала.

Первым делом он прошел к электронному табло с расписанием рейсов. Ближайший самолет до Челябинска отправлялся через два с половиной часа. Не забыл Ной проверить и время рейса до Екатеринбурга. Ведь как раз этим рей-

сом Костан прилетел в Москву. Оказалось, что самолет на Екатеринбург вылетает на сорок минут раньше.

Теперь Ною предстояло узнать, есть ли в аэропорту Костан. С этой целью он принялся бродить по аэропорту. Как раз в тот момент, когда Скворцов стоял у стойки билетных касс и предъявлял девушке свое служебное удостоверение, Ной проходил за его спиной. Он сделал вид, что интересуется приобретением билета на самолет, и прекрасно слышал, о чем говорил Скворцов с девушкой. Из их разговора Ной понял, что Костан вообще не проходил регистрацию.

Одолеваемый сомнениями, Ной бесцельно бродил по аэропорту, пока ему на глаза не попала вывеска бара-ресторана. Парень вдруг вспомнил, что за весь день ничего не ел. Он решительно вошел в бар, остановился и по своему обыкновению начал осматриваться, высматривая свободный столик. Неожиданно его взгляд упал на фигуру толстяка, в которой он безошибочно узнал Костана.

Ной настолько был рад такой удаче, что на мгновение напрочь позабыл, с какой целью пришел в заведение. Из отрешенного состояния его вывела официантка.

— Ищете кого-нибудь?

— Что? — голос Ноя дрогнул. — Нет, я хотел бы перекусить перед дорогой.

— Тогда проходите, присаживайтесь за любой свободный столик, я скоро к вам подойду.

Официантка отошла, а Ной быстро огляделся по сторонам. Незнакомца, который также интересовался Костаном у билетных касс, не было видно. Место было удачным для наблюдения,

так как Ной мог видеть не только Костана, сидевшего спиной к нему, но и входную дверь бара-ресторана. Это могло пригодиться на тот случай, если здесь появится незнакомец, разыскивавший Костана.

«Выходит, Костана пасут по-крупному? — предположил парень. — Но если с Валдаем все понятно, то чем Костан заинтересовал типа с удостоверением?»

Уход Костана из бара-ресторана заставил поспешить и Ноя. Парень знал, что Костан никуда не летит. Но тогда для чего он приперся во Внуково?

В один миг Ной покончил с едой и поспешил за Костаном. Стараясь держаться на безопасном расстоянии, парень следовал за ним. Когда же Костан присел с журналом в руках, он также опустился на одно из сидений в зале ожидания. Помня о незнакомце у билетных касс, Ной принялся украдкой осматриваться по сторонам.

В толпе у телефонов-автоматов он заметил того самого незнакомца. Тот стоял у стенки и разговаривал по сотовому телефону. Их разделяло пятнадцать-двадцать шагов, и Ную не составило труда разглядеть напряженное выражение лица незнакомца. Он не мог слышать, с кем и о чем тот разговаривает, но и без того было понятно, что речь идет, скорее всего, о Костане. Ной вычислил это, проследив за направлением взгляда незнакомца. Он был направлен на Костана.

«Становится забавно», — подумал Ной, вспоминая, как сам попался в лапы Валдая возле ночного клуба «Пеликан».

Размышляя о возможных вариантах разви-

тия событий, Ной то и дело украдкой следил за незнакомцем. В какой-то момент он заметил, как тот снова разговаривает по телефону. Затем он вдруг сорвался со своего места у стены и направился к выходу.

Ной насторожился. Он проводил незнакомца вопросительным взглядом и мельком посмотрел на Костана. Тот все также сидел на прежнем месте и, похоже, в ближайшее время никуда не собирался.

Это был тот самый момент, когда в аэропорт приехал Виктор Лимонов. Узнав о его приезде, Скворцов отправился встретить его, чтобы проводить к Костинову.

Вскоре Ной снова увидел незнакомца. Он возвращался обратно. Но на этот раз рядом с ним был еще один человек — крепко сложенный высоколобый мужчина с продолговатым лицом.

Ной почти безошибочно определил, что мужчина торопится на встречу с Костаном. По его солидному виду, статной, самоуверенной походке Ной подумал, что если этот мужчина из правоохранительных органов, то он должен быть либо генералом, либо, на худой конец, полковником.

Ной видел, как раз или два Костан вынимал из кейса и протягивал мужчине какие-то бумаги. Одна из них оказалась большим почтовым конвертом желтого цвета. В этом Ной не мог ошибиться.

В самый разгар свидания по громкоговорителю передали сообщение о начале регистрации на рейс до Екатеринбурга. Ной был так сосредоточен на слежке, что не сразу понял, почему Костан вдруг заторопился. Он поспешно распрощал-

ся с таинственным собеседником и направился к пропускному терминалу. Мужчина остался стоять на прежнем месте. Но Ной видел, как он сделал знак незнакомцу у стены следовать за Костаном.

Ничего не понимая в происходящем, Ной то и дело переводил взгляд с мужчины на коридор, по которому ушел Костан. Но когда мужчина направился к выходу, парень моментально сообразил, что Костан сюда больше не вернется.

Он вскочил со своего места и как ошпаренный пустился вслед за Костаном. Но он только увидел, как тот прошел регистрацию и направился к выходу на посадку.

Ной бросился к кассам. В ближайшей справочной ему сказали, что производится посадка на рейс до Екатеринбурга. Он понял, что упустил Костана. Как ни старался Ной заполучить желанный билет на тот же рейс, ему ответили категоричным отказом. И Нюю пришлось еще сорок минут ждать объявления посадки на самолет до Челябинска. В ожидании рейса он успокаивал себя тем, что ему будет о чем поведать Панкрату. Он успел собрать достаточно информации о пребывании Костана в Москве.

Глава 5

Рубцов закрыл дверь за Валдаем и прошел на кухню. Окна кухни выходили во двор, и Рубцов мог видеть, как авторитет садится в свой «мерседес». Когда автомобиль отъехал от подъезда,

Рубцов через занавеску осмотрел двор. В такой час двор обычно пуст. Только старушки пенсионерки иногда сидели на скамейке у подъезда да молодые мамы прогуливались с детскими колясками. Но теперь солнце перевалило за полдень и там не было ни старушек, ни мамаш с колясками. Лишь на скамейке рядом с детской песочницей в полном одиночестве сидел молодой человек.

Рубцов не мог хорошо рассмотреть его внешность. Солнце светило прямо в глаза, а на скамейку падала тень от огромного клена. К тому же на молодом человеке были солнцезащитные очки, а в руках он держал газету. Сидел он немного сутулясь и наклонив голову. Время от времени он поднимал глаза и поглядывал на соседний подъезд. По всей видимости, он пришел к кому-то в гости и, не застав хозяев дома, дожидался их возвращения.

Рубцов вернулся в комнату и сел на диван. Взгляд его упал на пачку с деньгами. Без всяких мыслей он взял ее в руки, повертел, подержал на весу, а затем снова бросил на журнальный столик. В этот момент его больше всего занимал разговор с Валдаем и предстоящая работа. Рубцов думал о том, как ее выполнить, что предпринять первым делом, чтобы получить в свои руки ниточку, которая привела бы к конечному результату.

Однако в голове не было ни одной толковой идеи. Рубцов встал со своего места, запустил видеомаягнитофон, вернулся на диван, закурил. Он решил еще раз посмотреть порнографический сюжет. Но ни спокойная обстановка, ни пристальное внимание не привели к желаемому результату. Рубцов по-прежнему видел только одурманенных

парня с цветной наколкой на спине, девушку и больше ничего.

С некоторым раздражением он выключил телевизор и подумал, что придется воспользоваться подсказкой Валдая. Других стоящих мыслей у самого Рубцова пока не возникло. Если татуировка имела тот смысл, о котором говорил Валдай, то парня следовало искать среди гомосексуалистов.

Поразмыслив, Рубцов вспомнил одного своего знакомого. Его звали Бенедикт Смирнов. Он слыл талантливым фотографом. Приятели и те, кто хорошо знал Бенедикта, звали его просто Бенья или Сима.

Фотографу было двадцать пять лет. Последние пять-семь лет Бенья был постоянным участником различных фотовыставок. Рубцов даже побывал на одной из них. Лучше всего Бене удавались эротические портреты. Несколько таких портретов он послал на международную выставку художественной фотографии в Париж и получил второй приз. Благодаря такому успеху Бенья стал довольно известным человеком. Он сумел открыть свой собственный салон-студию. Фотографироваться у Бени стало престижным для многих манекенщиц. Именно с ним хотели работать многие начинающие девушки-модели.

Бенья был заметной личностью не только среди фотографов, но и среди гомосексуалистов. По этой причине его недолюбливали в кругах профессионалов, часто игнорировали его талант и «забывали» пригласить на ту или иную престижную выставку. К тому же Бенья не раз жаловался, что кто-то ворует его фотографии и помещает их в Интернете на порносайтах. Он был

уверен, что таким образом завистники стремятся запятнать его репутацию и вытеснить с рынка фотоискусства.

Именно на этой почве у Бени однажды возник конфликт с конкурентами. Не найдя ничего лучшего, те проникли в салон-студию Бени и устроили там настоящий погром. У Бени работал сосед Рубцова по лестничной площадке — благовоспитанный и добропорядочный парень. В тот день, когда в салоне Бени был устроен погром, Рубцов встретил парня на лестнице. Тот возвращался домой абсолютно подавленный и рассказал Рубцову о погроме в студии.

Рубцов вызвался помочь парню и его приятелю Бене. Когда на следующий день на разборку явились наемники-амбалы и потребовали закрыть студию, с ними выяснял отношения Рубцов. Бенья и сосед Рубцова в это время прятались в одной из комнат салона. Как следует проучив рэкетиров, Рубцов заверил Бенью, что отныне он может спокойно работать и ничего не бояться. В знак благодарности Бенья пригласил Рубцова на выставку, где демонстрировались его работы.

С тех пор конкуренты с помощью амбалов еще два раза пытались насолить Бене, но Рубцов окончательно уладил эту проблему. Теперь пришла пора Бене оказать услугу Рубцову. Рубцов набрал номер телефона, и через мгновение приятный женский голос ответил:

- Салон-студия «Адонис».
- Бенья там есть? — спросил Рубцов.
- Вы по какому вопросу? — уточнила девушка.
- По деловому.
- Знаете, к сожалению, сегодня он слишком занят. Попробуйте позвонить завтра.

Не дожидаясь возражений, девушка прервала разговор. В трубке послышались короткие гудки.

Рубцов не без раздражения снова набрал номер. Ему ответил тот же доброжелательный голос.

— Девушка, не смейте бросать трубку! — возмутился Рубцов. — Скажите Бене, что ему звонит Комбат.

— Кто? — удивилась девушка странному имени, которое вызвало у нее ассоциацию с армией.

— Он все поймет. Пойдите и скажите, я подожду.

Через минуту он услышал тяжелые торопливые шаги, а потом знакомый голос с прерывистым частым дыханием. Это был Бенья.

— Комбат? Рад вас слышать. — Бенья всегда обращался к Рубцову на «вы», с почтением называя его Комбатом. — Как поживаете? Как ваши дела?

— Спасибо, неплохо. — Рубцову не хотелось вести серьезный разговор с Беней по телефону, а потому он решил сразу перейти к делу. — Бенья, мне нужно с тобой увидеться и поговорить. Вернее, мне нужна твоя профессиональная консультация.

— О чем разговор, Комбат!? Приезжайте, обязательно приезжайте! Я буду рад снова вас увидеть.

— Только предупредите свою секретаршу о моем приезде, — сказал Рубцов. — Похоже, она слишком исполнительная.

— Об этом не беспокойтесь.

— Тогда выезжаю.

— Хорошо, жду.

Рубцов переоделся, взял из пачки несколько купюр по сто долларов на всякий непредвиденный случай. Остальные деньги он сунул в тумбу буфета и вышел из квартиры. Не забыл он прихватить с собой и видеокассету, привезенную Валдаем. О том, что Валдай обещал предоставить в прокат автомобиль, Рубцов вспомнил уже на лестнице. Но ждать было некогда, а потому он решил позвонить авторитету из салона Бени.

Выйдя из подъезда на улицу, Рубцов, по обыкновению, поздоровался с двумя старушками, которые уже сидели на скамейке и искали повод посудачить. Краем глаза Рубцов заметил, что парень на скамейке у детской песочницы с газетой в руках по-прежнему дожидался своих знакомых. Но Рубцов торопился и не обратил никакого внимания на парня, который при его появлении тут же поднялся со скамейки и поспешил за ним.

Как только Рубцов переступил порог салона, его встретил парень со смазливой физиономией, чем-то напомнивший ему молодого человека, снятого на видеокассете.

— Здравствуйте, меня зовут Дорик, — фальцетным голосом назвал себя парень. — Вы ведь Комбат, не так ли? — робко спросил он.

Рубцов слушал парня и чувствовал себя не в своей тарелке. Но он удержался от проявления любых эмоций, кивнул и попросил провести его к Бене. Ничего не говоря, тот повел его по узкому коридору. Рубцов шел за ним, с интересом разглядывая цветные и черно-белые фотографии в рамках, висевшие на стенах. По правде говоря, это даже были не столько фотографии, сколько мастерски исполненные художественные карти-

ны. Здесь были и пейзажи, и натюрморты, и портреты. Рубцов рассматривал их с неподдельным восхищением.

Парень провел Рубцова в небольшую уютную комнату, отделанную под красное дерево. Весь пол этой комнаты занимал толстый ковер пестрой раскраски. Когда парень задержался у двери и посторонился, пропуская вперед Рубцова, тот поначалу не решался ступить на ковер.

— Проходите, Бенья сейчас придет, — сказал парень. — Может, вам чего-нибудь принести?

— В каком смысле?

— В смысле выпить или пожевать, — объяснил он. — Знаете, некоторым людям, чтобы убить время, непременно что-нибудь нужно. Они просто не могут ничего не делать. Поэтому одни жуют жевательную резинку, другие сосут леденцы, третьи поглощают шоколад...

— Нет, спасибо, я не страдаю кревоугодием, а потому не принадлежу ни к одним, ни к другим, ни к третьим, — ответил Рубцов. — А вот устроить небольшой перекур не против. Я могу закурить? Здесь курят?

— О да, пожалуйста! Сейчас я принесу вам пепельницу. А может, все-таки передумаете?

Навязчивость парня начинала утомлять Рубцова.

— Я не отказался бы от чашки кофе.

— Конечно! — ответил парень таким тоном, как будто хотел сказать: «Как вы только могли подумать, что у нас нет кофе?»

Вскоре в комнате снова появился Дорик, поставил на столик чашку с кофе, пепельницу и извинился, что вынужден отлучиться. Он предложил Рубцову посмотреть журналы мод и фотографий. К тому моменту, когда в комнате появился Бе-

ня, Рубцов успел допить кофе, докурить сигарету, просмотреть один журнал и взять в руки другой.

Это был довольно упитанный розовощекий молодой человек с маленькими пухлыми ручками и мелированными волосами. На нем были шорты ниже колен и пестрая пляжная рубашка с коротким рукавом.

— Извините, пожалуйста, Комбат, что заставил вас ждать, — молитвенно сложив ладони, сказал Бенья. — У нас сегодня творится нечто непонятное. Столько желающих пройти пробы на фотомодель, что я не справляюсь. Впору менять график работы и переходить на две смены. Честное слово! — заметив улыбку на лице Рубцова, фотограф постучал себя в грудь. — Мне даже кофе некогда выпить, не говоря уже о полноценном ужине, — добавил он, глядя на пустую чашку на столике. — А на носу еще выставка в Берлине. Так что не обижайтесь, Комбат.

— Ничего страшного, Бенья, работа есть работа. Это я должен извиниться, что отвлекаю своим приходом.

— Что вы! Что вы! Для вас я всегда свободен и всегда буду рад вас видеть.

— Спасибо, Бенья, но я пришел не просто так, а по делу, — сказал Рубцов и извлек из внутреннего кармана пиджака видеокассету.

Бенья проследил за его движением и стал серьезным и сосредоточенным.

— У меня есть одна видеозапись, — сказал Рубцов. — Я хочу, чтобы ты посмотрел ее и проконсультировал по нескольким моментам. Только дай мне слово, что никто не узнает, для чего я к тебе приходил и что ты видел на этой видеокассете.

Беня выдержал непродолжительную паузу. Казалось, он обдумывал, стоит ли вообще связываться с этим человеком и искать нежелательных неприятностей на свою голову. Но потом ответил:

— Хорошо, я даю вам слово, Комбат. Чтобы посмотреть вашу кассету, нам следует перейти в комнату для отдыха моделей. Там есть телевизор и видеомагнитофон. Идемте за мной.

Он направился к выходу, приглашая Рубцова следовать за ним. По тому же коридору они прошли в комнату, которая была намного светлее и просторнее той, где до сих пор находился Рубцов. В ней все было сделано из стеклопластика. На широком диване, кто в халатах, а кто в купальниках и плавках, сидели парни и девушки — модели Бени.

— Ребята, извините, — обратился к ним Беня. — Не могли бы вы на некоторое время покинуть комнату?

С любопытством разглядывая Рубцова, хихикая и перешептываясь, парни и девушки не очень торопливо вышли из комнаты. Беня закрыл за ними дверь, неудовлетворенно фыркнул и обратился к Рубцову.

— Давайте, теперь здесь никого нет.

Рубцов протянул кассету. Беня вставил ее в видеомагнитофон и буквально плюхнулся на диван.

— Присаживайтесь и вы, — предложил он Рубцову.

По всему его поведению было заметно, что он торопится и, если бы на месте Рубцова был другой человек, он давно выставил бы его за дверь, а то и вовсе не стал бы с ним разговаривать. Но когда на экране телевизора появилось

изображение, Беня изумленно подался вперед и замер.

— М-да, проблемный фильм, ничего не скажешь, — со вздохом то ли облегчения, то ли разочарования произнес Беня, когда закончилась запись. — И что вы хотите от меня, Комбат?

В его потерянном голосе звучал скрытый упрек. Он словно хотел сказать, что Рубцов не за того его принимает, что он ошибается, потому что Беня не занимается подобными съемками.

— Ты должен меня проконсультировать, — повторил Рубцов.

— На предмет чего, разрешите узнать?

— На предмет этого фильма.

— Но я не занимаюсь подобными делами, вы же знаете. Вы же были у меня на выставке! — с обидой в голосе сказал Беня. Он вдруг подумал, что Комбату совершенно все равно, видит он перед собой художественное фото или порнографический снимок.

Рубцов догадался о его мыслях.

— Беня, успокойся! Я и не предполагал, что ты такой ранимый человек и эта запись вызовет у тебя такую реакцию. Я совсем не хочу сказать, что ты занимаешься тем же или чем-то подобным. Я просто хочу проконсультироваться, потому что чувствую себя полным профаном в подобных делах. А ты много лет занимаешься фотографией и наверняка знаешь, кто мог снять такой фильм. Возможно, ты даже подсказал бы мне, к кому следует обратиться, чтобы он просветил меня. Вот и все, Беня!

Выслушав Рубцова, Беня понемногу успокоился. Видя, что парень опять настроен к нему дружелюбно, Рубцов осторожно поинтересовался:

— Так что скажешь, к кому мне обратиться?

— Сложный вопрос, — ответил Бенья. — Когда-то такие фильмы снимали и продавали пачками. Теперь не очень много охотников попадаться на крючок правоохранительных органов. Есть строгий закон, запрещающий подобные съемки и их распространение. И кто попадет, тому мало не покажется.

— Я не о том тебя спрашивал, Бенья, — напомнил Рубцов.

— Да, да, Комбат, я помню. Так вот, на сегодняшний день этим промыслом занимаются лишь единицы. Но они работают под хорошим прикрытием. Вам ни за что не добраться ни до одного из них, Комбат.

— Ничего, это уже не твоя забота. Ты мне только назови имя.

Рубцов испытующе уставился на Бенью.

— Я не уверен, но рискну предположить, что это Игорь Ростовцев, — ответил парень.

— Почему ты так решил? — спросил Рубцов, как будто проверял Бенью.

— Знаете, каждый фотограф обладает определенной техникой, свойственной только ему одному, — начал объяснять Бенья. — В этом фильме все ракурсы подобраны так, как это обычно делает Ростовцев.

— Да, но здесь не фотографии, а киносъемка.

— Скажу вам по секрету, что это не имеет существенной разницы, — с благосклонной улыбкой ответил Бенья, гордый тем, что попутно просвещает Комбата.

— А кто такой этот Ростовцев? — последовал вопрос.

— Ростовцев? О, это довольно известная личность в определенных кругах. Раньше Игорь Рос-

товцев работал на телевидении, потом подался в бизнес, хотел снимать коммерческие фильмы. Сколько я его знаю, он все время мечтал если не получить, то хотя бы номинироваться на «Оскар». — По лицу Бени промелькнула ироничная ухмылка. — Для этого он даже уезжал в Америку, хотел попасть в операторы к какому-нибудь известному голливудскому кинорежиссеру. Естественно, из этого ничего не получилось. Ростовцев вернулся на родину, пробовал устроиться то в одну, то в другую студию. Но к тому моменту все ниши в подобном бизнесе уже были заняты. Он снимал рекламу, видеоклипы для поп-звезд, даже занимался сбором и продажей компромата на новых русских богачей.

— Откуда тебе это известно?

— Он мне предлагал работать с ним, — ответил Бенья. — Ростовцев хотел собрать вокруг себя талантливых фотографов и устроить нечто наподобие школы для папарацци. С его точки зрения, как-то несолидно получалось. На Западе они есть, а у нас нет. К сожалению, его затея с треском провалилась.

— Почему?

— Потому что на Западе пикантные подробности из жизни звезд шоу-бизнеса и политики котируются среди публики. Порой издания выкладывают за интимное фото и видеосъемку известных людей сотни тысяч долларов. А у нас... — Бенья сделал театральный жест, означавший бесполезность любых усилий. — Тот же Ростовцев однажды так получил по шее за один снимок, что потом месяца два или три приходил в себя на больничной койке.

— Ясно. А чем он сейчас занимается?

— Понятия не имею. Но скорее всего, тем

же, чем и раньше, — подрабатывает то тут, то там.

— В том числе и такими фильмами?

— Вполне может быть. Когда прошли громкие скандалы с трансляцией на всю страну постельных сцен, в которых участвовали министр юстиции и Генпрокурор, кое-кто из моих коллег и в шутку и всерьез поговаривал о том, что Ростовцев имел к этим записям самое прямое отношение.

— А где мне его найти?

— Раньше он жил в Кузьминках. У меня должен быть его телефон и адрес. Кстати говоря, у меня даже фото его должно быть, если я не отправил его за ненадобностью в мусорную корзину. А вот где он сейчас обитает?.. — И Бенья только развел руками.

— Бенья, а что ты можешь сказать о парне и девушке, снятых в этом ролике?

— О них не могу сказать ничего конкретного. Парень еще куда ни шло, а девушка, скорее всего, случайный человек в этом деле.

— А что парень?

— Похоже, он либо имел подготовку, либо просто нахватался некоторых технических приемов.

— А татуировка у него на спине тебе ни о чем не говорит? — спросил Рубцов и многозначительно посмотрел на Бенью.

— А о чем она должна мне говорить? Я же фотограф, а не мастер тату, — ответил Бенья.

Рубцов замешкался. Он не решался спрашивать напрямую, чтобы не обидеть Бенью. Но парень сам догадался.

— Вы еще хотели о чем-то спросить, Комбат? Тогда спрашивайте, не стесняйтесь.

— Мне сказали, что такие татуировки обычно носят гомосексуалисты.

— Вот как!? — быстро понял недвусмысленный намек парень, при этом отводя глаза. — К сожалению, я никогда не видел таких татуировок. Но могу свести вас с одним человеком.

— Кто он такой?

— Его зовут Марик. Такой приятный парень, натуральный блондин. Одно время он снимался у меня. Теперь он работает барменом в клубе «Голубой фрегат». Это рядом с Сокольниками, на Русаковской набережной. Полагаю, он поможет разобраться с парнем и его татуировкой, потому что интересуется подобными вещами.

Кажется, Рубцов уточнил все моменты и задал Бене все возможные вопросы. Теперь ему предстояло посетить клуб «Голубой фрегат» и отыскать Игоря Ростовцева. С первым у Рубцова никаких проблем не было, а вот насчет Ростовцева... Где его искать?

Но сначала он должен был переговорить с Валдаем.

Рубцов поблагодарил Бенью за консультацию и вышел из салона. На улице стоял теплый безветренный августовский вечер. На столбах начинали зажигаться неоновые фонари, а в небе над городом с юго-восточной стороны поднимался огромный желтый диск луны. Рубцов взглянул на часы. Стрелки показывали половину десятого. Прикинув, Рубцов понял, что сегодня он уже вряд ли успеет в два места.

Рубцов сделал выбор в пользу первого. Проходя мимо ближайшего таксофона, он резко остановился и снял трубку. Одновременно с тем Рубцов

по устойчивой привычке обернулся и заметил незнакомого мужчину.

Это был Скворцов. Он остановился шагах в десяти-пятнадцати в тот самый момент, когда Рубцов снял трубку таксофона. С видом опаздывающего человека он топтался у края тротуара, смотрел в разные стороны, как будто хотел поймать попутку.

Однако в его спешке Рубцов увидел не столько опоздание, сколько растерянность.

Словно настороженный хищник, выслеживающий добычу, Рубцов вцепился в него пристальным взглядом. Вечерний сумрак не позволял ему рассмотреть мужчину. Но и без этого Рубцов был уверен, что раньше никогда с ним не виделся. И все же он интуитивно продолжал держать незнакомца в поле зрения, пристально вглядываясь в мужской силуэт.

В этот момент на противоположном конце провода сняли трубку.

— Да! — с нескрываемым раздражением ответил мужской голос.

Рубцов медлил с ответом. Он сосредоточился на мужчине. Если бы он возвращался из гостей или просто прогуливался по улице, то, возможно, не придал бы такого значения незнакомцу. В обычных обстоятельствах он принял бы его за случайного прохожего. Но теперь, когда на руках у него была взрывоопасная видеозапись, Рубцов принял решение перестраховаться.

— Ночной клуб «Пеликан». Слушаю! — еще более раздраженно повторил тот же мужской голос, после чего послышались короткие гудки.

Рубцов не спешил. Он повесил трубку, незаметно расстегнул ремешок, снял с руки часы, сунул их в карман и отошел от таксофона. С видом

человека, который решает, куда податься в вечерний час, он закурил и посмотрел по сторонам. Он старался держаться и действовать так, чтобы не спугнуть мужчину, не вызвать у него и тени подозрения.

Рубцов сделал шаг к таксофону, будто снова собирался звонить. Но потом он неожиданно повернулся и пошел прямо на мужчину. Опытным глазом Рубцов с первого взгляда определил, что тот пытается избежать близкой встречи с ним.

Скворцов не ждал подобного поворота событий, а потому с тротуара едва не шагнул на проезжую часть. В этот миг у него действительно было одно-единственное желание — оказаться на тротуаре с противоположной стороны улицы.

Но деваться было некуда. С одной стороны у Скворцова была проезжая часть, с другой — длинный жилой дом. Как только он заметил, что его клиент направляется прямо к нему, он ступил на проезжую часть, начал махать руками, свистеть, зазывая пронесившийся мимо легковой автомобиль.

Тем временем Рубцов подошел к Скворцову, который старался не замечать его. Но для опытного Комбата такое поведение было лишь дополнительным доказательством его подозрений в отношении Скворцова. Как ни в чем не бывало, Рубцов спросил:

— Не подскажите, который час?

Скворцов мельком глянул на Рубцова, торопливо ответил и тут же отвернулся. Но Рубцов не оставил его в покое.

— Без четверти десять? — переспросил он.

Скворцов подтвердил, не оставляя прежней

попытки остановить такси или попутку. Всем своим видом он демонстрировал, что Рубцов его совершенно не интересует.

Между тем самому Рубцову хватило беглого взгляда, чтобы буквально сфотографировать мужчину, которому, по его представлению, было около тридцати. Обмен несколькими фразами позволил Рубцову получить представление о Скворцове. Поначалу он допускал, что этот человек мог быть послан Валдаем специально для его подстраховки. Но теперь Рубцов был уверен, что мужчина принадлежит к иному типу людей. Возможно, он не имел даже представления о Валдае. Он не был и близко похож на тех плечистых парней, которые вертелись около криминального авторитета, исполняя роль телохранителей или доносителей, а то и обыкновенных вышибал. Рубцов неплохо разбирался в людях, а потому мог сказать наверняка, что молодой мужчина либо работник правоохранительных органов, либо частный детектив. По крайней мере, на взгляд Рубцова, он обладал навыками наружной слежки. И если он следил за ним не от салона Бени, а от дома, то сработал он профессионально.

— Очень торопитесь? — не отставал Рубцов. — Если хотите, поедem вместе. Услуга за услугу. Вам куда?

Скворцов измерил Рубцова критическим взглядом.

— Нет, спасибо, я лучше на общественном транспорте. Все равно уже опоздал.

Он резко повернулся и поспешил в том направлении, куда несколькими минутами раньше шел Рубцов. Ощущая на себе пристальный взгляд Рубцова, он так ни разу и не обернулся. Удаляющаяся фигура напомнила Рубцову молодого чело-

века, который долгое время торчал на скамейке рядом с детской песочницей в его дворе. Сопоставив между собой эти факты и немного поразмыслив, Рубцов решил отправиться в ночной клуб «Пеликан».

Поскольку предполагаемый «хвост» удалился в направлении остановки, Рубцов пошел в противоположную сторону — в направлении салона-студии «Адонис». Он шел по тротуару до тех пор, пока окончательно не убедился, что за ним больше никто не следует. Лишь после этого он поймал такси. Но вместо адреса ночного клуба «Пеликан» он назвал свой домашний адрес.

Уже дома в спокойной обстановке Рубцов задумался над событиями, пережитыми за прошедший день. Но особенно его волновало то, что произошло за последние полтора часа. Встреча с незнакомцем после посещения салона Бени заставила его поинтересоваться событиями.

Неожиданный телефонный звонок и появление Валдая в его квартире представлялись Рубцову совсем не случайными. Совершенно иное звучание приобрел и внезапный интерес Валдая к тому, имеется ли у него, Комбата, оружие.

Он терялся в догадках и не знал, как относиться к предложению авторитета отыскать девушку из порнографического клипа. С одной стороны, Рубцов был должником Валдая. А он не привык долго ходить в должниках и всегда платил добром за добро. Но с другой стороны, денежное вознаграждение, обещание всяческого содействия, неожиданный вопрос об оружии и все поведение Валдая свидетельствовали скорее в пользу того, что Валдай сделал из Рубцова наемника.

В конце концов Рубцов вряд ли стал бы обращать внимание на такие детали и забивать себе голову подобными мыслями. Постоянный риск давно сделался для него второй натурой. Между тем он никогда не забывал и о безопасности. Он не испытывал того трепетного страха перед трудностями и не паниковал даже в самых, казалось бы, безвыходных и отчаянных ситуациях.

Во всей этой истории присутствовала политика. Об этом его предупредил Валдай. Человек по фамилии Костиков участвует в губернаторских выборах в Челябинске. Он прилетал в Москву для того, чтобы с помощью Валдая решить свою проблему. Его шантажируют грязной видеозаписью и требуют снять кандидатуру с выборов. Кто — неизвестно. Так, по крайней мере, все выглядело со слов Валдая. Валдай же сказал, что эти «кто» не позволяют ему самому заниматься этим делом. Но так ли это на самом деле? Правда ли, что у крупного криминального авторитета нет больших интересов в политике?

Рубцову не было никакого дела до политических пристрастий Валдая. Поначалу он взялся за это дело лишь потому, что был его должником. Теперь же он начинал подвергать сомнению все, что узнал от авторитета.

«Неужели этот Костиков, претендующий на столь значительный государственный пост, попав в сложную ситуацию, обратился к уголовнику вроде Валдая? Он же тем самым дополнительно скомпрометировал себя перед избирателями, — размышлял Рубцов. — Скорее стоило бы ожидать, что он обратится в правоохранительные органы. К Валдаю он мог обратиться только в том случае, если они одного поля ягоды. Но тогда ко всем чертям летит легенда ав-

торитета о его полном равнодушии к политике».

Беспорядочные мысли роем пронеслись в его уставшей голове. Он решил на следующий день первым делом встретиться с авторитетом. С подобными мыслями Рубцов и уснул.

Глава 6

В тот же день почти за две тысячи километров от столицы происходили другие события.

Поздним вечером Костиков прилетел в Екатеринбург. В аэропорту Кольцово его ждал джип «ниссан-патрол» с личным водителем. Автомобиль выехал из аэропорта и помчался по дороге на Арамиль. Миновал Арамиль и Патруши, джип вскоре достиг трассы, по которой свернул налево. Спустя три с половиной часа автомобиль уже был в Каптаке — пригороде Челябинска. Костиков попросил водителя отвезти его в загородный дом. Тот молча кивнул.

Между тем за два часа до этого в челябинском аэропорту приземлился самолет, на котором прилетел Ной. Панкрат отправил своих парней встретить Ноя и доставить из аэропорта прямо к нему. Он хотел получить от парня полный отчет не столько о его столичном путешествии, сколько о контактах Костана.

Они приехали в поселок, расположенный за Шершневским водохранилищем. Здесь, в живописном месте на окраине поселка, расположился особняк Панкрата. Именно здесь довольно часто собирались те, кто входил в группировку.

Ной вошел в огромный зал с камином и бильярдом, где собралось человек семь или восемь. Увидев Ноя, несколько парней воскликнули «О-о!» по поводу возвращения приятеля.

— Как слетал, Ной? — не выпуская кий из рук и не отрывая глаз от шаров, спросил Панкрат.

— Чертовски устал, — признался парень.

— Я тебя не о том спрашиваю. Скажи, ты что-нибудь узнал?

— Много чего, — ответил Ной.

Парень не знал, с чего начать, а потому ждал наводящих вопросов. Отвечать на вопросы было для него более привычным делом. Панкрат оторвался наконец от игры, повернулся и суровым взглядом уставился на Ноя.

— Музеи, библиотеки, выставки, концерты, Бородинская панорама — ты все успел посмотреть?

Парень растерялся.

— Я не понимаю, Панкрат. Я же не за этим летал к черту на кулички.

Довольная ухмылка тронула лицо Панкрата. Он был горд от своей удачной шутки.

— Ладно, идем со мной, — сказал он, бросая кий на бильярд. — Тут такой галдеж. Расскажешь обо всем в спокойной обстановке.

Ной беспрекословно последовал за авторитетом. Выходя из зала, тот приказал одному из парней прислать к нему Чебурека. Так он называл Аркадия Самойлова, своего адвоката. Некогда после окончания юрфака университета тот нигде не мог устроиться на работу, а потому открыл небольшую забегаловку по продаже чебуреков. Однажды к нему заявился рэкет, и некие крутые парни предложили Чебуреку делиться с ними прибылью. Парень не хотел иметь ника-

ких дел с рэкетирами, но прекрасно понимал, что законными способами от них не избавиться. И тогда кто-то подсказал ему обратиться за помощью к Панкрату. Парень так и сделал. Вряд ли тот, кто давал ему подобный совет, предполагал, что со временем Чебурек найдет с авторитетом общий язык и станет его советником и адвокатом.

Они прошли длинным коридором и оказались в комнате с огромными раздвижными стеклянными окнами-дверями во всю стену с видом на летний бассейн, устроенный прямо во дворе. Панкрат пересек комнату, открыл окно-дверь, вышел на зеленую лужайку перед летним бассейном и устроился в раскладном кресле.

Ной следовал за ним. Он стоял рядом с Панкратом и ждал, когда тот начнет спрашивать. Но тот не торопился. Сначала он закурил, потом попросил Ноя придвинуть поближе столик с напитками, налил себе в фужер красного вина и как бы позабыл предложить выпить Нюю.

— Ну, рассказывай, что видел? — в конце концов поинтересовался Панкрат.

— Я видел, с кем встречался Костан, — ответил парень.

— И с кем?

Чтобы ничего не упустить и не сболтнуть лишнего, Ной стал рассказывать обо всем по порядку. Панкрат неторопливо потягивал вино из бокала и, казалось, внимательно слушал парня. А Ной тем временем поведал, как летел в Москву в одном самолете с Костаном, как в аэропорту Костан едва не оторвался от него, как потом он встречался у ипподрома с крутым мужиком, которого, как позже выяснилось, звали Валдай.

При этом имени Панкрат оживился, даже

привстал с места. Рассказ парня внезапно вызвал у него повышенный интерес. Какое-то время Ной колебался, стоит ли рассказывать, как парни Валдая захватили его и привели на разборки. Однако решил, что ради собственной подстраховки лучше об этом промолчать. Он не упомянул и о том, что московский авторитет, как оказалось, знает Панкрата. Все эти подробности он посчитал несущественными для изложения сути дела.

Между тем Ной просчитался. Панкрат молча слушал Ноя и с каждой минутой мрачнел все больше.

— Выходит, Костан побывал у Валдая? — переспросил Панкрат.

— Да, они встречались.

— Их было двое?

— Поначалу — да. Но потом они наведались в заведение, которое, по всей видимости, принадлежит Валдаю. А в аэропорту, уже перед самым вылетом, Костан базарил еще с одним солидным фраером.

— Кто такой?

— Не знаю, Панкрат. Этот хмырь был при своей охране. Парни со всеми наворотами и прочими прикамбасами. Я не имел возможности подойти к ним ближе чем за десять метров.

— Хмырь, говоришь? Солидный?

— Сто пудов. Костан вынул из кейса и передал ему какие-то пакеты.

— Какие еще пакеты?

— Не знаю. Думаю, документы.

Панкрат был так возбужден, что, казалось, готов без лишних промедлений начать третью мировую войну. В этот момент в проеме огромных стеклянных дверей появился Аркадий Самойлов — тот

самый Чебурек, адвокат Панкрата. Тонкий, почти костлявый, высокий, всегда в строгом костюме и при галстуке, он неторопливой походкой направлялся к ним, снимая на ходу пиджак и распуская галстук.

— Слыхал, Аркаша, что в столицах о нас думают? — сказал Панкрат. — Нас там не уважают!

— Кто? — холодно спросил Чебурек.

При этом он смотрел на Ноя, а не на Панкрата и, следовательно, обращался именно к нему.

— Как кто!? Валдай! — взорвался Панкрат.

— Сам Валдай? Тот самый третейский судья? — поинтересовался Чебурек, попеременно глядя то на Панкрата, то на Ноя.

— Что значит «тот самый»? — Панкрат готов был обрушить свой гнев и на Чебурека. — Чихал я на него и на его власть! А если будет заноситься, то в один прекрасный день окажется в кювете. Это Панкрат «тот самый». Был, есть и будет.

Совершенно не разделяя авторитетского праведного гнева, Чебурек остановился у столика с разными напитками.

— Выпить хочется, а выпить нечего, — недовольным тоном произнес он.

— Тебе выпить хочется? Тебе все равно, что какой-то педрила топчет нас, как петух курицу? Так бери и пей! Смотри, сколько здесь всякой всячины! — с нескрываемым раздражением выпалил Панкрат, размахивая руками и демонстрируя изобилие.

Только теперь Ной обратил внимание на то, что Панкрат перебрал со спиртным. Он еще крепко стоял на ногах, но его уже сильно водило из стороны в сторону. В таком состоянии авторитет был невыносим, легко выходил из себя и мог по

всякому пустяку наброситься на собеседника с кулаками. В такие минуты он превращался в настоящее стихийное бедствие для окружающих. В подобной ситуации никто не осмеливался приближаться к авторитету и утихомиривать его.

Ной стоял в трех шагах от Панкрата, старался сохранять неподвижность и почти не дышал. Внутренний холод сковал его тело и отнял дар речи. Только теперь он понял, какую крутую кашу заварил. И если Панкрат решит начать войну с Валдаем, то ответственность за это будет лежать на нем, Ное.

— Это все не то, — с тем же невозмутимым выражением лица бормотал Чебурек, сосредоточенно перебирая бутылки на столике. Казалось, он полностью игнорировал запальчивый монолог Панкрата. — Это ты можешь себе позволить пить все эти напитки, а моя голова всегда должна оставаться ясной и светлой.

Среди всего изобилия он наконец выбрал напиток по вкусу — натуральный ананасовый сок.

— Так что ты там говорил о Валдае? — выпив сока, спросил Чебурек.

Он переводил взгляд с Панкрата на Ноя, будто не знал, кому из них в конце концов адресовать свой вопрос.

Однако его вопрос повис в воздухе. Панкрат тяжело сопел и злобно скрежетал зубами. То и дело он сжимал и разжимал кулаки, словно разминался перед ответственным матчем по боксу.

И тогда Чебурек впился глазами в Ноя. Но тот тоже хранил молчание. Он опасался даже рот открыть, чтобы ненароком не навлечь на свою голову гнев Панкрата. Кроме того, он не терпел Чебурека. Адвоката не очень жаловали и другие члены группировки Панкрата. Сойдясь с ним два или

три года назад, Чебурек сумел настолько втереться к нему в доверие, что иногда в его отсутствие Панкрат чувствовал себя как без рук. Он не решился предпринимать никаких действий до тех пор, пока не посоветуется с адвокатом. И Чебурек возмнил о себе бог знает что. Правда, он старался делать это умно и не выпячивать свое пренебрежение, особенно в присутствии посторонних. Но пока сам Панкрат позволял ему так поступать, парням приходилось мириться с подобным положением вещей.

— Мне кто-нибудь обрисует ситуацию? — сурово хмуря брови, Чебурек пристально посмотрел на Ноя.

Парень по-прежнему хранил молчание, всем своим видом давая понять, что Чебурек ему не указ.

— Здесь тебе не сборище художников, чтобы рисовать, — буркнул в ответ Панкрат.

— Я твой адвокат и глава предвыборного штаба, если помнишь, и хочу понять, что произошло?

— Костан летал в Москву за поддержкой. Что здесь непонятного?! — снова взорвался Панкрат. — Этот козел затевает опасную игру против меня. Он ищет поддержку у Валдая. Ха-ха-ха! — авторитет неожиданно разразился громовым смехом, который больше походил на злобное рычание.

Этот смех не предвещал ничего хорошего. Ной, стоявший рядом с Панкратом, невольно отшатнулся. Но Чебурек остался невозмутимым, продолжая раздражать авторитета своими вопросами.

— А что такого в том, что Костан летал в Москву? Чего ты нервничаешь? Сам посуди. Ну,

съездил он за государственные бабки в столицу. Ну, встретился с Валдаем. Ты думаешь, он сюда прилетит? Или, может, ты собираешься лететь к нему в Москву на разборки?

— Я?! — Панкрат подался вперед. Он вознамерился схватить Чебурека за грудки и одним движением вытряхнуть его душу, но сдержался.

— Вот именно... Здесь твоя законная вотчина. И пусть только попробуют сунуться. Кто бы там ни был — Валдай или другой шалопай, ему конец. Правильно?

Панкрат стоял напротив Чебурека и только тяжело сопел. Похоже, он с трудом соображал, о чем ему толкует адвокат.

— Да, ты прав, Аркаша, — наконец согласился он и стал успокаиваться. — Но я все равно разберусь с Костаном. Я ему покажу, кто в городе настоящий хозяин.

— Отлично, завтра же займемся этим делом. А теперь нужно отдыхать. Тем более что завтра тебе предстоит интервью на телевидении. Ты как, не против? — спросил адвокат.

Панкрат не протестовал. Чебурек сумел убедить его, что войну нужно начинать с утра, со свежими силами и тщательно разработанным планом.

— Именно этим нам и предстоит заняться завтра — это была последняя фраза, которую услышал Ной от авторитета.

Лишь когда дверь за Панкратом и Чебуреком закрылась, Ной вздохнул с облегчением. Среди всего разнообразия спиртных напитков он безошибочно выбрал бутылку «Стопки», быстро поднес ко рту и сделал несколько больших глотков. Затем он отправился в большую комнату, где

еще сидели его приятели. Завязался непринужденный разговор, и вскоре Ной совершенно забыл о своих страхах.

Столкнувшись с Рубцовым лицом к лицу, Скворцов поспешно ретировался. Он прекрасно понимал, что теперь не имело никакого смысла следовать за клиентом. Он провалил задание Лимонова. Понадеявшись на профессиональный опыт, Скворцов позволил себе слишком близко подойти к Рубцову. Он хотел попытаться счастья, подслушать, о чем будет говорить отставной майор-десантник по телефону. Ведь за то время, что Скворцов следовал за ним от дома до салона-студии «Адонис», Рубцов ни разу не оглянулся, чтобы подстраховаться. Он ни разу не попытался скрыться от слежки. В какой-то момент Скворцов даже с иронией подумал: «Вот тебе и бывший командир спецназа». Он был уверен, что выполнит задание Лимонова без проблем и осложнений.

И теперь такой провал!

Скворцов шел по улице Максимова и думал о том, что сказать генералу Лимонову. Ведь тот приказал ему звонить в любое время дня и ночи и докладывать о всех новостях, связанных с заданием.

Вскоре он оказался рядом с летним кафе. Только теперь он остановился и украдкой оглянулся назад. На пустынной улице среди редких прохожих Рубцова не было видно. Скворцов зашел в летнее кафе и занял место за свободным столиком под бело-голубым зонтом в дальнем конце площадки, у самого парапета. Он подозвал официанта, заказал двойной кофе и бутерброды, а затем

вынул мобильный телефон и набрал домашний номер Лимонова.

— Слушаю, — спустя мгновение ответил знакомый голос.

— Шеф, это я.

— Пришла пора посыпать голову пеплом?

Лимонов оказался догадливее, чем ожидал Скворцов. Но он не спешил оправдываться.

— Я провел с ним целый день, — начал Скворцов.

Однако генерал не дал ему договорить.

— Ты где сейчас находишься? — спросил он с тяжелым вздохом.

— В летнем кафе на улице Максимова.

Последовала непродолжительная пауза, после чего Лимонов сказал:

— Отправляйся к станции метро «Октябрьское поле». Будь у перехода со стороны улицы Маршала Бирюзова. Я подъеду через час.

Отключив телефон, Скворцов посмотрел на часы. Было пять минут одиннадцатого. Он считал, что может спокойно выпить кофе и съесть бутерброд.

— В котором часу вы закрываетесь? — спросил он у официанта, который принес заказ.

— В одиннадцать, — ответил тот.

Скворцов кивнул.

— Что-нибудь еще? — поинтересовался официант.

— Нет, спасибо.

Официант удалился, а Скворцов принялся за бутерброд. Он запивал его кофе и одновременно обдумывал сложившееся положение. Ему уже не казалось странным, что Лимонов сразу догадался о провале спецзадания. Скорее, странным

было то, что генерал решил приехать на встречу с ним в столь поздний час. Это могло свидетельствовать либо о том, что генерал опасается прослушивания своего домашнего телефона, либо у него возникла новая идея относительно Рубцова. Но и в том и в другом случае он вполне мог дожждаться следующего утра, вызвать к себе Скворцова и побеседовать с ним в своем рабочем кабинете.

Через полчаса Скворцов покинул кафе, поймал такси и отправился к станции метро «Октябрьское поле», а еще через сорок минут рядом с ним остановился служебный автомобиль «ауди А-6».

— Гена, останови у ближайшего сквера, — попросил Лимонов своего водителя. — Хочется немного пройтись по свежему воздуху. Ты не возражаешь? — обратился он к Скворцову.

В поведении Лимонова и в самом деле было нечто необычное. Он был немногословен, непривычно спокоен, в какой-то степени апатичен. За время работы с ним Скворцов привык к стремительному напору, который генерал проявлял в подобных случаях. В сложных ситуациях он умел по-особому мобилизовать свои внутренние ресурсы, находить выход из самого безнадежного и безвыходного положения.

Сейчас перед ним сидел совершенно другой Лимонов. Скворцов подумал, не заболел ли его шеф.

«Неужели у него неприятности?» — думал Скворцов, выбираясь из автомобиля вслед за генералом.

— Оставайся здесь, мы немного пройдемся и вернемся обратно, — отдал он распоряжение водителю.

Некоторое время они молча шли по аллее сквера на улице Народного Ополчения.

— Прекрасный вечер, — неожиданно произнес генерал. — Настоящая пора влюбленных. Помню, некогда и я засиживался с приятелями до рассвета в такие ночи. А сегодня как раз такая ночь: на землю обрушивается целая лавина звезд.

Заметив на себе удивленный взгляд Скворцова, Лимонов объяснил:

— В последнем выпуске «Новостей» объявили, что сегодняшней ночью произойдет крупнейший звездопад за последние пятнадцать лет. Он начнется после полуночи и продлится до самого рассвета. Скажи, Миша, тебе не хочется стать свидетелем крупнейшего астрономического явления?

— Не знаю, Виктор Владимирович, я никогда не думал об этом, — чистосердечно признался Скворцов.

Лимонов вдруг остановился и измерил помощника изучающим взглядом. Он ничего не сказал, только разочарованно покачал головой. Потом так же неожиданно предложил присесть на скамейку.

— По всей видимости, я просто устал от напряженной суеты последних недель, — поставил он сам себе диагноз. — Мои отдыхают на лазурном берегу, звонили сегодня вечером... А я забыл, когда в последний раз расслаблялся. Да и на родину не мешало бы проехаться. Ты бывал когда-нибудь в Карелии?

— Нет.

— Там у нас просто великолепные места! Особенно летом, когда все утопает в зелени.

— Обязательно побываю, — заверил шефа Скворцов.

В поспешном ответе подчиненного генерал уловил нотку неискренности. Он пристально посмотрел на помощника и подумал, что тот слишком молод, чтобы понять его.

— Ладно, выкладывай, как ты опростоволосился с Рубцовым, — Лимонов переменял тему разговора так же неожиданно, как перед этим раскрывал душу. Он снова стал деловым и целеустремленным генералом, каким его знал Скворцов.

— Как вы и предполагали, Рубцов встречался с Валдаем, — начал Скворцов. — Валдай сам приезжал к Рубцову домой. Они беседовали не более часа. По всей видимости, разговор был серьезный.

— Откуда такая уверенность?

— Валдай поднялся в квартиру Рубцова в сопровождении двоих телохранителей, но через четверть часа один из них спустился вниз и дожидаясь возле автомобиля, а второй маячил на лестничной клетке, — объяснил Скворцов.

— Что ж, может быть, — согласился Лимонов с подобным заключением своего помощника. — Продолжай.

— После того как Валдай уехал, Рубцов вышел из подъезда. Он очень спешил, потому что до места назначения так ни разу и не проверил, есть ли за ним слежка.

— Что ты хочешь этим сказать? Что он потерял сноровку или ты дал маху?

— Не знаю, шеф, — виновато развел руками Скворцов.

— Как бы там ни было, но теперь ты вряд ли сможешь подойти к нему ближе чем за добрую сотню метров.

Скворцов не возражал, Лимонов говорил истинную правду.

— Рубцов встречался еще с кем-нибудь после разговора с Валдаем?

— Примерно через два часа после того, как Валдай уехал от него, Рубцов вышел из дома и направился на троллейбусную остановку. Он посетил салон-студию «Адонис» на пересечении улиц Живописной и генерала Берзарина, — ответил Скворцов.

— Что это за студия?

— Обыкновенная частная фотостудия, принадлежит некоему молодому человеку по имени Бенедикт Смирнов.

— Ладно, потом проверим этого Бенедикта. Ты запомнил адрес салона?

— Да.

— И что было дальше?

— Дальше? — Скворцов помедлил с ответом. — Дальше он меня заметил, — ответил он. — Скорее всего, он догадался, что я за ним слежу.

— Я уверен, что он тебя раскусил, — заметил Лимонов. — Рубцов не тот человек, которого можно провести. Я же тебя с самого начала предупреждал! Да что теперь... После драки кулаками не машут. Нужно подумать, как действовать дальше.

После этих слов Лимонов поднялся со скамейки и задумчиво пошел по аллее в обратном направлении. Скворцов последовал за ним. Они возвращались к автомобилю.

— Помнишь, я тебе говорил об информации о Рубцове, которую тогда Игнатов выудил из неофициальных источников? — напомнил Лимонов.

— Да, конечно.

— Так вот, ночной клуб «Пеликан» принадлежит Валдаю. Не знаю, каким образом там оказался Рубцов. Обычно он не является завсегдатаем подобных заведений. Игнатов узнал, что в тот ве-

чер, когда во дворе ночного клуба внезапно умер от сердечного приступа телохранитель Шеина, там произошло нечто еще весьма любопытное.

— А именно?

— Драка. И представь себе, перед самым происшествием.

— Вы полагаете, что между двумя событиями существует связь?

— Уверен.

— И в чем она, по-вашему?

— А ты сам не догадываешься?

— Если мне не изменяет память, вы говорили о том, что некий офицер-десантник скрутил в бараний рог тренированных качков Эдуарда Шеина.

— Да. Так вот, драка произошла из-за девушки.

— ???

— Плечистые парни пытались затолкать в автомобиль девушку, которая приглянулась Шеину-младшему. Нечаянным свидетелем этой сцены стал Борис Рубцов. Естественно, он вступился за девушку. Результатом этой потасовки и стала гибель одного из телохранителей Шеина. Позволю себе предположить, что Валдай помог замять назревавший крупный скандал и тем самым сделал Рубцова своим должником. Теперь он потребовал вернуть долг. Рубцов не смог отказать авторитету.

— Но для чего Валдаю понадобился Рубцов? — удивился Скворцов.

Лимонов приостановился и долгим испытующим взглядом посмотрел на своего помощника. Он думал, стоит ли до конца раскрывать перед ним карты.

— Придет время и ты, возможно, узнаешь об этом, — сказал он. — А пока вот что...

Они вернулись на прежнее место и остановились у автомобиля.

— Завтра первым делом тебе следует встретиться с Игнатовым. Он снабдит тебя необходимыми сведениями об одной молодой особе — той самой девушке, которую выручил тогда Рубцов. Затем отправляйся вот по этому адресу. — Лимонов вынул из кармана аккуратно сложенный лист с отпечатанным текстом и передал Скворцову. — Надеюсь, к завтрашнему утру у Игнатова будет что-нибудь такое, что заставит девицу перейти на нашу сторону. Поговори с ней, постарайся как можно больше узнать о взаимоотношениях между Валдаем и Рубцовым. Конечно, ради интересов дела было бы неплохо, чтобы она сблизилась с Рубцовым. В таком случае мы имели бы почти бесплатный, но весьма ценный источник информации. Ты все запомнил, Миша?

— Да, Виктор Владимирович.

— Отлично. — Лимонов открыл заднюю дверь автомобиля. — Куда тебя подвезти?

— К ближайшей станции метро, пока еще не совсем поздно.

— Хорошо, садись. Гена, остановишь у ближайшей станции метро, — скомандовал он водителю.

Глава 7

Новый день начался для Бориса Рубцова как обычно. Вспомнив про обещание Валдая предоставить в его распоряжение какой-нибудь снос-

ный автомобиль, Рубцов прошел на кухню и сквозь занавеску посмотрел во двор. Первым делом его взгляд произвольно устремился на скамейку, где вчера он заметил странного незнакомца. Скамейка пустовала. Затем он перевел взгляд на площадку перед подъездом. Валдай сдержал слово — внизу стоял компактный автомобиль «БМВ-318» цвета спелой вишни с достаточно мощным двигателем. В том, что это был автомобиль, обещанный Валдаем, Рубцов не сомневался. В их подъезде не было ни одного жильца, который мог бы себе позволить такое шикарное средство передвижения.

«Остается узнать, где ключи от этого мустанга», — подумал Рубцов.

События прошедшего дня представлялись ему теперь в ином свете, особенно обнаруженная слежка. Теперь Рубцов воспринимал этот факт как само собой разумеющееся обстоятельство, непременно сопутствующее всякой сложной и запутанной игре, связанной с политикой. Он не находил объяснения только одному факту: кто организовал за ним слежку?

В том, что это был не Валдай, Рубцов был уверен. Вспоминая вчерашнюю сцену у таксофона, он пришел к заключению, что повышенный интерес к видеосъемке могли проявлять только политические конкуренты Костикова. Поэтому он решил воспользоваться информацией, полученной от Бени, и для начала посетить заведение с экстравагантным названием «Голубой фрегат». Надо отыскать Игоря Ростовцева — возможного автора компромата.

Рубцов извлек из кармана брюк смятый блокнотный листок, на котором Бенья записал ему адреса «Голубого фрегата» и Игоря Ростовцева.

Из Беляево-Богородского, где жил Рубцов, практичнее было наведаться сначала к Ростовцеву. Он жил в Кузьминках, а бар находился рядом с Сокольниками.

Поразмыслив, Рубцов снял трубку и набрал номер Ростовцева. Бенья не был уверен, живет ли Ростовцев по этому адресу. Длинные гудки как будто подтвердили неуверенность Бени. Рубцов предположил, что с поисками неуловимого Ростовцева будут проблемы. Оставалось одно — отправиться в Сокольники на поиски бармена по имени Марик.

Но сначала он позвонил по одному из телефонных номеров, оставленных Валдаем. Вскоре ему ответили. Рубцов узнал голос Янычара и вмиг представил себе его угрюмую физиономию.

— Я хотел бы поговорить с Валдаем, — сказал он.

— Комбат? — Телохранитель авторитета узнал его. — Босс сейчас занят. Что-нибудь срочное?

— Нет, я просто хотел поблагодарить за автомобиль и узнать, где ключи.

— Они в твоём почтовом ящике, — сообщил Янычар и тут же добавил: — Я передам, что ты звонил.

В тот же миг в трубке послышались короткие гудки.

Рубцов спустился вниз, открыл почтовый ящик и действительно обнаружил в нём ключи от автомобиля с пультом-брелоком сигнализации. Он вышел из подъезда на улицу и подошел к автомобилю. Отключив сигнализацию, Рубцов обошел и осмотрел машину, словно любуясь своим новым средством передвижения. Затем он открыл

дверцу и сел за руль. Пачку снимков, сделанных с видеокассеты, он сунул в бардачок и вставил ключ в замок зажигания. Он надавил на педаль акселератора, и двигатель загудел громче, демонстрируя неукротимую мощь. Рубцов проверил показания датчика горючего — бак был залит под завязку.

Стрелки часов показывали без десяти минут двенадцать, когда он припарковал автомобиль на Русаковской набережной и направился к кафе-бару «Голубой фрегат».

Бар представлял собой небольшое, но весьма приличное заведение, каких много в центре города. Справа от стойки находилась танцевальная площадка, а слева свободное пространство занимали столики для посетителей. Рубцов вошел внутрь и осмотрелся. Посетителей в заведении оказалось немного.

Рубцов посмотрел на стойку бара, за которой молодой парень двадцати трех — двадцати пяти лет тщательно протирал только что вымытые стопки и стаканы. Но его внешность явно не соответствовала тому описанию, которое Рубцов получил от Бени.

Бармен метнул взгляд на нового посетителя и спокойно продолжил свое занятие.

Рубцов подошел к стойке бара, удобно устроился на высоком сиденье и пристально уставился на бармена.

— Хотите что-нибудь заказать? — решил уделить ему минуту своего драгоценного времени бармен.

— Скорее, не что-нибудь, а кого-нибудь, — ответил Рубцов.

Его суровая внешность и решительный взгляд насторожили бармена. Он перестал протирать

стаканы и растерянно уставился на посетителя. Однозначное выражение округлившихся глаз говорило о том, что парень испугался.

— Как это? — выдавил он из себя.

— Я не в том смысле, приятель. Мне сказали, что у вас здесь работает парень по имени Марик. Надеюсь, он числится в штате?

Снисходительная улыбка, тронувшая уста Рубцова, и непринужденность в голосе нисколько не расположили бармена к откровенности. Тогда Рубцов использовал более надежный способ. Он извлек из бумажника двадцатидолларовую бумажку, сложил ее вдвое и стал вертеть в руках. Глаза бармена сверкнули желанием заполучить банкноту. Некоторое время он колебался, но все же утвердительно кивнул в ответ.

— Мне нужно с ним поговорить. Он на работе?

— Марика сейчас нет. Сегодня он в вечернюю смену. — Бармен переводил вождеденный взгляд с денег на Рубцова и нервно осматривался по сторонам.

— Но он мне нужен не вечером, а сейчас. Как его найти? — Рубцов продолжал свой эксперимент.

— Не знаю. Приходите вечером. Его смена начинается в пять часов.

— Нет, так долго ждать я не могу. А где он может быть сейчас?

— Дома, скорее всего. Наверное, отдыхает после вчерашней смены, — пробормотал бармен.

— А где он живет? У него есть дома телефон? — продолжал допытываться Рубцов.

— Да, конечно.

— Тогда позвоните ему и попросите срочно приехать сюда, — потребовал Рубцов. — Или пусть назовет адрес, я сам подъеду к нему.

Чтобы успокоить бармена, Рубцов пододвинул к нему купюру и добавил:

— Скажите, что меня прислал Бенья. Надеюсь, он его помнит.

Бармен недоверчиво посмотрел на Рубцова, потом глянул на деньги и снова поднял глаза. Он действовал, словно фокусник. Не сводя глаз с собеседника, он сделал ловкое движение рукой, и купюра незаметно исчезла у него между пальцами. Вслед за тем парень сунул руку в карман, кивнул и тут же удалился.

Бармен отсутствовал не более трех минут. Вскоре он вернулся на рабочее место.

— Марик сам приедет сюда, — сообщил он, неодобрительно глядя на то, что посетитель бесцеремонно забрал пепельницу. — Он будет здесь через час.

Рубцов машинально посмотрел на часы.

— Хорошо. У вас есть кофе?

— Только растворимый.

— Пусть будет растворимый. Сделайте мне чашку.

— Одну минуту.

Получив свой заказ, Рубцов покинул место за стойкой бара, прихватил с собой пепельницу и устроился за свободным столиком возле танцевальной площадки. Он сел так, чтобы видеть вход в заведение, удобно откинулся на спинку стула и стал ждать.

Парень появился через три четверти часа. Как только он возник в дверях, Рубцов тут же узнал его. Высокий, стройный, крепкого телосложения натуральный блондин в шортах, ярко-желтой тенниске и солнцезащитных очках быстро прошел через зал прямо к стойке. Рубцов проследил глазами за тем, как он перекинулся парой слов с на-

парником, потом повернулся, внимательно посмотрел на него, снова что-то сказал бармену и нерешительно подошел к столику.

— Это вы меня искали? — спросил он.

— Да, если ты Марик, — ответил Рубцов. — Впрочем, даже при всем своем желании я не смог бы ошибиться, потому что Беня слишком точно описал мне твою внешность. Присаживайся. — Он указал на свободный стул рядом.

— Спасибо, но у меня работа такая, что я больше привык стоять, — отказался парень. — Так о чем вы хотели поговорить?

— Ты куда-нибудь торопишься?

— Нет, но у меня все равно мало времени. Нужно еще вернуться домой и подготовиться к работе.

— Не волнуйся, я тебя подвезу. — Рубцов допил уже остывший кофе и встал из-за столика. — Мы могли бы отправиться прямо сейчас, а заодно по пути обсудили бы и наше дело.

— Наше? — удивился парень.

Он слишком подозрительно смотрел на Рубцова.

— Ну хорошо, мое дело, если тебе так проще, — успокоил его Рубцов. — Так как, едем?

Мгновение Марик колебался, но потом согласился. Они вышли из заведения и направились по Русаковской набережной к тому месту, где Рубцов припарковал автомобиль.

— Так какое у вас дело ко мне? — после довольно продолжительного молчания спросил парень.

— Я хочу, чтобы ты помог мне разобраться с одним интересным рисунком, — ответил Рубцов.

— Каким рисунком?

— У меня есть снимки, довольно специфичес-

кие, и мне требуется небольшая консультация, — объяснил Рубцов.

— Вы что, из органов? — насторожился Марик.

— С чего ты взял? Я сам по себе.

— Должен предупредить: я давно не работаю с Беней и не в курсе всех подобных дел, — после некоторого размышления сказал парень.

— Я знаю, Беня мне говорил об этом.

— И все же посоветовал вам обратиться именно ко мне?

— Да. Дело в том, что мой интересный рисунок — это цветная татуировка. А Беня сказал, что знает тебя как самого лучшего эксперта в этом вопросе.

— Это преувеличение, — робко возразил парень, весьма польщенный подобным отзывом о себе.

— Не думаю, — возразил Рубцов, решив сыграть на самомнении парня. — Такой мастер, как Беня, не стал бы раздавать пустые комплименты.

Марик промолчал. Тем временем они подошли к автомобилю. Рубцов снял его с сигнализации, открыл дверцу и сел за руль. Марик зашел с противоположной стороны и оказался на сиденье рядом с ним.

— Так вас интересуют татуировки? — напомнил он.

— Всего одна. А ты о чем подумал? — Рубцов запустил двигатель.

— Да так, неважно, — отмахнулся парень. — Где ваша татуировка?

— Снимки в бардачке, — следя за движением на дороге, ответил Рубцов.

Марик вынул фотографии и стал просматривать.

— Куда мы едем? — спросил Рубцов.

— Я живу на Полярной, — ответил Марик, продолжая рассматривать снимки. — Это в Медведково, по Калужско-Рижской линии метро.

— Ясно.

По Кибальчича и Ярославской Рубцов вырубил на проспект Мира и направился в сторону Енисейской.

— Вы об этой татуировке говорили? — спросил Марик, выбирая из пачки снимков один.

— Да, — глянув на снимок, ответил Рубцов. — Что ты о ней скажешь? — спросил он.

— О господи! — буквально ахнул Марик, уставившись на один из снимков.

— Что такое? — Рубцов отвлекся от дороги, мельком глянул на парня, затем на снимок и снова уставился вперед.

— Этот парень... Да я его знаю! — Марик указал на снимок.

— Ты уверен в этом?

— Более чем! Это Влад Кузьмин.

— Откуда ты его знаешь?

Марик замялся.

— Он... Он... Одно время мы были в приятельских отношениях. Влад был завсегдатаем в нашем заведении.

— А теперь? Где он теперь? Он часто бывает в вашем клубе?

— Очень редко, только тогда, когда появляется состоятельный клиент. Влад... Как вам сказать?... По своей натуре он содержанец. Последний раз я видел его в «Голубом фрегате» недели две или три назад именно с таким клиентом.

— И кто был этот клиент? Ты его знаешь?

Взгляд парня оказался красноречивее всяких слов. Рубцов понял, что Марик вряд ли назовет

ему имя и адрес человека, которого прятал под многозначительным понятием «клиент».

— По правде говоря, этот Влад интересуется меня постольку поскольку, — решил сказать Рубцов.

— Я вас не понимаю. Зачем же тогда вы спрашивали?..

— Дело в том, что я разыскиваю девушку. Ее сняли на видео в довольно непристойном фильме. И в этом фильме вместе с ней снимался этот парень, — объяснил Рубцов.

— Влад?! — продолжал удивляться Марик. — Не может быть! Влад никогда не имел никаких дел с девицами легкого поведения. Поверьте мне на слово, — заверил он.

Рубцов критически посмотрел на своего собеседника.

— А за деньги? За большие деньги? Что ты на это скажешь? Ты ведь сам только что говорил, что по своей натуре он содержанец?

— Ну, если за очень большие деньги... Не знаю... Тогда может быть, — Марик переменял свое прежнее мнение быстро, но не совсем уверенно. — И все же у меня это никак не укладывается в голове.

— Ладно, оставим этот вопрос без ответа. Для поисков девушки он не имеет никакого практического значения, по крайней мере для меня, — сказал Рубцов. — Лучше скажи, куда или к кому мне следует обратиться, чтобы как можно скорее отыскать этого парня? — поинтересовался он.

— К сожалению, здесь я ничем не смогу вам помочь, — развел руками Марик. — В настоящее время Влад может быть где угодно — в Москве, Юрмале, на Кипре, в Испании. Да мало ли где! Впрочем, если бы он был в Москве, то за послед-

ние две недели хотя бы раз объявился в «Голубом фрегате».

Рубцов верил парню. Он понимал, что Марик о многом старается умолчать, многое недоговаривает. Но о главном — то, что необходимо было знать Рубцову для поисков пропавшей дочери Костикова, — он сказал. Вряд ли стоило спрашивать Марика об Игоре Ростовцеве, но он все-таки решил попытать счастья.

— А фамилия Ростовцев тебе ни о чем не говорит?

— Нет, — почти не задумываясь, ответил парень.

За разговором они оставили позади проспект Мира, Енисейскую и у станции метро «Бабушкинская» свернули на Ленскую.

— Мы почти приехали, — оглядевшись по сторонам, сказал Марик. — Если можно, остановите перед мостом через Яузу.

— Нет проблем, — ответил Рубцов.

Он остановил автомобиль в указанном месте. Парень живо выбрался из салона. Но прежде чем он захлопнул дверцу, Рубцов поблагодарил его за помощь и попросил:

— Послушай, Марик, ты не мог бы позвонить мне, если Влад вдруг объявится в клубе?

Марик неохотно согласился. Рубцов оставил ему номер своего домашнего телефона и отправился в Кузьминки на поиски Игоря Ростовцева.

На Волжском бульваре, где, по словам Бени, жил Ростовцев, Рубцов был в половине четвертого. Отыскав нужный номер дома, он заехал во двор, припарковался, вышел из машины и направился к подъезду.

Квартира под номером 17 оказалась на пятом этаже. Рубцов остановился перед входной две-

рью в коридорчик для двух квартир и, прежде чем позвонить, прислушался. Однако как ни напрягал он слух, так и не расслышал никаких звуков, которые бы свидетельствовали о присутствии за дверью людей. Нажав кнопку звонка, он выждал некоторое время и повторил то же действие. Ответом была мертвая тишина за дверью. Тогда он позвонил в соседнюю квартиру. Результат был тем же.

Разочарованный неудачей, он вернулся к лифту и нажал кнопку вызова. Но в этот самый момент послышался щелчок замка, и дверь, перед которой он только что стоял, приоткрылась. В проеме двери он увидел лицо пожилой женщины с растрепанными седыми волосами и следами очередного похмелья на лице. Поймав на себе любопытный взгляд ее поблекших глаз, Рубцов сделал шаг навстречу. В наступившей тишине пожилая женщина спросила, дохнув перегаром:

— Не могли бы вы мне помочь, молодой человек?

— В чем именно?

— У вас не найдется Рублей пятьдесят для старой одинокой женщины?

— Ладно, — согласился Рубцов, — я дам вам пятьдесят рублей. Но не за то, что вы старая одинокая женщина.

— А за что? — скрипучим голосом спросила женщина.

— Я хотел видеть вашего соседа Игоря Ростовцева, — сказал Рубцов. — Вы не подскажете, где он может быть?

Пожилая женщина насторожилась. Она измерила Рубцова оценивающим взглядом посоловельных глаз и насупилась. Судя по всему, соображала она соответственно своему состоянию.

— А зачем он вам? — наконец спросила она.

— По делу, — ответил Рубцов.

— По какому делу?

— Видите ли, он задолжал мне кругленькую сумму.

Понимая, что ничего не добьется от женщины, пока не удовлетворит ее любопытства, Рубцов пошел на хитрость. Одновременно он вынул из заднего кармана бумажник и начал медленно перебирать денежные купюры. В посоловелых глазах пожилой женщины вспыхнул огонек надежды.

— И много он вам должен? — не отрывая немигающего взгляда от бумажника, спросила старуха.

— Достаточно. Если я не найду вашего соседа в ближайшие несколько дней, у меня у самого возникнут неприятности.

С этими словами Рубцов извлек из бумажника сотенную купюру. Увидев деньги, женщина разволновалась.

— Выходит, он вас капитально подвел, — прошамкала она с деланным сочувствием.

— Так и есть.

— Наверное, именно поэтому он и не появлялся дома уже месяц.

— А вы не в курсе, где он может быть?

Рубцов просунул деньги в щель между дверью и косяком. Пожилая женщина проявила неожиданную резвость. Она с молниеносной быстротой выхватила купюру, чуть ли не вместе с пальцами Рубцова. И когда деньги оказались в ее собственности, она затараторила все, что знала о Ростовцеве.

— Да я прекрасно знаю, где он обычно отсиживается, когда накличет неприятностей на

свою задницу, — заявила пожилая женщина. — Я ведь знаю всю их семью. Я была знакома с его родителями. Мы когда-то дружили семьями, довольно часто вместе отмечали праздники. Хорошие были времена. Разве сейчас так живут, как мы?

— Все это, конечно, очень интересно, и я с удовольствием послушаю ваш рассказ, — прервал ее Рубцов. — Но только в другой раз. Вы сказали, что знаете, где может быть Игорь, — напомнил он ей.

— Ах да. — Из груди пожилой женщины вырвался вздох разочарования. Она понимала, что другого раза не будет. — Ростовцевы имели великолепный кирпичный дом в Лыткарино. Да что там дом — настоящая вилла. И всего в нескольких шагах от Москвы-реки. Представляете? — расписывала женщина. — Это все его отец. Он работал конструктором, имел золотые руки. А вот сыну не передал свои таланты. Потому Игорь и вырос обалдуем. Привык жить на широкую ногу, совершенно не интересуясь, что такое трудовые мозоли. А что вы хотели? Любимчиком ведь был, ни в чем не знал отказа. Захотел стать этим... как его... Фу ты, черт... Которые фильмы снимают... — Она разводила руками, призывая Рубцова помочь ей найти правильное название профессии. — Они ему даже камеру купили, чтобы учился, — так и не дождавшись подсказки от собеседника, продолжала женщина. — А в те времена это была очень дорогая игрушка. Правда, он все-таки поступил в институт, отучился, даже фильмы снимал... Но потом вдруг сорвался, умотал в Америку, а через пару лет вернулся ни с чем. Отец его к тому времени уже умер, а мать похоронили в позапрошлом году...

— Так он живет в Лыткарино? — уточнил Рубцов.

— Живет... — В голосе пожилой женщины прозвучала ирония. — Да разве это жизнь? Все время прячется то от обиженных клиентов, то вот... от вас.

— Обиженных клиентов? Так он работает?

— Разве это работа — снимать чужие свадьбы и банкеты?

— Ну это вы напрасно, — заметил Рубцов. — Съёмка свадеб и банкетов приносит неплохой доход.

— Скажу по секрету, что он занимался этой работой лишь изредка. Все остальное время Игорь сидел дома. Я даже не видела, чтобы он выходил в магазин или просто подышать свежим воздухом. Только слышала как-то от соседок, что он устроил здесь какой-то притон, — заговорщицким тоном пояснила женщина.

— Какой притон?

— Явочную квартиру. К нему приходили какие-то странные люди. Но подолгу не задерживались. Приходили и уходили. А потом он и сам уходил, неделями не возвращался, неожиданно появлялся и снова пропадал. Все это так странно...

— Вы не помните, за это время его никто не искал?

— Никто. Правда, телефон звонит часто, каждый день по несколько звонков. Мне через стенку слышно. Бывает, что даже ночью или ранним утром кто-то звонит. Наверняка такие же горемыки, как вы.

— Огромное вам спасибо, — поспешил поблагодарить женщину Рубцов. — Вы мне очень помогли.

Он сделал вид, что сильно торопится. Когда пришел лифт, Рубцов вошел уже в кабину и услышал на прощание:

— Надеюсь, вам удастся вернуть свои деньги. Вы хороший человек, а вот Игорек стал дерьмом. Морду воротит, здороваться перестал, ни разу не помог мне...

Пожилая женщина еще что-то говорила, но Рубцов уже не слышал. Дверь кабины закрылась, и лифт стремительно понес его вниз.

Глава 8

В девять утра Михаил Скворцов был у Игнатова. Помощник генерала Лимонова ответил кивком на приветствие коллеги и тут же язвительно заметил:

— Опаздываешь. Шеф уже дважды о тебе справлялся.

Скворцов не стал оправдываться. Он испытывал определенную вину перед генералом за провал оперативной слежки. Он сделал вид, что замечание его совершенно не касается.

— Виктор Владимирович говорил, что я должен получить от тебя важную информацию для выполнения специального задания.

Скворцов проигнорировал хитрые выпады Игнатова и сразу перешел к делу. Он удобно устроился в одном из кресел, стоявших вокруг рабочего стола в кабинете Игнатова. С несколько высокомерным видом он принял выжидательную позу. Игнатов не сумел скрыть своей неприязни.

— Генерал приказал передать это тебе, — сказал он ледяным тоном, положив конверт перед Скворцовым.

Тот взглянул на конверт, перевел взгляд на Игнатова.

— Это все?

— Здесь ты найдешь необходимое, — ответил Игнатов. — За дополнительными разъяснениями обращай непосредственно к генералу. Он приказал снабдить тебя только этой информацией.

Скворцов не торопился покидать кабинет Игнатова. Он подался вперед, взял со стола конверт и извлек из него содержимое. В конверте оказалось несколько фотографий и отпечатанных страниц текста.

Идя по коридору, он на ходу просмотрел текст и решил, что должен повидаться с Лимоновым.

Генерал был в своем кабинете. Когда вошел Скворцов, он как раз разговаривал по телефону. Увидев помощника, Лимонов жестом пригласил его подождать.

— Просмотрел бумаги? — кивком он указал на конверт.

— По крайней мере, теперь я знаю, что у нас на руках имеется пару козырей против этой кривотки, — ответил Скворцов.

Он спрятал листы обратно в конверт и приготовился выслушать наставления генерала Лимонова.

— Что ж, хорошо. Тогда действуй. — Лимонов вышел из-за своего стола и приблизился к Скворцову. — И не забудь о главном: девица нужна нам как источник информации о Рубцове и его действиях. Как ты думаешь, этого хватит, чтобы поставить ее перед выбором? — Лимонов указал на конверт.

— Трудно сказать, шеф. Все зависит...

— Все зависит только от тебя, Миша, — нетерпеливо перебил помощника генерал. — Я не принимаю никаких оправданий. Вчера ты уже провалил одно дело, так что на этот раз, пожалуйста, без осечек. Постарайся поставить ее перед фактами. Убеди, что по каждому из них у тебя имеются веские доказательства. В общем, что тебя учить. Ты и сам достаточно опытен в подобных делах. Иди, — напутствовал он Скворцова легкими хлопками по плечу.

Покинув кабинет генерала Лимонова, Скворцов отправился на улицу Плеханова. Именно там проживала Вероника Подгорская — та самая девушка, за которую в злополучный вечер полгода назад вступился Рубцов. Скворцов был уверен, что благодаря информации, собранной Игнатовым, он знает многое. Однако он ошибался.

Девушке было двадцать три года. Судя по фотографиям, которые неизвестно как раздобыл Игнатов, у нее была привлекательная внешность. До пятнадцати лет она проживала с родителями в Балашихе. Семья жила скромно, а по современным меркам даже бедно, потому что ее отец был на пенсии по инвалидности. В семье росло двое детей. Когда Вероника училась в седьмом классе, старший брат попал на скамью подсудимых и оказался в тюрьме. После этого мать стала пить. Сначала она делала это тайком. Но за три года она так увлеклась, что не могла остановиться, и ее уволили с работы. Она совершенно забросила воспитание дочери и ничем не интересовалась.

Между тем девушка выросла, требуя к себе повышенного внимания. Она не могла без зависти

видеть на подругах новую модную одежду или косметику. Однажды эта зависть толкнула ее на воровство, и она стащила на рынке модную мини-юбку. Проступок остался незамеченным, и Вероника попробовала проделать то же самое в обувном магазине. Здесь ей также улыбнулась удача. Так она стала промышлять воровством на вещевом рынке и в магазинах. Для всех своих подруг, которые интересовались обновлениями Вероники, она придумала красивую легенду о несуществующем дяде, работавшем крупным начальником на Севере.

В пятнадцать лет Вероника лишилась отца, и бабушка, мать отца, взяла ее жить к себе — в тесную однокомнатную московскую квартиру по улице Плеханова. Тогда же она впервые в жизни узнала, что такое близость с женщиной. И еще она поняла, что на этом можно иметь неплохие деньги. Особенно если удастся завлечь состоятельного женатого мужчину, а потом припугнуть его тем, что жене будет интересно узнать, как проводит свободное время супруг, или, на худой конец, стать о сексуальной связи с малолетней.

Среднюю школу она заканчивала уже в Москве. Живя у бабушки, она продолжала подворовывать на рынках и в магазинах. Правда, раз или два ее поймали. Вероника отделалась легким испугом, но воровать не перестала. Зато стала более осторожной и осмотрительной. Девушка настолько втянулась в подобное занятие, что порой воровала не по необходимости, а просто ради праздного любопытства.

Вероника не оставила и другого своего ремесла — проституции. В огромном городе для этого было больше возможностей, чем в Балашихе. Поэтому часто по выходным Вероника пропадала

из дому. Она уезжала за город и возвращалась поздним вечером в воскресенье. У нее стали водиться деньги. Бабушке она говорила, что вместе с классом ездит на сельхозработы в подшефное хозяйство.

После окончания школы Вероника пробовала поступить в техникум. Провалив экзамены, она год шаталась без дела и была содержанкой бабушки. Однажды на дискотеке она встретила симпатичного человека. Его звали Слава, и он был старше ее на пятнадцать лет. Однако Вероника не считала значительную разницу в возрасте помехой для свиданий с женщиной. По ее меркам он был состоятельным человеком, потому что имел квартиру, машину и занимался бизнесом. Поэтому всегда был при деньгах. Вероника чувствовала себя счастливой. Слава красиво ухаживал за ней — приглашал в разные развлекательные заведения, дарил цветы, дорогие подарки и давал деньги. Он стал первым мужчиной в ее жизни, к которому она испытала нечто большее, чем простая симпатия.

Вероника влюбилась. Но потом красивое ухаживание иссякло. Слава все реже и реже приглашал ее на свидания. Он продолжал давать ей деньги и иногда дарил всякие безделушки. Однако вскоре он забыл о ее существовании. Вероника пыталась дозвониться к нему, караулила у подъезда, часами просиживала на лестничной площадке под дверью квартиры. Но Слава не отвечал на ее телефонные звонки, не открывал дверь и избегал встреч на улице. В один прекрасный день она все же подкараулила его и закатила громкий скандал прямо на лестничной клетке. Тогда Слава затащил ее в квартиру, сильно избил и выставил за дверь.

— Забудь сюда дорогу, сука, если хочешь остаться невредимой! — грозно напутствовал он девушку.

Пережив шок, некоторое время Вероника пребывала в подавленном состоянии. Но потом одна из подруг, узнав ее печальную историю, лишь посмеялась над ней.

— На этот раз ты проиграла, потому что не знала главного, — поучала подруга. — А главное в том, что победа всегда достается тому, кто использует другого. Твой приятель тебя использовал и оказался победителем. Но ведь никто не запрещал тебе поступить точно так же в отношении его самого. Ты могла завладеть инициативой и управлять им по собственному желанию. Для этого у тебя есть все данные — ты не глупа, привлекательна, обладаешь великолепными формами. В общем, не мне тебя учить. Мужики — проходимцы. Они падки на хорошеньких девушек, так пользуйся своим преимуществом.

И Вероника как будто протрезвела. Она снова стала посещать солидные ночные заведения, где знакомилась с состоятельными мужчинами, проводила с ними вечер и ночь, брала за это деньги, а потом исчезала. С некоторыми она вступала в тесное знакомство, но ни с кем не встречалась больше трех раз. Она не хотела ни к кому привязываться.

Так продолжалось два года. Когда Веронике исполнилось двадцать лет, умерла бабушка. С тех пор она жила одна в бабушкиной квартире. В один из вечеров она совершенно случайно попала в ночной клуб «Пеликан», где приглянулась Янычару.

К тому времени она хорошо усвоила урок, преподанный ей Славой. Вероника дала себе слово ни

в кого не влюбляться. Она стала разборчивой в своих связях и знакомствах. Поначалу внушительная внешность и угрюмый вид парня, которого звали Алеша, ее очень пугали. Но постепенно она свыклась с этим. Как и с тем, что Алеша состоял телохранителем при криминальном авторитете и охотнее отзывался на прозвище Янычар, чем на свое собственное имя.

Но вскоре она ощутила на себе все «прелести» Алешино характера. Узнав, чем занимается Вероника, Янычар пригрозил жестокой расправой, запрещая шататься по ночным клубам и развлекательным заведениям. Сначала Вероника не приняла это всерьез, но вскоре поняла, что с Янычаром этот номер не пройдет. Все могло плохо закончиться, но она нашла защиту у Валдая. Авторитет вступился за девушку. Он предложил ей место танцовщицы в ночном клубе «Пеликан».

Они продолжали встречаться. Янычар боготворил Веронику. Хладнокровный и безжалостный подручный Валдая с вечно угрюмой физиономией рядом с Вероникой становился тихим и инфантильным существом.

Так длилось почти год. В один прекрасный день они разругались, наговорив друг другу кучу гадостей. В порыве злобы Янычар так ударил Веронику, что она месяц провалялась в больнице с сотрясением мозга.

У Янычара могли возникнуть неприятности, но в дело вмешался Валдай. Он навестил Веронику в больнице и уговорил не подавать заявления в милицию. Он обещал ей приличную материальную компенсацию.

Вероника согласилась. Ее устроила компенсация в пять тысяч долларов. После больницы она

вернулась в ночной клуб «Пеликан» и продолжала работать танцовщицей. Валдай взял с Янычара слово, что отныне оставит Веронику в покое, забудет о ней. Они оба делали вид, что совершенно равнодушны друг к другу. И все же время от времени Янычар тайком следил за ней. И тогда нестерпимое чувство жгучей ревности сжимало его сердце.

В тот вечер, когда амбалы Эдика-Спидвея попытались силой затолкать девушку в автомобиль, Янычара поблизости не было. Узнав о происшествии, он готов был разорвать на части обидчиков. С тех пор он испытывал зависть к Комбату. Он ненавидел его и лелеял тайную надежду, что однажды получит шанс доказать Веронике, что он лучше, сильнее и смелее Комбата.

А Вероника по-прежнему жила в тесной однокомнатной квартире, которая досталась ей после смерти бабушки. Она водила автомобиль «фольксваген-бора» и по финансовым возможностям могла позволить себе сменить старое жилье на более комфортабельное в хорошем районе. Тот образ жизни, который она вела, ее вполне устраивал. Иногда в ней вдруг пробуждалась старая страсть, переросшая в своеобразную болезнь — kleптоманию. Вероника специально отправлялась на какой-нибудь вещевой рынок или в магазин, чтобы украсть ту или иную вещь.

Откуда все это было известно Игнатову, Скворцов мог только догадываться. Краем уха он слышал, что тот вел активную работу с платными агентами и добровольными осведомителями. При своем отвратительном характере, Игнатов исправно выполнял поручения и практически ни разу не подвел ни одного сотрудника генерала Лимонова. Благодаря этим сведениям Скворцов

надеялся склонить девушку к сотрудничеству.

Проделав долгий путь в общественном транспорте, Скворцов был по нужному адресу в двенадцатом часу дня. Он вошел в подъезд и стал подниматься по лестнице.

Квартира оказалась на третьем этаже. Скворцов задержался на лестничной площадке, а затем позвонил в дверь. Спустя минуту он снова позвонил. За дверью было полное молчание. Но Скворцов был не из тех, кто сразу сдается.

Наконец после очередного настойчивого звонка он расслышал легкие шаги за дверью. У Скворцова не было никаких сомнений, что эти шаги принадлежали женщине.

— Кто там? — после короткой паузы услышал он охрипший женский голос.

— Мне нужна Вероника Подгорская, — ответил Скворцов.

— А кто вы ей такой и зачем она вам нужна? — поинтересовался тот же голос.

— Откройте, пожалуйста, я все объясню.

Снова наступила пауза, но вскоре послышался щелчок замка. Дверь открылась, и в проеме Скворцов увидел девушку, которую с помощью фотографий Игнатова узнал бы среди сотни других. И все же реальность превзошла все ожидания. На вид ей трудно было дать больше двадцати трех — двадцати четырех лет. Скворцов нашел девушку более привлекательной, чем она была на фотографиях. Блондинка с великолепными шелковистыми волосами, спадавшими на плечи, и выразительными зелеными глазами обладала совершенными формами тела и некой таинственной притягательностью. На ней был пестрый шелковый халатик и сланцы. И форма одежды, и влажные волосы свидетельствовали о том,

что девушка только что выскочила из ванной.

— Здравствуйте, Вероника, — сказал он дружеским тоном с благосклонной улыбкой. — Позвольте войти, мне нужно с вами поговорить.

Шелковый халатик девушки слегка распахнулся, и Скворцов невольно скользнул взглядом туда, где заканчивался разрез отворотов и начиналась ямочка, разделявшая два бугорка великолепных упругих грудей. Когда он понял, что под халатиком на Веронике ничего нет, у него буквально дыхание перехватило.

— Кто вы? Я вас не знаю! — поймав на себе похотливый взгляд незнакомца, ответила девушка и плотнее запахнула полы халатика.

Это привело Скворцова в чувство. Он словно очнулся после временной потери сознания.

— Мое имя вряд ли вам что-нибудь скажет, но если хотите... Пожалуйста. Меня зовут Михаил Скворцов, — представился он.

Девушка по-прежнему держалась настороженно.

— Я сотрудник Генпрокуратуры, — для пущей убедительности признался Скворцов.

— У вас и документы соответствующие имеются? — спросила девушка.

— Иначе я не стал бы называть вам свое место работы, — с ироничной усмешкой сказал Скворцов, вынимая из кармана и протягивая ей в развернутом виде свое служебное удостоверение.

— Вам пора бы фото сменить, — заметила Вероника, лишь мельком взглянув на удостоверение.

— Это почему? — Скворцов с удивлением уставился на свой служебный документ.

— Вы не похожи на себя.

— Это моя природная нефотогеничность, — нашелся Скворцов, догадавшись, что девушка шутит.

— Ладно, проходите, — посторонилась Вероника, неохотно пропуская его в квартиру. — Присаживайтесь, я сейчас, — сказала она, указывая, куда следует пройти, а сама направилась обратно в ванную.

Скворцов не спешил проходить в комнату. Он задержался в прихожей, осмотрелся. Однокомнатная квартира, в которой проживала девушка, была отделана и обставлена со вкусом. Прихожая, а также стены проходов на кухню и в единственную комнату имели деревянную отделку. Деревянными были и резные двери в комнату и на кухню с темно-коричневым армированным стеклом.

Спустя две или три минуты она снова предстала перед Скворцовым. Теперь Вероника была еще более привлекательной, чем прежде. На этот раз на ней были голубые джинсы и белая маечка с коротким рукавом. Обтягивающие джинсы подчеркивали ее изящную талию и красивые длинные ноги. Скворцову оставалось лишь украдкой любоваться девушкой, стараясь не выдать своего волнения.

— Итак, что у вас за дело ко мне, Михаил Скворцов? — спросила она, присаживаясь на край дивана и устремляя на него пронзительный взгляд. — Наверняка что-то связанное с моим братцем. Не так ли?

— Нет, не угадали. То, с чем я пришел, касается вас и только вас.

Глаза девушки удивленно округлились.

— Я хочу предложить вам сотрудничество, — объяснил причину своего нежданного визита Скворцов.

— Мне? Сотрудничество?

— Да. Нам известно, что вы работаете в ночном клубе «Пеликан»...

— О, не продолжайте! — тут же отрицательно замахала руками Вероника. — За кого вы меня принимаете?

Она вскочила с дивана и с решительным видом указала Скворцову на дверь.

— Убирайтесь отсюда вон! — потребовала она. — Поищите другую дуру для вашего «сотрудничества»!

Однако Скворцов совершенно спокойно воспринял этот поступок. Он остался сидеть в кресле прямо напротив нее.

— Прекрати орать и сядь на место, цыпочка, — резко перейдя на «ты», другим тоном потребовал Скворцов.

Это мгновенно остудило Веронику и испугало еще больше, чем если бы это был злобный окрик. Вероника привыкла иметь дело с грубыми похотливыми мужчинами, которые распускали руки. За годы общения с такими типами у нее выработалась привычка не замечать их взгляды, игнорировать намеки. Она и не подозревала, что спокойный, уравновешенный голос может вселить такой трепет. Она почувствовала, как по всему телу внезапно прокатилась волна страха. Человек, сидевший перед ней, нисколько не шутил.

— Ты слышала, что я сказал? — тем же тоном повторил Скворцов, не сводя с нее своего строгого взгляда.

Вероника невольно подчинилась и снова опустилась на край дивана. Ей вдруг показалось, что она находится не в своей квартире, а на допросе в прокуратуре. Она невольно обхватила себя ру-

ками, съежилась и задрожала, избегая смотреть собеседнику в глаза.

— Вот и хорошо, — одобрил ее поступок Скворцов. — А теперь слушай меня внимательно. Ты работаешь в ночном клубе «Пеликан». Нам известно, кто является хозяином этого заведения и что за клиентура его посещает.

При этих словах она предположила, что этот человек пришел к ней требовать сведения о Валдае. Однако следующее высказывание Скворцова опровергло ее поспешную догадку. Речь шла совсем не о Валдае, а о ней самой.

— Примерно полгода назад поздним вечером в вашем заведении произошло происшествие, — продолжал Скворцов. — Ты была его непосредственной участницей и свидетелем... Вспомнила?

Внезапная догадка пронзила Веронику, но девушка не подала виду. Она по-прежнему неподвижно сидела на диване, безучастно глядя перед собой.

— Думаю, вспомнила. Ты еще не в том возрасте, чтобы забыть о недавних событиях, — заметил Скворцов.

При упоминании о тех событиях в ночном клубе «Пеликан» она сразу вспомнила вечер во всех подробностях. И от этого ей стало не по себе. Однако она постаралась ничем не выдать своего состояния.

Но чего хотел от нее этот незванный пришелец? О каком сотрудничестве говорил? Почему вспомнил тот злосчастный вечер, когда амбалы Эдика-Спидвея пытались похитить ее прямо из клуба?

— Ты успокойся и не переживай, — сказал Скворцов, видя нервное волнение девушки. —

При твоих способностях и внешних данных все пройдет гладко, без сучка и задоринки.

— Вы уверены? — спросила Вероника и тут же запнулась. У нее чуть не слетела с губ следующая фраза: «Вы очень плохо знаете Валдая».

— Более чем, — не обратил никакого внимания на ее легкое замешательство Скворцов. — Помнишь мужчину, который спас тебя от тех амбалов?

«Так вот кто им понадобился!» — открыла для себя Вероника, продолжая настороженно молчать.

— По глазам вижу, что помнишь, — продолжал Скворцов. — Так вот, обстоятельства сложились так, что в настоящее время у него появилось общее дело с Валдаем — хозяином заведения, в котором ты работаешь. Мне нужно знать каждый их шаг, каждое действие, предпринятое для осуществления этого дела. Вот и вся твоя задача.

Наступила продолжительная пауза. Кажется, квартира внезапно опустела и в ней царят только звуки городской улицы.

— А почему вы так уверены, что я стану помогать вам? — наконец спросила Вероника.

— Уверен, — невозмутимо ответил Скворцов. — Просто, детка, у меня на руках имеются такие сведения о тебе, что, попади они на стол следователю, и никакой пожарник, в том числе и Валдай, не спасет тебя от тюряги. Тебе светит статья, которая предусматривает солидный срок — от семи до девяти лет. И даже если ты будешь паинькой, до ближайшей амнистии придется отмотать по меньшей мере пяток лет. К тому времени тебе стукнет тридцать, и все твое обаяние поблекнет. Так что решай.

— Перспектива ужасная. Только вот интересно, за что мне полагается такой срок? Не за убийство ли?

Откровенная угроза возмутила девушку. Она заставила ее встрепенуться. Вероника совершенно не догадывалась о том, какие козыри приготовил ее собеседник, чтобы окончательно сломать ее волю.

— Боже упаси! — ухмыльнулся Скворцов. — У меня есть другой способ заставить тебя подчиниться. На вот, посмотри, сколько проступков за тобой числятся.

Он вынул конверт с бумагами, полученными от Игнатова, и протянул Веронике. Она неуверенно взяла протянутый конверт, раскрыла и извлекла несколько страниц с текстом. Фотографии, которые были в том же конверте, Скворцов предусмотрительно перепрятал в карман.

Вероника неохотно принялась за чтение. Поначалу она не находила ничего криминального в тексте: на бумаге излагались всего лишь биографические сведения о ней. Но затем пошли факты совершенно иного характера. Это был перечень эпизодов, связанных с воровством вещей на рынках и в магазинах.

Девушка отказывалась верить своим глазам. Список был весьма подробный, особенно в той части, которая касалась последних двух-трех лет.

Это было как гром среди ясного неба. Буквы заплясали и поплыли у нее перед глазами, вернулись прежний страх и нервная дрожь.

— И учти, что по каждому из перечисленных фактов имеется полный набор доказательств и свидетельских показаний, — предупредил он. — Десятой части их хватит на двоих.

Ловким движением он извлек из кармана снимки, позволил девушке лишь мельком взглянуть на них и тут же спрятал обратно. Фотографии были настоящими, в остальном же Скворцов блефовал. Он прекрасно понимал, что в подобном состоянии девушка заглоти любую наживку. Он знал, что должен склонить ее к сотрудничеству именно сейчас, пока она не опомнилась.

— Я убежден, что если мы сейчас пригласим в квартиру понятых, то найдем среди твоего барахла достаточное количество интересных вещей и предметов, — добавил он, следя за тем, как девушка дрожащей рукой засовывает отпечатанные страницы в конверт. — У меня и соответствующий документ для такого случая заготовлен. Постановление называется. Так что выбор за тобой.

— Не надо никаких понятых, — потерянным голосом ответила Вероника. — Я буду на вас работать.

Скворцов торжествовал.

— Ты все правильно поняла, — сказал он. — А теперь послушай меня внимательно. Твоя задача состоит в сборе необходимой информации и передаче ее мне. Только и всего.

— Я что, должна встретиться с ним и спросить напрямик, чем он занимается? — негодование и возмущение буквально распирала Веронику. В эту минуту она ненавидела своего собеседника.

— Не коси под идиотку, девочка, — с нескрываемым раздражением ответил Скворцов. — Не мне тебя учить, как кадрить клиентов. Он ведь мужчина. Понимаешь?

— Вот именно, он — мужчина! — подчеркнула Вероника.

— Захотите найти способ подобраться к Рубцову — найдете, — снова перешел на «вы» разозлившийся Скворцов. — Каждый день примерно в это же время я буду навещать вас здесь. Вы будете передавать мне информацию. Вам все понятно?

Девушка кивнула.

— Вот и отлично. Если сделаете все, как положено, этот конверт я отдам вам, и он никуда не попадет.

— Так я вам и поверила, — тихо произнесла Вероника.

— Не беспокойтесь. Хотя я, по вашему мнению, и не отношусь к категории настоящих мужчин, слово свое держать умею. Так что будьте уверены, я отдам вам конверт с документами, — как можно убедительнее заверил ее Скворцов, после чего поднялся и решительно направился к выходу.

Глава 9

На стоянке у ночного клуба «Пеликан» не было ни одного свободного места. Рубцову пришлось припарковать автомобиль в квартале от заведения. К тому времени, когда он там появился, жизнь в ночном клубе шла полным ходом. На него обрушилась целая какофония из бессмысленной музыки, беспорядочного смеха, громких голосов, сопровождаемая стремительной сменой ярких бликов и огней цветомузыки. У дверей он задержался и спросил у одного из плечистых блюстите-

лей порядка, где найти Валдая. Рослый здоровяк измерил Рубцова презрительным взглядом, но все же отправился на поиски Валдая. Вскоре он вернулся вместе с Янычаром. Увидев Комбата, тот пригласил его следовать за ним.

Валдай веселился за столиком с тремя изрядно подвыпившими типами. Каждый из них выглядел весьма респектабельно. Компанию им составляли симпатичные красотки с привлекательными формами. Нетрудно было догадаться, что это ценные посетители ночного клуба, которыми Валдай очень дорожит.

За несколько шагов до столика Янычар сделал знак рукой, чтобы Комбат оставался на месте и дожидался ответа. Сам же он вплотную приблизился к Валдаю, наклонился и что-то шепнул на ухо. Тот даже не обернулся, а лишь согласно кивнул. Янычар тут же вернулся к Рубцову и сказал своим утробным басом:

— Иди за мной!

Они протиснулись сквозь танцующую толпу и поднялись на второй этаж. Янычар провел Комбата в помещение, где полгода назад он провел целую ночь в компании Валдая и его адвоката.

— Он сейчас подойдет, — сказал парень и вышел, оставив дверь приоткрытой.

Рубцов осмотрелся и увидел, что в комнате почти ничего не изменилось с тех самых пор, когда он впервые переступил порог этого помещения. Не успел он выкурить сигарету до половины, как в дверях появился Валдай.

— Как продвигается наше дело, Комбат? Узнал что-нибудь?

— Cosa nostra, — произнес Рубцов.

— Что? Ты это о ком?

Валдай подошел и опустился в кресло напротив Рубцова.

— Cosa nostra — это «наше дело» в переводе с латыни, — объяснил Рубцов.

— Ах да! И как продвигается cosa nostra?

По всему было видно, что авторитет в приподнятом настроении. Но Комбат уже предвидел, что таким Валдай будет недолго.

— Пока неплохо. Но меня беспокоит другое.

— Что именно?

— Ты ведь никого не посылаешь дышать мне в затылок?

Валдай насторожился. Он даже привстал и подался вперед.

— О чем базар? Конечно нет!

— Так вот. Похоже, кто-то еще интересуется теми пикантными сценами.

— Ты в этом уверен?

— Как в том, что меня зовут Борис Рубцов.

Валдай фыркнул и в задумчивости откинулся на спинку кресла.

— Кассета у тебя? — спросил он.

— Да, она при мне.

Приподнятое настроение Валдая вмиг улетучилось.

— Не могу утверждать однозначно, но, похоже, хвост «прирос» именно после твоего приезда, — сказал Рубцов.

— Ты в своем уме, Комбат?

Валдай был готов ринуться на Рубцова с кулаками. Но тот, заложив ногу за ногу, сидел в кресле, дымил сигаретой и был совершенно спокоен. Валдаю даже показалось, что он смотрит на него с неприкрытой иронией. Это еще сильнее раздражало авторитета.

— Пока да, хотя и принял рюмочку из твоего

бара, — ответил Рубцов. — А вот ты подумай: не могла ли кассета заинтересовать еще кого-нибудь?

Валдай вспомнил парня из группировки Панкрата, пойманного его охранниками.

— Итак, похоже, ты не все сказал мне, Валдай? — спросил Рубцов. — Кто еще может охотиться за кассетой?

— Да был тут один ушастый, — ответил Валдай. Он поднялся и начал ходить по комнате. — Мои парни срисовали его у клуба в тот самый день, когда я встречался с Костаном.

— Кто такой? Как выглядел?

— Крепкий такой хмырек, среднего роста, темноволосяй, лет двадцать пять, — описал Валдай.

Рубцов попытался мысленно сравнить этот портрет с внешностью того, кого он встретил на улице после посещения салона-студии Бени.

— Он из группировки Панкрата, — добавил Валдай.

— Панкрата? А кто такой Панкрат?

— Авторитетный мужик. Он паханит в Челябинске.

— И его человек следил за твоим клиентом? Как ты об этом узнал?

— Я же говорю, мои парни срисовали его у клуба, сцапали, притаранили сюда. Он здесь и раскололся. Мне совсем не резон афишироваться перед кем бы то ни было. Панкрат отправил его присмотреть за Костаном. Одно время они имели совместный бизнес в Челябинске. Теперь Костан подался в политику и решил завязать с прежними связями. Панкрата, по всей видимости, это не устраивает.

— Он был один?

— Да.

— А где теперь этот парень?

Валдай сильным толчком открыл входную дверь и крикнул.

— Янычар!

В комнату тут же вошел амбал с угрюмой физиономией и вопросительно покосился на Рубцова.

— Куда подевался ушастый — тот, что зекал у нас под окнами? Вы пропали его?

— Да, — с тем же недоверием пробасил Янычар, переводя взгляд с Рубцова на Валдаю. — Он вышел из заведения, снял тачку и умотал.

— Куда? — спросил Валдай угрожающим тоном.

Янычар не знал ответа на этот вопрос, а потому лишь молча пожал плечами. Похоже, он хорошо знал повадки своего босса, а потому весь напрягся, заблаговременно готовясь к защите от непредвиденных действий. Возможно, Валдай и распустил бы руки, но тут вмешался Рубцов.

— Успокойся, Валдай. Тот, что сидел у меня на хвосте, не похож на твоего ушастого. Если только твой следопыт был не один.

— Иди, — недовольно буркнул Валдай Янычару, которому не надо было повторять дважды.

Амбал тут же исчез за плотно прикрытой дверью.

— За тобой следил кто-то другой?

Рубцов с задумчивым видом утвердительно кивнул.

— Кто?

— Последние сутки этот вопрос не выходит у меня из головы, — ответил Рубцов.

Валдай снова плюхнулся в кресло напротив него.

— Нет, он не был похож на члена команды блат-

ного, — произнес Рубцов, размышляя вслух. — Скорее это был парень из крутой конторы.

— Легавый!? — вывод Рубцова привел Валдай еще в большее изумление. — Ты что, Комбат, рехнулся? Как такое может быть?

— Я спрашиваю себя о том же.

— Легавые у тебя на хвосте? — удивленно повторил Валдай.

— Вот именно. Но вышел он на меня через тебя, — заявил Рубцов. — Сейчас не время и не место выяснять отношения. К тому же у нас пока нет причин для паники. Будем действовать по заранее согласованному плану, а там посмотрим.

— Ты о чем, Комбат?

— О твоем обещании прикрывать мою задницу. Или ты уже забыл?

— Ничего я не забыл.

Валдай не скрывал своего раздражения. Его холодные глаза светились злобой. Он не знал, на кого выплеснуть свои чувства. Если бы в этот момент перед ним вдруг появился тот самый парень Панкрата, он не стал бы долго церемониться.

— Так вот, в ближайшее время постарайся узнать, имеет ли крутая контора свой интерес к этому делу. У тебя ведь повсюду есть надежные люди, а значит, и там. Не так ли?

Валдай красноречиво промолчал.

— Они могли следить не за твоим клиентом, а за человеком Панкрата. Клиент без всякой задней мысли приходит к тебе. Он даже не подозревает, что Панкрат следит за ним. Но и парню Панкрата не в голове, что он проворонил за собой хвост. Понимаешь, какая петрушка?

— А ведь и правда! Да-а, Комбат, сечешь ты в конторских делах. С такими способностями тебе бы только в уголовке работать.

— Ну, они меня не зовут, а сам я туда ни за что не пойду. Вот и пропадает талант.

— Могу устроить, — в тон Рубцову предложил Валдай.

— Нет уж, уволь. Свое выходное пособие я заработал честно, отдав почти четверть века отечественным войскам спецназа. А перспектива на старости лет получить титул купленного мента меня не прельщает.

— Это ты зря. Я знавал таких фуфлометов, которые исправно получали мзду за свои услуги, а параллельно зарабатывали медали за безупречную службу. Все можно устроить очень толково, Комбат.

— Только не для меня, — категорично заявил Рубцов. — И давай закроем эту тему. Лучше скажи: ты можешь узнать, интересуется крутая контора твоим клиентом или нет?

— Попробую, — уклончиво ответил Валдай.

— Отлично. Только не тяни с этим. Я должен знать, что можно, а чего не стоит предпринимать.

— Заметано, — заверил его Валдай.

— Тогда созвонимся. — Рубцов встал, всем своим видом давая понять, что собирается уходить. — Во сколько тебе позвонить?

— Погоди, Комбат. Ты же так и не сказал, что успел узнать конкретно по делу.

— Конкретно по делу? — Рубцов задумался. За два дня он сделал много, но о конкретных результатах говорить было слишком рано. Он не был уверен в том, что съемку производил Игорь Ростовцев, что парнем с татуировкой из фильма был именно Влад Кузьмин.

— Не темни, Комбат, говори прямо.

— Через одного своего знакомого я узнал, где искать парня с татуировкой.

— Что за тип? Ты показывал ему записку?

— Показывал. Но не беспокойся, он надежный человек. Он мой давний должник.

— Вот видишь, Комбат, вся наша грешная жизнь держится на долгах одного перед другим.

— Да, в определенной мере.

— А не получится ли так, что у твоего должника обязательства не только перед тобой?

— Это уж чересчур, Валдай. Людям хотя бы изредка надо доверять.

— А я им и доверяю. Но только после обязательной проверки... Ладно, продолжай. Ты нашел этого гомика?

— Нет, — ответил Комбат. — Но, похоже, я знаю, как его зовут.

— Если он москвич, мы в два счета вычислим его нору, — предложил Валдай.

— Это не проблема. Проблема в том, что он содержанец, дома практически не живет. Я узнал, что его можно встретить скорее на Кипре или Лазурном побережье, чем в Москве. Но и на этот счет я тоже договорился. Как только он объявится в Москве, мне позвонят.

— Вот поганцы голубые, — брезгливо сплюнул Валдай. — Значит, через него ты планируешь выйти на того, кто снимал фильму. Так?

— Да. Но дело в том, что у меня есть одна зацепка и по этому типу, — ответил Комбат.

— Вот как?! — удивился Валдай. — Похоже, я не ошибся в тебе, Комбат, — одобрительно отозвался он на сообщение Рубцова. — Ты в самом деле не терял зря времени. Уверен, коэффициент полезности твоих действий составляет как минимум девяносто пять процентов.

— Я бы так не сказал, — возразил Рубцов. — У меня нет твоей уверенности. Вот когда я буду

уверен, тогда можно будет говорить и о коэффициентах.

— Да ладно, не скромничай. Ты действительно лучший из лучших, настоящий профессионал. За это надо выпить. — Валдай извлек из буфета бутылку своего любимого коньяка и два чистых фужера.

— Мне налей водки, — увидев это, попросил Рубцов.

— Без вопросов. — И Валдай потянулся за распечатанной бутылкой. — А что за зацепка у тебя появилась? — вернулся он к прежнему разговору.

— Я узнал фамилию и домашний адрес типа, который специализируется на подобном бизнесе, — ответил Рубцов. — По крайней мере, мне объяснили, что пару раз он пытался таким вот способом поправить свое материальное положение. Сегодня днем я навестил его. Оказалось, тот часто и подолгу отлучается из дому. Соседка за небольшое материальное вознаграждение проговорила, что у него дом в Лыткарино. Достался от отца, еще с тех времен. Она же по секрету поведала, что этот мужик устроил в квартире настоящее подполье. Что конкретно она имела в виду, я так и не разобрался. Во всяком случае на торговлю компроматом это похоже. Кстати, было бы неплохо, если бы ты помог мне узнать, по какому адресу находится этот дом. В Лыткарино тысяч семьдесят населения. Пока разыщу этого типа, уйдет уйма времени.

— Сделаем. Называй особые приметы.

— Особых примет не знаю, лично не встречался и фотографий не видел. Знаю, что зовут Игорь Ростовцев. Примерно сорока лет. Вот и все приметы.

— Будем надеяться, что сорокалетних Ростовцевых в Лыткарино не так уж много.

— А про девицу что-нибудь узнал? — спросил Валдай.

— Пока ничего, — ответил Рубцов. — Никто ее раньше не видел.

— Ладно, насчет информации не беспокойся, снабдим самой качественной. Все будет в лучшем виде, — заверил Валдай.

— Надеюсь, — ответил Рубцов.

Они выпили, а после еще некоторое время сидели и болтали ни о чем.

— Слушай, Комбат, ты ведь так и не отдохнул как следует в моем заведении тогда, — вспомнил Валдай, дружески похлопав Рубцова по плечу.

— Ты о чем?

— Хочу, чтобы ты сегодня оттянулся в свое удовольствие, как говорится, по полной программе. За счет заведения. Идет?

— Не возражаю.

Они вместе спустились вниз. Основной зал тонул в полумраке мерцающих огней цветомузыки. Повсюду мелькали незнакомые мужские и женские лица разного возраста и степени трезвости. Кругом был слышен непрерывный хохот и громкие голоса. То и дело Рубцова подхватывала всеобщая толчея, уносила вперед и возвращала назад, пока он вместе с Валдаем не оказался у стойки бара. Заняв почетные места у правого края, Валдай повелительным жестом подозвал к себе одного из барменов.

— Видишь этого человека? — Он указал на Рубцова. — Это я. Все, что мы захотим, по первому слову незамедлительно на наш столик. Ты все понял?

Бармен тут же закивал в знак согласия.

— Вот и хорошо. А теперь прими заказ. Итак, Комбат, что закажем? — Валдай уставился на Рубцова совершенно посоловелыми глазами.

— Я предпочитаю хорошую водку, — ответил тот.

— У нас есть хорошая водка? — Валдай переадресовал его заказ бармену. — Да, у нас есть хорошая водка, — сказал он, получив положительный ответ. — А закусить? Ты предпочитаешь бутерброды или фрукты?

Рубцов выбрал фрукты. Буквально через минуту заказ стоял перед ними. Но после первой бутылки Валдай сдался. Он не держался на ногах, то и дело валился со стула. Когда он в очередной раз едва не свалился с высокого сиденья, Янычар, неотлучно маячивший за спиной у босса, словно заботливая няня, подхватил Валдаю под руки и унес прочь.

Рубцов остался один. Однако продолжалось это не очень долго. В какой-то момент стул, на котором еще минуту назад сидел Валдай, заняла Вероника. Она издали увидела Рубцова и пробралась к нему с противоположного конца бара.

— Привет! — наклонившись почти к самому уху, громко произнесла девушка.

Рубцов повернул голову и увидел рядом молодую привлекательную красотку с беззаботной улыбкой. Что-то неуловимо знакомое было в чертах ее лица. Но он никак не мог вспомнить, откуда знает эту симпатичную девушку.

— Мы знакомы? — Рубцов был заинтригован.

Все с той же обворожительной улыбкой девушка отрицательно покачала головой.

— Но я тебя знаю, — при этом сказала она. — Ты Борис Рубцов, но все называют тебя Комбат.

— Совершенно точно, — ответил он. — Странно, а я мог бы поклясться, что точно знаю тебя. Но откуда?.. Ты здесь работаешь?

Сидя на высоком стуле, она колыхалась в такт танцевальным ритмам. В ответ на вопрос Рубцова она кивнула головой.

— Черт побери, ты меня окончательно заинтриговала, — признался он. — Как тебя все-таки зовут?

— Вероника, — ответила девушка.

— Вероника? А меня Борис.

— Я знаю.

— Очень приятно, Вероника.

— Мне тоже, — сказала девушка.

— Выпьем за знакомство? — предложил Рубцов.

— Только капельку. Я ведь за рулем.

— Признаюсь тебе по секрету: я тоже.

Они оба рассмеялись. Рубцов заказал еще один графин водки. Они выпили на брудершафт за знакомство, а затем Вероника пригласила его потанцевать. Поначалу Рубцов категорически отказывался, но девушка оказалась настойчивой и в конце концов, добилась своего.

Ночной клуб они покидали вдвоем.

— Тебе куда? — спросил Рубцов, когда они вышли на улицу.

Свежий воздух подействовал на него еще более охмеляюще. И хотя Рубцов достаточно крепко держался на ногах, его немного покачивало из стороны в сторону.

— Я живу на Плеханова. Это рядом с Измайлово, — ответила Вероника.

— Далеко. Мне гораздо ближе. Но ничего, я все равно провожу тебя.

— Поедем на такси?

— Зачем на такси? В двух шагах от клуба у меня припаркован автомобиль, — ответил Рубцов.

— И ты собираешься сесть за руль в таком состоянии?

— А почему бы и нет?

— Нет, я против. Я сама никогда не сажусь за руль даже после рюмки спиртного и тебе не позволю.

— Скажите пожалуйста, какие мы строгие, — попытался возразить Рубцов.

Но Вероника осталась непреклонна. И она настояла на своем.

— Ладно, так и быть, поедem на такси. Машину оставлю здесь, — согласился он.

— А какая у тебя машина?

— «БМВ».

— Ого! Круто! — восхитилась девушка. — Хорошо живете, если позволяете себе кататься на таком автомобиле.

Но прежде чем поймать такси, они прошли пешком значительное расстояние по ночной улице.

— Шеф, отвези нас на Плеханова, — забираясь внутрь, Рубцов назвал таксисту адрес Вероники.

— А ты где живешь? — спросила Вероника.

— На Волгина, — ответил Рубцов.

— Так это же значительно ближе! Давай лучше к тебе. Ты не возражаешь?

Рубцов согласился.

— Пожалуйста, отвезите нас на Волгина, — изменила заказ девушка.

После часового блуждания по ночному городу такси въехало во двор жилого дома по улице Волгина и остановилось у среднего подъезда. Рубцов расплатился с таксистом, и они вышли из салона.

Прижимаясь к сильному мужскому плечу, Вероника двигалась за Рубцовым.

— Нам на какой этаж? — спросила она, когда они вошли в темный подъезд.

— На седьмой, — ответил Рубцов.

— А лифт у вас работает? Не люблю подниматься в темноте.

— Тебе нечего бояться, если я рядом, — успокоил ее Рубцов.

Они поднялись в квартиру. Рубцов закрыл входную дверь и оказался лицом к лицу с Вероникой. Они обменялись долгими испытующими взглядами. Первой сдалась Вероника.

— Ты и вправду не узнал меня? — с некоторой робостью спросила она, отводя взгляд в сторону.

— Узнал. Сразу, — прямо ответил Рубцов.

Его глаза говорили о том, что он не лгал.

— Почему же ты не признался в этом? Ты играл?

— Ты сама предложила эту игру. Мне оставалось лишь подыгрывать.

Дерзкая улыбка Вероники обезоружила Рубцова, заставила и его улыбнуться. Он впервые за долгое время увидел перед собой девушку, способную вызвать неистовое желание, пробудить в нем настоящий вулкан страстей.

Пауза затягивалась, становилась невыносимой и для него, и для нее. Ни он, ни она не хотели вспоминать о том вечере у ночного клуба, который свел их вдвоем. Оба понимали, что должны предпринять нечто такое, что разрядило бы гнетущую атмосферу. Поэтому Рубцов спросил:

— Выпьешь чего-нибудь?

Чтобы не выдать себя, Вероника ответила:

— Я хочу принять душ.

Рубцов не возражал.

— У тебя есть кофе? — спросила она.

— Есть. Я сейчас приготовлю, — предугадывая ее просьбу, ответил он.

Когда Вероника вышла из ванной, Рубцов сидел на диване, курил и смотрел на экран телевизора. Перед ним на столике стояли кофейник, чашки, блюдо с печеньем и пирожными, фрукты, а также пепельница, зажигалка и пачка сигарет.

— Освежилась? — отрывая взгляд от телевизора, спросил он.

— Мне стало намного легче, — ответила Вероника и присела на диван рядом с ним.

На ней был банный халат Рубцова, в который она завернулась, словно в одеяло.

— Куришь?

— Иногда, — ответила Вероника.

Рубцов раздавил окурок в пепельнице, а затем подал ей чашку с еще горячим кофе.

— Спасибо. Полагаю, мне не имеет смысла спрашивать, есть ли у тебя фен? — перебирая рукой мокрые волосы, спросила она.

— Почему же?

Он повернулся и посмотрел на девушку, которая внезапно пробудила в нем желание. Продолжая рассматривать девушку, он невольно протянул руку и коснулся ее мокрых волос, затем легким прикосновением медленно провел невидимую линию по лицу и шее, ловким движением откинул ворот халата и обнажил плечо.

Вероника незаметно поставила чашку с кофе на столик. Она не противилась действиям Рубцова. Когда его рука оказалась на ее плече, она склонила голову, прижалась к ней и потерлась щекой. Тогда он протянул вторую руку и обнажил ее второе плечо. Банный халат, который по разме-

ру был слишком велик девушке, медленно съехал и обнажил округлые бугорки белой груди с коричневыми сосками.

— Не думай обо мне плохо, — шепнула Вероника.

Она потянулась вперед, всем своим видом выражая страстное желание соединиться с ним. Его рука скользнула к ее бедру, освободив от халата и обнажив стройное тело. Девушка обхватила мужчину руками и привлекла к себе, прижимая его щетинистое лицо к своей обнаженной груди. Он обхватил ее за бедра, легко, словно невесомую, приподнял и усадил к себе на колени.

Во всем необъятном мире остались только нежные поцелуи, частое порывистое дыхание, переплетение рук и долгая сладострастная мука...

А потом наступила сладостная истома.

Рубцов первым вернулся к действительности. Очень осторожно он освободился из нежных объятий Вероники и повернулся на бок. Легким прикосновением пальцев он продолжал ласкать ее чувственное тело — спину, бедра, живот, грудь и лицо. Она дышала так ровно и безмятежно, что Рубцов решил, что она уснула. Но как только он сделал движение, намереваясь встать, она прильнула к нему и крепче обхватила руками.

— Как хорошо, — с благоговейным вздохом прошептала она.

Рубцов промолчал, а затем повторил свою попытку освободиться из ее объятий.

— Ты куда? — тем же голосом произнесла она и томно повернулась на спину.

— Отдыхай, я скоро вернусь. — Рубцов ласково провел ладонью по ее волосам.

Через минуту Вероника услышала, как побежала вода из дождика в ванной.

Когда Рубцов вернулся обратно в комнату, девушка сидела на диване. Обернувшись пристыней и поджав под себя ноги, она пила кофе и курила.

— Ты не обидишься на меня? — тихо спросила она, заметив его могучий торс в проеме двери.

— За что?

Он неторопливо подошел к дивану и присел рядом с ней.

— Знаешь, все вышло как-то так... Хотя... вроде бы и само собой.

Вероника погасила сигарету, раздавив ее в пепельнице. Рубцов проследил за ее движением, а потом взял у нее из рук чашку с кофе и поставил на столик. Он привлек девушку к себе и прижал к груди. Она совершенно не сопротивлялась. Ей было приятно все, что он делал с ней. Уронив голову на его могучую грудь, она облегченно вздохнула и почувствовала прежнее умиротворение.

— Что-то не так? — спросил Рубцов, прижав свою щетинистую щеку к ее волосам и ласково поглаживая по плечу.

— С чего ты взял?

— Тебя что-то беспокоит, я вижу. Есть проблемы?

— Проблемы? Нет. Скорее, ошибки прошлого, — ответила она с некоторой горечью и сожалением.

Девушка испытывала к этому человеку нечто большее, чем благодарность.

Но так длилось недолго. Воспоминание о Скворцове и страх вернули Веронику к реальности.

— В каких отношениях ты с Валдаем? — совершенно не к месту спросила она.

Неожиданный вопрос заставил Рубцова насторожиться.

— Почему ты об этом спрашиваешь? — Он отстранил ее от себя и посмотрел в глаза.

— Да так, — с деланным безразличием ответила Вероника. — Я работаю в ночном клубе уже два года и знаю, что просто так он никого не угощает, — с невозмутимым спокойствием объяснила она. — Мне показалось, что у вас с ним дружеские отношения.

— Нет, тебе только показалось, — ответил Рубцов. — Мы с ним не приятели, мы всего лишь сотрудники. Да и то на некоторое время.

— Ты должен быть осторожным с ним, — предупредила Вероника. — Валдай — очень опасный человек.

— Спасибо за предупреждение.

— Я серьезно.

— Я тоже.

— И все-таки что ему от тебя понадобилось? — не унималась Вероника. — Это как-то связано с тем происшествием у клуба?

— Отчасти. — Рубцов не хотел посвящать девушку в свои дела с Валдаем.

— Конечно, ты ведь остался перед ним в долгу. Или я не права?

— Давай не будем об этом.

— Извини. Просто я подумала, что это из-за меня...

— Ты о чем?

— Это ведь я стала причиной твоих неприятностей, — объяснила Вероника.

— Забудь. С тех пор столько воды утекло...

— Да, но Валдай не из тех, кто прощает долги.

— Не могу не согласиться, — сказал Рубцов. — Но в моем случае все гораздо проще. У валдаевского знакомого похитили дочь и укрывают где-то в Подмосковье. Вот он и обратился ко мне с просьбой отыскать девочку.

Рубцов старался говорить с видимой беспечностью. Но на самом деле он осторожничал. Завидная настойчивость Вероники никак не вязалась с обычным женским любопытством.

— Так я тебе и поверила, — шаловливо возразила девушка. — Как будто Валдай не мог сам найти эту девочку. Да при его связях и возможностях...

Вероника внезапно осеклась и замолчала. Она спохватилась и вспомнила, с кем имеет дело. Она встревожилась, что своими настойчивыми расспросами может вызвать подозрения у Рубцова.

Между тем сам Рубцов старался не думать о худшем.

«Неужели ее ко мне подослали? — размышлял он. — Но кто мог это сделать? Валдай?»

Поразмыслив, Рубцов отказался от подобного предположения. Тогда кто же?

В сознании Рубцова сами собой всплыли слова, оброненные девушкой: «Скорее, ошибки прошлого».

Рубцов интуитивно почувствовал, что между нечаянной фразой Вероники и тем делом, которым он занимался, существует невидимая связь.

Он задумчиво сидел, прислонившись к спинке кровати, обнимая Веронику, а затем неожиданно сменил тему разговора:

— Расскажи мне о себе.

— Зачем? — Она подняла на него удивленный взгляд.

— Просто я о тебе ничего не знаю, — ответил Рубцов.

— Хорошо, но при условии, что ты расскажешь мне о себе, — согласилась Вероника.

— Мое прошлое — это одна сплошная бойня, ежедневное противостояние смерти, многочисленные потери близких и преданных людей. Неужели тебе интересно слушать о том, о чем твои сверстники могут судить только по фильмам и книжкам?

— Да, — после недолгих раздумий ответила девушка.

— Твое право, — согласился Рубцов.

— Не думай, что моя жизнь была путешествием в волшебную страну, а дорога туда была усыпана розами, — многозначительно предупредила Вероника.

Они долго лежали в объятиях друг друга и беседовали. Девушка прониклась огромной симпатией к человеку, который не обманул ее представлений о добром рыцаре на белом коне.

Она теперь и помыслить не могла, как можно предать такого человека, как Борис...

Ее все сильнее терзали муки совести. В конце концов она не выдержала.

— Прости меня, Борис, — тихо произнесла она.

— За что? — спросил он.

Освободившись из его объятий, она подняла голову и смело посмотрела ему в глаза.

— За то, что я поступила подло, — сказала девушка. — Я предала тебя.

Путаясь и делая значительные паузы от сильного волнения, она рассказала, как недавно к ней в квартиру заявился какой-то Скворцов, предъявил служебное удостоверение Генпрокуратуры

и потребовал собирать информацию о той работе, которую Комбат выполнял для Валдая. И Вероника согласилась. Она честно объяснила, по какой причине пошла на этот шаг.

Рубцов внимательно слушал девушку и ни разу не остановил. Когда она назвала фамилию Скворцова, он почему-то представил себе лицо того самого незнакомца, с которым столкнулся на улице, выйдя из салона-студии Бени.

«Выходит, я не ошибался, — размышлял тем временем Комбат. — Выходит, слезка все-таки велась. Но почему столь авторитетная контора проявляет интерес к такому незначительному делу? Неужели потому, что клиент Валдая избирается губернатором? Но тогда почему контора позволила кандидату на высокий государственный пост обратиться за помощью к криминальному авторитету, а не занялась этим делом сама? Во всем этом бессмысленном наборе есть только одно разумное объяснение: авторитетная контора копает под клиента Валдая».

Он начинал понимать, что в случае чего останется крайним. Валдай спокойно выйдет сухим из воды, потому что нет никаких доказательств его связи с Комбатом. Костиков также останется в стороне, потому что не нанимал его и даже в глаза не видел. Валдай был прав. Он действительно человек не их команды. Он сам по себе, волк-одиночка. Но это была не вся правда, а только полуправда. Полной правды криминальный авторитет ему не сказал.

— Скажи, ты сможешь простить меня за то, что я сделала? — спросила Вероника, закончив свой рассказ.

Она сидела на диване, обхватив руками колени и втянув голову в плечи. Словно от силь-

ного холода, она вся трепетала от страха. Она думала о том, что сейчас он взорвется и выбросит ее прочь из квартиры и из жизни. Но вместо этого она услышала спокойный ответ сильного человека:

— Я должен тебя простить? За что? Прощают тех, на кого обижаются. А я на тебя не в обиде.

— Это правда? — чуть слышно пролепетала она.

— Правда, — уверенно ответил ей Комбат.

И Вероника не выдержала. Она упала в его объятия и разрыдалась, как ребенок. Он успокаивал ее, но от этого она еще больше заливалась слезами.

— Он запугивал меня, говорил, что посадит в тюрьму, если я откажусь помогать. Понимаешь? — сквозь слезы оправдывалась она.

Лишь когда в квартиру ворвался утренний рассвет, девушка забылась глубоким сном на груди у Комбата.

Глава 10

Панкрат вспомнил о Костикове только через три дня после возвращения Ноя из Москвы. Накануне вечером он увидел его по одному из каналов местного телевидения и пришел в ярость. На следующий день он первым делом позвонил Самойлову и потребовал, чтобы тот немедленно приехал к нему.

— Как продвигается дело с Костаном, Арка-

ша? — поинтересовался Панкрат, как только адвокат переступил порог его особняка.

За годы общения с авторитетом адвокат хорошо изучил его натуру. Он понимал, что настоящая причина кроется не в этом пустяковом вопросе. Будучи тонким психологом, адвокат умело использовал благосклонность авторитета к своей персоне. Вот и сейчас он спокойно отреагировал на вопрос.

— Что именно тебя интересует? — Молодой человек неспешно прошел в помещение, опустился на стул из красного дерева, заложил ногу за ногу, обхватил колено сцепленными в замок руками.

Подавляя в себе сильное раздражение, Панкрат молча следил за его поведением. Но когда Самойлов гордо вскинул голову и вопросительно посмотрел на него, он не выдержал:

— Я за что тебе такие бабки отстегиваю, засранец? За то, чтобы ты себе новые шмотки покупал, а потом приходил в них сюда, рисовался и строил мне глазки?

Самойлов почувствовал, что сейчас разразится буря. Авторитет унизил его самым беззастенчивым образом. Успокаивало лишь то, что поблизости не было ни одного свидетеля. В другой обстановке Самойлов не преминул бы поспорить с шефом. Но сейчас он понимал, что Панкрат не настроен на спокойный разговор без эмоций. Он предусмотрительно сменил свою надменную позу, опустил ногу на пол, руки положил на колени.

— Ты придаешь слишком большое значение Костану, Панкрат, — угодливым тоном заговорил Самойлов. — То, о чем он во всеуслышание вещал по ящику, не больше чем слова. Как кан-

дидату в губернаторы тебе представляется возможность сделать то же самое в отношении его самого.

— Просто слова? — Панкрат не мог унять бешеную ярость. — Ты убеждал меня в этом вчера, позавчера, неделю, месяц назад. Каждый раз ты говоришь мне одно и то же. А между тем Костан чувствует себя на коне. Как же, он уже однажды кинул Панкрата по-крупному! И пока ротозеи, окружающие меня, щелкают своими хлебами, он сядет в кресло губернатора. А потом какая-нибудь шваль, состоящая у меня на денежном довольствии и содержании, вспомнит его предвыборные обещания и начнет копать под мной яму. Но этого никогда не будет! Или я не Панкрат! — выкрикнул он, тыча себя в грудь кулаком.

— Хорошо, я скажу тебе, что я успел сделать и что осталось предпринять. — Самойлов поднялся со стула и принялся измерять шагами огромную комнату. При этом левую руку он держал в кармане брюк, а правой дирижировал в такт своим словам. — Только выслушай меня без эмоций. Идет?

Панкрат исподлобья покосился на адвоката. По всему было видно, что он с недоверием относится к словам Самойлова.

— Скажи мне, подводил ли я тебя хотя бы раз? — начал адвокат с неожиданного вопроса.

Панкрат по-прежнему смотрел на него с мрачным видом.

— Я всегда представлял тебе уже готовый результат, но при этом никогда не описывал те действия, которые приходилось предпринять, чтобы добиться его, — продолжил адвокат. — Они были не нужны тебе. Я прав? — Он остановился на-

против авторитета и вопросительно посмотрел ему в глаза. — Главным был, есть и будет результат! — Адвокат многозначительно поднял вверх указательный палец. — Да, в настоящий момент мы не достигли нужного результата, — сказал он. — Но это пока! Не сегодня — завтра дело будет в шляпе, и тогда ты даже не вспомнишь об этом бессмысленном разговоре.

Они посмотрели друг на друга, и Панкрат успокоился.

— Чертов сукин сын, — покачал головой авторитет. — Умеешь уговаривать. Тебе бы в знахари податься, заговоры против разных болезней читать. Или как Чумак — по ящичку руками размахивать и ртом шамкать.

— Это еще успеется, впереди долгая жизнь, — ответил Самойлов. — Может, где-нибудь ближе к старости я и воспользуюсь твоим советом. А сейчас перед нами другие задачи. Надеюсь, я член твоей команды? Станешь губернатором — возьмишь меня в свою администрацию?

— Ладно. Но скажи мне, Аркаша, какие действия ты предпринимаете, чтобы остановить Костана?

— По своим каналам я перепроверил то, о чем рассказал Ной.

— И что?

— Он говорил правду, — ответил Самойлов.

— А ты сомневался? Мои парни — люди преданные.

— Согласен. Вернемся к нашим баранам. Костан действительно встречался с Валдаем, в этом нет сомнений. Что же касается второго типа, с которым он успел повидаться перед самым отлетом...

— Ты узнал, кто это был?

— Да, — ответил адвокат. — Виктор Лимонов, генерал юстиции.

Панкрат невольно присвистнул.

— Ни хрена себе! Что у него могут быть за дела с высокой конторой?

— Не беспокойся. Оказывается, все очень просто. Костан и Лимонов — бывшие однокурсники и коллеги по работе, — объяснил Самойлов.

— Где это ты накопал?

— В наши дни все покупается и продается. Ты это знаешь не хуже меня. Вопрос лишь в цене. Пришлось посидеть за компьютером, чтобы найти нужных людей, а потом переговорить с ними и условиться о цене. Вот и все.

— Ты звонил в Москву?

— Нет, я общался с ними с помощью Интернета, — ответил Самойлов.

— Техника — великое дело, но я всегда избегал этих новомодных штучек, потому что никогда не доверял им, — заметил Панкрат.

— А зря!

— Ладно, оставим в покое мое невежество и пробелы в образовании. Лучше скажи мне вот что. Надеюсь, ты понимаешь, что встреча с человеком из высокой конторы, пусть даже и бывшим однокурсником, была не случайна?

— Случайности в этом быть не может. Скорее это была запланированная встреча. — согласился адвокат. — Похоже, Лимонов оказывает поддержку Костану. Но вот в какой степени и в чем — остается только гадать.

— А по-моему, тут нечего гадать. Разве ты не оказал бы помощь старинному приятелю, окажись на его месте?

— Это все понятно. Но вот какую именно помощь?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Одно дело, если он просто снабжает его информацией и сводит с важными шишками наверху, и совсем другое, если Костан капает ему на своих бывших друзей.

— Допускаешь, Костан снабдил его телегами, чтобы скинуть меня? — догадался Панкрат.

— Этого нельзя исключать.

Панкрат задумался, но через минуту покачал головой и сказал:

— Нет, он не такой дурак. Я хорошо знаю Костана. Он прекрасно понимает, что, если со мной что-то случится, ему самому крышка. Так что этот вариант не проходит.

— А что если это как-то связано с исчезновением его дочери? — предположил Самойлов.

— Исчезновением дочери? — Панкрат поднял на своего адвоката удивленные глаза.

— Ну да! Ты разве не слышал об этом?

— Нет.

— Дней десять назад пропала дочь Костана. По-моему, об этом уже все знают, — повторил Самойлов, как будто сообщал само собой разумеющуюся истину.

— Все давно знают, а я, как всегда, узнаю последним. — Панкрат выстрелил в Самойлова негодующим взглядом. — Как она пропала? Откуда известно, что она пропала? Может, этот хитрый жлоб спрятал ее где-нибудь, чтобы накануне выборов представить пропажу как месть конкурентов? Представляешь, какой козырной картой может оказаться такой ход?

— Нет, Панкрат, она точно пропала, — уверенно ответил адвокат. — Говорят, похитители выдвинули условия...

Панкрат встал с кресла и начал задумчиво

прохаживаться по комнате. Самойлов неподвижно стоял в сторонке и наблюдал за авторитетом.

— У тебя есть предположения, кто бы это мог быть? Кому понадобилось красть девчонку, чтобы выдвигать требования ее отцу? — наконец спросил он.

Адвокат развел руками и отрицательно покачал головой, как бы выражая свою полную беспомощность.

— Может, Спиридонову? — вспомнил Панкрат о человеке, который тоже был конкурентом на губернаторский пост. — У него на подобный поступок не хватило бы духу. Тогда кому и зачем? — продолжал рассуждать вслух авторитет. — И что за требования ему выдвигаются?

Панкрат уставился на своего адвоката. Но тот не знал ответа. Блуждающий взгляд говорил о напряженной работе ума.

— Черт бы тебя побрал! А кто должен знать?

— Костан, — нашелся адвокат.

— Костан, — пробормотал Панкрат. — Кто возглавляет мой предвыборный штаб? Ты или Костан? А если я тебе скажу, что никаких требований никто Костану не выдвигал? — вдруг предположил он. — Если это на самом деле сплошная липа? Что ты тогда скажешь?!

Он снова распался.

— Скажу, что должен это проверить, — осторожно предложил Самойлов.

— И сколько времени займет твоя проверка?

— А что ты предлагаешь?

Прежде чем ответить, Панкрат выдержал не продолжительную паузу.

— Организуй мне встречу с Костаном, — сказал он.

— Ты в своем уме? Зачем нам это сейчас?

Пойми, Панкрат, скоро он будет в наших руках, и тогда...

— Я сказал тебе: организуй мне с ним встречу, — повторил Панкрат. — Если ты ни хрена не соображаешь, то я отвечу тебе, что происходит. — Он приблизился к адвокату и остановился вплотную с ним. — Костан просто-напросто спрятал девчонку, чтобы свалить это на меня. Теперь понял?

В глазах Самойлова предложенная версия выглядела абсурдом. Однако суровое выражение лица авторитета говорило о том, что он не потерпит возражений. И Самойлов не осмелился это делать.

Генерал Лимонов был в приподнятом настроении. На службе и в личной жизни все складывалось, как нельзя лучше. За час до окончания рабочего дня ему позвонила жена и сказала, что через три дня она с детьми возвращаются домой. В этот же день у него с докладом побывал Скворцов. Он заставил Веронику Подгорскую сотрудничать. Теперь девушка ежедневно сообщала ему необходимые сведения о Рубцове, которые Скворцов тут же передавал генералу. Правда, информация была довольно скупой и отрывочной. В ней было больше бесполезного, чем необходимых фактов. Но Лимонов не торопил Скворцова. Он не требовал от помощника поднажать на девушку, он понимал, что Вероника Подгорская — не профессионал. Стоило Скворцову потребовать от нее каких-то более конкретных шагов или действий, у Рубцова непременно возникли бы подозрения.

Он спустился вниз, покинул здание прокуратуры

ры и уже на крыльце буквально нос к носу столкнулся с генералом Трошиным — грузным седовласым мужчиной шестидесяти лет со смешными пороссячими глазками.

— Здравствуй, Леонид Михайлович, — приветствовал он коллегу. — Ты куда это на ночь глядя? Все с работы, а ты на работу.

— Как, Виктор Владимирович? Тебя разве не предупредили? — ответил тот.

— А что такое?

— У Генерального закрытое совещание, — сообщил Трошин.

— Мне никто ничего не говорил об этом. — У генерала Лимонова возникло недоброе предчувствие.

— По-видимому, тебя решили не тревожить, — развел руками Трошин. — Только меня это удивляет. Должен сказать, что тема достаточно серьезная. — Добродушный пожилой толстяк украдкой огляделся по сторонам и перешел на шепот. — Принимается решение взяться за олигархов, — с видом заговорщика сообщил он. — И в первую очередь за Осиновского и Лебединского. Приходит конец их всевластию и вседозволенности. Похоже, директива спущена с самого верха. — При этом коллега многозначительно закатил глаза к небу.

— Ну это уж как водится у нас: каждая новая метла...

Генерал Лимонов постарался скрыть от коллеги свое волнение.

— Да, ты прав, дорогой Виктор Владимирович, — согласился Трошин и тут же заторопился. — Ладно, побегу. Не дай бог, еще, чего доброго, опоздаю. — Он демонстративно посмотрел на часы.

— Всего хорошего, Леонид Михайлович, — обмениваясь дружеским рукопожатием, пожелал Лимонов. — Как-нибудь созвонимся. Хочется не отставать от жизни и быть в курсе новых веяний.

— Это обязательно, Виктор Владимирович, обязательно, — хихикнув, произнес Трошин. — Живем в такое время, только не зевай и успевай. Рыночные отношения, будь они неладны. Конкуренция! Молодежь на пятки наступает, в затылок грудным молоком дышит. Ну все! Будь! Я побежал!

Генерал Лимонов заставил себя вежливо улыбнуться. Но как только коллега скрылся в здании, улыбка моментально исчезла с его лица.

Он буквально сбежал по ступенькам крыльца и быстрым шагом направился к служебному автомобилю. В голове то и дело всплывали обрывки фраз, произнесенных Трошиным.

«Тема достаточно серьезная... Принимается решение взяться за олигархов... в первую очередь за Осиновского и Лебединского...»

Генерал Лимонов имел достаточный опыт работы в прокуратуре, для того чтобы понять истинное значение услышанного. Впервые за долгую карьеру он реально ощутил всю шаткость своего положения. После подобного совещания, как правило, начинает раскручиваться маховик очередного «процесса над ведьмами». Для начала устроят утечку несущественных сведений в средства массовой информации. Но обязательно с грифом «секретно», а то и «совершенно секретно». А затем...

Генерал Лимонов не хотел даже думать, что будет потом.

Генерал Трошин слыл одним из немногих лиц,

особо приближенных к Генпрокурору. Поэтому он хорошо знал не только какую стряпню готовит руководство их ведомства, но и о том, что подадут на обед в кремлевской столовой на следующий день.

Лимонов догадывался, что подсказку следует искать непосредственно в словах Трошина. «О чем он говорил? Что за молодежь имел в виду? Кому она наступает на пятки и дышит в затылок? Мне? Ему? Нам обоим?» — размышляя таким образом, Лимонов дошел до служебного автомобиля, забрался на заднее сиденье и попросил водителя отвезти его в загородный дом. Автомобиль медленно пустился в длинный путь по московским улицам, переполненным транспортом. Но Лимонов не обращал никакого внимания на постоянные автомобильные пробки.

В конце концов он нашел для себя удовлетворительное объяснение. Папки с компроматом на олигархов пополнялись новыми сведениями всегда, даже в те дни, когда они с помощью финансов, по сути дела, управляли государством, формулировали его внутреннюю и внешнюю политику. И если компромат собирали осведомленные высококлассные специалисты, то где-то там, в папках с бумагами, рядом с фамилией Осиновского непременно должна всплыть и фамилия Лимонова. Вот на что, по всей видимости, намекал Трошин. Вот почему Лимонова решили «не тревожить».

«Хитер, старый мудозвон, одним выстрелом решил двух зайцев убить, — подумал Лимонов про Трошина. — Повернул все так, что выстрел этот должен сделать я. Что ж, согласен. Если, спасаясь от неприятностей, я попутно избавлю от таких же неприятностей и Трошина, то от од-

ного выстрела может выйти двойная польза. Во-первых, исчезнет угроза, нависшая над служебной карьерой, во-вторых, получу надежного союзника на будущее. Но сначала необходимо вычислить осведомителя, который строчит на меня доносы начальству».

Впрочем, важное значение имела бы только ликвидация доказательств тесной связи между Лимоновым и Осиновским. По всей видимости, такие же доказательства имеются и на Трошина. В противном случае коллега не стал бы распространяться.

Генерал позвонил Скворцову.

— Ты мне срочно нужен, Миша, — сказал он. — Приезжай в мой загородный дом. Жду.

В знакомстве Лимонова с Осиновским не было ничего из ряда вон выходящего. С олигархом были знакомы многие высокопоставленные чиновники их ведомства. Тот же генерал Трошин многие личные дела устраивал через Осиновского. И это было известно не только Лимонову. Однако только генерал Лимонов допустил серьезную промашку. Он сунулся в политику, не без выгоды для себя помог олигарху заключить крупную предвыборную сделку с Костиковым. И теперь необходимо было сделать так, чтобы о сделке не узнала ни одна живая душа.

Был и другой вариант возможного развития событий. Лимонов находит достойного кандидата вместо Костикова и помогает тому занять пост губернатора. В этом случае он избавится от всяких слухов и домыслов относительно своих тесных связей с олигархом и материальной заинтересованности в губернаторских выборах в Челябинске. Но при этом сохранит реальную возможность получения той самой прибыли, о которой мечтал.

Он еще мог бы рискнуть. Времени было достаточно. Раскрутить достойного человека и с помощью современных технологий поднять его кандидатский рейтинг на высокую отметку зависело лишь от размера вложенных финансовых средств.

Подобные рассуждения на некоторое время приободрили Лимонова. Но, поразмыслив, он понял, что даже в этом случае ему все равно придется уничтожить любые улики, свидетельствующие о его сотрудничестве с Борисом Осиновским.

Он не находил себе места до тех пор, пока не появился Скворцов.

— Что случилось, шеф? Почему такая спешка? Мне пришлось отменить свидание с нашим информатором, — сказал он.

— К черту информатора, Миша. У нас есть дела поважнее.

— Но ведь это тоже важно. Помните, я сказал вам, что Комбат ищет человека, снявшего компромат на Костикова? — Лимонов молча смотрел на Скворцова. — Так вот, фамилия этого человека Ростовцев. Игорь Ростовцев. Он проходил...

— Отлично, Миша, — грубо перебил его генерал. — Но теперь не до Ростовцева. Речь идет о нашей собственной жизни или смерти.

У Скворцова от удивления вытянулось лицо. Он видел, что Лимонов не в том настроении, чтобы шутить. Следовательно, дело в самом деле серьезное.

— Что случилось, шеф? — спросил он.

— Миша, я знаю тебя шесть лет. За это время мы прошли вместе огонь, воду и медные трубы. Поэтому только тебе я могу довериться, потому что

считаю самым верным своим помощником. — Скворцов был польщен таким отзывом о себе. — В ведомство спустили директиву раскрутить очередной «процесс над ведьмами». Команда исходит, по-видимому, с самого верха. После известных тебе событий на юге Главный и сам сейчас под прицелом, поэтому не посмеет ослушаться. А ситуация складывается таким образом, что под обстрелом могут оказаться некоторые из наиболее ретивых олигархов, в том числе Осиновский. А что случится, если ко дну пойдет огромный «Титаник»? Случится то, что в огромную воронку следом за собой он потащит все мелкие плавсредства, находящиеся поблизости. Уловил мою мысль?

— Да.

— Что нужно предпринять тем, кто находится на борту? Им необходимо обрубить канаты и постараться отплыть как можно дальше в открытый океан. Потому что даже в океане есть спокойные острова с умеренным климатом.

— И вы хотите обрубить канаты?

— Верно, Миша, — ответил Лимонов, склоняясь над Скворцовым, сидевшим в плетеном кресле на огромной летней веранде. — Я решил обрубить канаты. Поэтому тебе предстоит небольшая командировка. Ты готов?

— Куда? — поинтересовался Скворцов.

— В Челябинск, куда же еще!

И Лимонов принялся инструктировать своего помощника, вводить в курс дела, которое тому предстояло выполнить в Челябинске. Напомнив Скворцову о своем разговоре с Костиковым в аэропорту Внуково, генерал просил на словах передать результаты криминалистической экспертизы анонимной записки, которая ничего не выявила.

— Что же касается конверта, то он действительно был отправлен из Москвы, — заключил Лимонов.

— Итак, вы хотите, чтобы я встретился с Костиковым?

— Совершенно верно, Миша. Ты должен встретиться с Костиковым и под любым предлогом изъять у него несколько весьма важных документов. Но самое главное — бумаги, подписанные Костиковым, Синовским и мной. Так называемый «тройственный пакт».

— А если Костиков не согласится? — предположил Скворцов.

— Он не может не согласиться, — ответил Лимонов. — К сожалению, по известным причинам я не могу связаться с ним по телефону. Но я напишу ему письмо и постараюсь убедить его в этом. Если он все же что-то заподозрит, тогда ты должен либо выкрасть бумаги, либо уничтожить. Я хочу быть уверенным, что бумаги не попали в чужие руки.

— Это весьма сложная задача, и выполнить ее будет не так-то просто, — сделал для себя неутешительный вывод Скворцов.

— Да, Миша, работать придется, что называется, по «красному коду». Но ведь нам это не впервой. Не так ли?

Понимая, что это слишком малое утешение, Лимонов поспешил отвести взгляд в сторону.

— Я бы и сам вместе с тобой полетел в Челябинск, но должен оставаться на месте, — сказал он, прохаживаясь на веранде. — Сегодня вечером Главный проводит совещание по поводу предстоящей свистопляски с «ведьмами». Вдруг я понадобится? Мне позвонят, а меня не окажется на месте. Я даже водителя просил никуда не отлучаться.

— Мне нужно вылететь в Челябинск сегодня?

— Чем скорее, тем лучше, — ответил Лимонов. — Сегодня, конечно, ты уже никак не улетишь. Последний рейс отбыл час назад. Поэтому ты полетишь первым рейсом завтра. Пойми меня правильно, Миша. Неизвестно, сколько времени у нас осталось в запасе. А ведь еще предстоит вычислить, кто из отдела сливает информацию начальству.

— Если хотите вычислить «дятла» в нашем отделе, советую обратить внимание на старательного и исполнительного помощника — Игнатова, — подсказал Скворцов. — За ним водится такой грех.

— Да, мне уже говорили кое-что об Игнатове.

— Вот и присмотритесь к нему повнимательнее. Это может оказаться весьма полезным занятием.

Скворцов встал из плетеного кресла, выражая намерение уйти.

— Если у вас все, шеф, то я, пожалуй, пойду, — сказал он. — Пока доберусь, пока соберусь...

— Да, Миша, это все, — ответил Лимонов. — Сейчас только напишу письмо для Костикова.

Он отсутствовал на веранде минут пятнадцать и вернулся обратно уже с письмом в руках.

— Билет в кассе забронирован на твое имя, — протягивая письмо, сказал Лимонов. — Вылет в пять сорок по Москве. Счастливо тебе, Миша. Держи меня в курсе. И еще...

Генерал посмотрел помощнику прямо в глаза. Он колебался, не решаясь высказать свою просьбу.

— Еще о чем-то хотите попросить, шеф? — высказал догадку Скворцов.

— Да, — наконец решился Лимонов. — Но это строго между нами. Уловил? Постарайся поподробнее разузнать там, на месте, у кого из кандидатов в губернаторы какие шансы занять этот пост.

— Ясно.

Они обменялись рукопожатием, и помощник покинул особняк.

Глава 11

Ранним утром по Волжскому бульвару шел среднего возраста мужчина. В его скуластом, немного вытянутом лице угадывались татарские черты. Истинный возраст мужчины выдавала седина, обильной паутиной покрывавшая виски. На нем были джинсового покроя черные штаны и пиджак-безрукавка поверх темно-зеленой тенниски с надписью «BOSS» на груди. Глаза закрывали очки с темными стеклами, а до самых бровей была натянута кепка цвета хаки с той же надписью, что и тенниска. Он нервничал и очень торопился, а потому не оглядывался назад и не смотрел по сторонам.

В город он приехал на автомобиле, который предусмотрительно оставил во дворе жилого дома в двух кварталах от того места, куда направлялся. Свернув во двор одного из домов, он направился к первому подъезду. Только на крыльце он обернулся и беглым взором окинул двор.

Войдя в подъезд, он заглянул в почтовый ящик с цифрой 17, но не обнаружил ничего интересного, поднялся по лестнице и нажал кнопку вызова лифта.

Это был Игорь Ростовцев. Он вышел на пятом этаже, бросил взгляд на площадку выше этажом, затем ниже этажом, вынул из кармана ключи и привычным движением открыл входную дверь в межквартирный коридорчик. Перед входной дверью в свою квартиру Ростовцев помедлил, прислушиваясь к тому, что творится за соседней дверью.

Но не успел он открыть дверь квартиры, как в соседних дверях показалось лицо соседки.

— Здравствуйте, тетя Даша, — бросил он ей через плечо.

Тетя Даша была приятно удивлена. Сосед не только первым заговорил с ней, но и обращался с некоторым почтением. Кроме того, она уже и не помнила, когда Ростовцев в последний раз называл ее по имени.

— Здравствуй, Игорек, — обрадованная такой переменной, в тон ему ответила соседка. — Ты откуда так рано?

Ростовцев промолчал. У него не было ни малейшего желания вести душещипательные беседы с пожилой соседкой-алкоголичкой. Он знал, что все они заканчиваются выклянчиванием денег на похмелку. Успев открыть входную дверь в свою квартиру, он уже собрался переступить порог.

— А знаешь, дня два назад тебя тут спрашивали, — сказала в этот момент соседка, заинтриговав Ростовцева.

— Искали? Кто? — спросил он.

— Мужчина, — ответила соседка. — Пример-

но твоего возраста, видный такой, спортивного сложения, — с нескрываемым восхищением добавила она. — Мне он очень понравился. Обходительный, разговорчивый и безотказный.

В последних словах угадывался явный намек соседки.

Между тем сам Ростовцев стоял перед открытой дверью квартиры с озабоченным выражением. Он не помнил среди своих знакомых и друзей мужчины, который бы соответствовал соседкиному описанию. Он также быстро смекнул, что «обходительный, разговорчивый и безотказный» купил соседку и она за определенную сумму сказала ему все, что он хотел.

— О чем он вас спрашивал, тетя Даша? — как можно учтивее спросил Ростовцев. На самом же деле внутри у него все затрепетало.

— Не о чем, а о ком, — поправила соседка. — О тебе он спрашивал, Игорек, о тебе. — При этом женщина ткнула указательным пальцем левой руки прямо в лицо Ростовцеву.

— И что же его интересовало обо мне?

Пожилая женщина поймала на себе пристальный взгляд Ростовцева, но тут же вспомнила, что незнакомец наградил ее сторублевкой, и сказала:

— Да черт его знает. Все что-то спрашивал, спрашивал, а о чем?..

Она развела руками, делая вид, что совершенно не помнит сути разговора с мужчиной. Но при этом она не преминула уколоть соседа тем, что незнакомец оказался щедрым человеком.

— Помню только, что поблагодарил меня и сунул в руки сто рублей, — сказала пожилая женщина и с хитрым прищуром взглянула украдкой на Ростовцева.

Мужчина сразу смекнул, что это камешек в его огород. Он никогда не отвечал на требования пьяной соседки дать денег на бутылку. Теперь он слушал пожилую женщину, хмурил брови и все больше мрачнел.

— И что же это за интересный рассказ, за который он выложил сто рублей? — еле сдерживаясь, спросил Ростовцев.

— О тебе, о твоих родителях, обо мне, о том, когда мы заселились и как дружно жили многие годы, — без всякой задней мысли ответила женщина.

Она надеялась, что хотя бы на этот раз сосед отблагодарит ее не на словах, а деньгами. Но стоило ей посмотреть в его глаза, как она испугалась. Они горели бешеной ненавистью. Пожилая женщина невольно попятилась к двери своей квартиры.

— Что ты ему еще наболтала, старая стерва? — сквозь зубы процедил Ростовцев.

— Ничего, Игорек, больше ничего, — лепетала пожилая женщина и пятилась, лихорадочно нащупывая дверную ручку.

Однако Ростовцев упредил ее намерение. Резко сделав шаг вперед, он ухватился за ворот ее халата и что было сил пригвоздил к закрытым дверям. От страха пожилая женщина не могла произнести ни слова. Открыв рот, она, будто под гипнозом, только смотрела немигающим взором широко открытых глаз.

— А про дом в Лыткарино сказала? — продолжал допрос Ростовцев.

Пожилая женщина отрицательно покачала головой.

— Точно?

Она кивнула в ответ, не сводя широко откры-

тых глаз с соседа. Он еще подержал ее некоторое время, испытующе глядя прямо в глаза, а затем отпустил и с брезгливостью отряхнул руки, словно держал в них самую большую мерзость на земле.

— Дерьмо, — процедил он. Голос его срывался от частого дыхания. — Не дай тебе бог в следующий раз совать нос в мои дела и разевать свою варежку. Отутюжу так, что врачи не заштопают. Поняла?

Пожилая женщина, вобрав голову в плечи, прижималась к двери и боялась пошевелиться.

— Поняла? — прямо ей в лицо рявкнул Ростовцев с лютой злобой.

Соседка часто закивала в ответ.

— То-то же, — Ростовцев удовлетворился ее ответом. — А теперь проваливай!

Услышав эти слова, пожилая женщина не заставила уговаривать себя дважды. Она с такой быстротой юркнула за дверь, как будто ее и вовсе не было в межквартирном коридорчике.

Помедлив, Ростовцев переступил порог собственной квартиры и закрыл за собой дверь на ключ. Он положил очки и кепку на тумбу зеркала и осмотрелся. Затем осторожно прошел по всей квартире, заглядывая в ванную, туалет, на кухню и в комнаты. Убедившись в отсутствии следов посторонних, а также в том, что все предметы и вещи в квартире находятся на прежних местах, он стал понемногу успокаиваться и приходить в себя.

Теперь Ростовцев сожалел, что так поступил с соседкой. Он погорячился. Он был уверен, что она проболтала незнакомцу о его тайном убежище — домике в Лыткарино. Но так ли это на самом деле — теперь трудно узнать. Пожилая

женщина, напуганная до полусмерти, не захочет говорить с ним и за тысячу рублей.

Он посмотрел на часы, но почему-то подумал о том, что неспроста его второй день не покидает предчувствие опасности. Все это время ему казалось, что вот-вот появится кто-то, кто захочет узнать, где находится дочь Костикова, а возможно, и заполучить оригинал и копии съемки. Ростовцев понимал, что, несмотря на предупреждение, Костиков рано или поздно пустит по его следу своих ищек. Похоже, он так и поступил. А если верить соседке, то ищейки оказались довольно ретивыми. Они слишком быстро сумели вычислить как самого Ростовцева, так и его место пребывания.

И только тот, кто сделал заказ на ролик, не давал о себе знать. Он позвонил от человека, которому Ростовцев доверял. Они встретились. Поначалу Ростовцев даже отказывался от предложения. Но, узнав, что незнакомец готов заплатить за десятиминутный ролик пятьдесят тысяч, согласился. Двадцать пять тысяч Ростовцев получил сразу, остальные должен был получить по окончании работы. Незнакомец сказал, что сам свяжется с ним. Но уже давно прошли все сроки, когда они должны были связаться и договориться об окончательном финансовом расчете и условиях передачи записей, а заказчик как в воду канул. Его электронный адрес в Интернете долгое время не отвечал, а потом и вовсе исчез.

Когда Ростовцев стал понимать, что кто-то сыграл с ним злую шутку, он запаниковал. Но паника быстро прошла. Сначала он навел справки о Костикове и узнал, что тот собирается стать губернатором. Ростовцеву нетрудно было сделать

вывод, что ролик с интимными сценами с участием дочери был заказан, чтобы скомпрометировать отца перед выборами.

Будучи человеком расторопным и осведомленным в подобных делах, он решил выгодно продать свой фильм. Естественно было предположить, что такой фильм мог заказать, скорее всего, конкурент Костикова. Не долго думая Ростовцев отправил послание по электронной почте в предвыборный штаб Спиридонова. В послании содержалась неременная просьба передать его лично в руки кандидату. Но ответа он так и не получил. То ли потому, что Спиридонов был слишком честным человеком (что маловероятно) и стремился победить конкурента без использования грязных технологий, то ли не хотел платить, то ли опасался провокации.

Правда, могла быть и еще одна причина. Свое предложение Ростовцев слегка завуалировал. Возможно, в предвыборном штабе Спиридонова просто не поняли, о чем идет речь, и решили не отвечать на послание. Но это же доказало Ростовцеву, что к заказу предвыборный штаб Спиридонова не имел никакого отношения.

Тот же результат ожидал его и после обращения в предвыборный штаб Рябцева — еще одного кандидата в губернаторы. Тогда он задумался. Время шло, выборы приближались. Ростовцев прекрасно осознавал, что, как только они пройдут, его фильм упадет в цене до нуля. Поэтому сразу же после первой попытки найти покупателя на фильм он предпринял вторую, затем третью попытку. Он искал в Интернете электронные адреса, зарегистрированные в Челябинске и Екатеринбурге, и забрасывал их почтовые ящики своими предложениями.

Ему долго никто не отвечал, пока совсем недавно не пришло послание, которое заинтересовало Ростовцева. С возможным покупателем они договорились встретиться в Интернете сегодня в девять часов утра по московскому времени. Вот почему Ростовцев так торопился. Ему нужно было попасть домой именно к девяти часам утра.

Он посмотрел на часы. Стрелки неотвратимо приближались к цифре 9. Однако в запасе оставалось еще немного времени. Помня о своем разговоре с соседкой, Ростовцев снял трубку телефона, набрал знакомый номер и дождался, пока ему ответят.

— Это я. Узнал? — без лишних предисловий спросил он у своего невидимого собеседника на противоположном конце провода и тут же обратился с просьбой: — Мне может понадобиться твоя помощь... Человек пять, не больше... Туда же... Расценки прежние?... Хорошо, жду.

Повесив трубку телефона, он сел за стол, запустил компьютер и открыл необходимые окна для входа в Интернет.

На четвертый день после посещения ночного клуба Комбат с помощью Валдая уже знал точный адрес тайного убежища Ростовцева. Но он еще не знал, где находится девушка, дочь Костикова, точно так же как не был уверен и в том, что оригинал и возможные копии видеосъемки Ростовцев держит при себе. Он мог спрятать их где угодно. Поэтому Комбат собирался наведаться в Лыткарино, чтобы оценить обстановку и убедиться, действительно ли там прячется Ростовцев.

Комбат был готов даже к тому, что у Ростовцева могут оказаться собственные телохранители. Достав из потайного места пистолет ТТ, Комбат проверил наличие патронов в обойме и поставил на предохранитель. Спрятав оружие под рубашку за спину, он осмотрел себя в зеркало и уже собирался выйти, как в дверь неожиданно позвонили.

Комбат без раздумий открыл дверь. Перед ним стоял Янычар.

— Есть разговор, — без лишних предисловий и приветствий угрюмо буркнул парень и метнул быстрый взгляд за спину Комбата. — Ты один? — поинтересовался он.

Глаза верного подручного Валдая метали молнии. Не дожидаясь ответа, он вошел в квартиру и решительно захлопнул за собой дверь. Комбат видел, что парень чем-то сильно расстроен.

— Ты можешь объяснить, что случилось? — удивился Рубцов. — Тебя прислал Валдай?

— Нет, я пришел сам, — ответил Янычар, устремляя сердитый взгляд на Комбата.

Они испытующе посмотрели в глаза друг другу, и Рубцов понял, что причиной внезапного появления Янычара у него в квартире является не приказ Валдая, а нечто совсем иное — то, что вызывало у парня душевное расстройство.

— Я тебя слушаю, — сказал Рубцов, не сводя пристального взгляда с Янычара.

— Это правда, что ты встречаешься с Вероникой? — наконец спросил тот.

Поначалу Рубцов опешил. Он ожидал всего, но вопроса о Веронике, пусть даже от Янычара, никогда. Собранность отступила на задний план, Рубцов позволил себе расслабиться. Он даже был

готов улыбнуться. Но при виде угрюмой физиономии Янычара сдержал себя. Он знал, что какое-то время Вероника встречалась с телохранителем Валдая, что благодаря знакомству с ним попала на работу в ночной клуб и из-за него же потом оказалась на больничной койке с сотрясением мозга. Но девушка заверила его, что окончательно порвала с Янычаром.

Тем не менее Рубцов ответил вопросом на вопрос:

— А какое это имеет отношение к тебе, дружище?

— То, что ты тогда проучил недоумков Эдика-Спидвея, не дает тебе права спать с ней!

Внезапно Янычар пришел в ярость. От Рубцова не ускользнуло, что парень сжал кулаки и готов в любой момент броситься в драку. Но ему не нужна была эта драка, особенно здесь и сейчас.

— Вот оно что, — совершенно мирным тоном произнес он. — Но то, что она когда-то встречалась с тобой, тоже не дает никаких оснований. Тем более что из-за тебя она попала в больницу.

— Ты и об этом знаешь?

— Послушай, Алеша, что я тебе скажу. — Комбат сознательно назвал Янычара его настоящим именем. Он держался с парнем уверенно и спокойно, а потому несколько покровительственно. — Твои нападки и обвинения абсолютно беспочвенны. Кроме того, ни ты, ни я не имеем права решать за Веронику. Каждый человек имеет свободу выбора, и он делает этот выбор. Вероника — вполне самостоятельный взрослый человек. У нее своя голова на плечах имеется. Почему ты решил, что имеешь право думать за нее? Полагаю, она сама о себе подумает.

Однако Рубцов не переубедил Янычара. Парень по-прежнему метал молнии и был настроен весьма враждебно.

— Оставь ее в покое! — потребовал он. — Ты же ей в отцы годишься!

Рубцов остался при своем мнении. Но он последовательно придерживался заранее избранной тактики.

— Хорошо, Алексей, я обязательно поговорю с Вероникой и скажу, что мы не можем с ней больше встречаться по причине значительной разницы в возрасте. Идет? — ответил он.

Янычар холодно взглянул на Комбата. Нетрудно было догадаться, что он не верит ни одному услышанному слову и подозревает некий подвох.

Они стояли друг против друга в прихожей, испытующе глядя друг на друга, и молчали. Их разделяло пространство в один шаг. Но Янычар не осмеливался первым начать то, что должно было стать логической развязкой любой подобной встречи. Комбат же старался сделать так, чтобы избежать потасовки.

Напряженность между соперниками возрастала, накаляя и без того тяжелую атмосферу. Известно, чем бы все закончилось, если бы в квартире не зазвонил телефон.

Услышав звонок, ни Комбат, ни Янычар даже не шелохнулись.

— Ты не снимешь трубку? — с мрачным видом спросил Янычар.

Не сводя с него глаз, Комбат протянул руку и наугад снял трубку.

— Да.

— Ой, как хорошо, что я тебя застала дома, — он узнал голос Вероники.

— Да. — Его голос прозвучал довольно холодно, и девушка поняла, что Рубцов не может с ней говорить.

В трубке повисла непродолжительная пауза, в разговоре на мгновение возникло замешательство.

— Ты не один? — догадалась Вероника.

— Да, — по-прежнему односложно отвечал Рубцов.

— Ты не можешь говорить? Кто с тобой? — стала допытываться Вероника, а затем вдруг сказала: — Слушай, я приеду к тебе сама. Постараюсь к часу или двум. Мне нужно с тобой посоветоваться.

— Нет, я позвоню позже... Где-нибудь ближе к вечеру. Не возражаешь? Пока. — Не дожидаясь ответа, он положил трубку.

— Это была она? — Янычар пристально смотрел на Комбата.

— Кто? — спросил Рубцов.

— Не притворяйся, Комбат. Ты прекрасно понял, о ком я говорю.

— Нет. Это был один мой приятель. Мы вчера договаривались с ним на партию в бильярд.

— Ты лжешь! Это была она. — Глаза у парня горели, как у безумного. Понятно было, что в таком состоянии его нельзя было оставлять без присмотра. Он вполне мог натворить таких глупостей, о которых потом сам же будет сожалеть.

Внезапно Янычар заскрежетал зубами и с диким рыком набросился на Комбата. Несмотря на всю свою выдержку и мгновенную реакцию, тот не ожидал такого поворота. Янычар схватил Комбата за горло, придавил к стене и стал душить. Но у Комбата оставались свободными руки и ноги. Напрягая мышцы шеи, он ловко про-

дел свои руки снизу вверх между рук Янычара, схватил парня за плечи, привлек к себе, сильно ударил лбом по носу, а затем резким рывком развел руки в стороны и освободился от удушающего захвата. Не оставляя противнику времени на раздумье, Комбат в следующий момент нанес ему несколько ответных ударов — коленом в живот, ладонью по плечевой мышце и тыльной стороной ладони в горло.

Черета молниеносных ударов достигла своей цели — Янычар распластался на полу у ног Комбата.

— Я не хотел доводить наш разговор до этого, — сказал Рубцов сквозь прерывистое дыхание. — Ты сам нарвался на грубость.

Янычар перекачивался с боку на бок, хрипло стонал и размазывал ладонью кровь по лицу.

— Послушай, давай обсудим это дело в другой раз и в другом месте, — снова принялся уговаривать его Комбат. — Сейчас тебе лучше поехать домой и хорошенько подумать о том, о чем я только что говорил. Нужно время, чтобы во всем разобраться. Я обещаю, что не буду встречаться с Вероникой. Но и ты дай слово, что будешь держаться от нее подальше. Идет? Только сначала зайди в ванную и умой лицо.

Парень тем временем сел на полу и прислонился могучей спиной к двери в ванную. С кривой миной на лице и негромкими стенаниями он продолжал размазывать кровь и потирал больные места — живот, шею и горло. Однако он нашел в себе силы, чтобы пригрозить Комбату:

— Запомни, Комбат, если она не будет со мной, она не будет ни с кем. Запомни это раз и навсегда.

Его решительный настрой свидетельствовал

о том, что это не простая угроза. Парень был готов осуществить ее в любую минуту. Комбат понимал, что должен как-то переубедить парня, но в подобном состоянии тот не воспринимал нормальных слов.

Янычар поднялся во весь рост, метнул на Комбата угрюмый взгляд, а затем резко повернулся и, пошатываясь из стороны в сторону, вышел из квартиры.

— Эй, подожди! — Комбат вслед за ним убежал на лестничную площадку.

Но парень не слушал его. Он почти летел по лестнице вниз, перепрыгивая через целые лестничные пролеты.

Рубцову оставалось лишь проводить его взглядом. Когда раздался знакомый скрип входной двери в подъезд, недоброе предчувствие кольнуло его в самое сердце. Он метнулся обратно в квартиру, бросился к телефону и набрал номер Валдая.

— Это Комбат, — сказал он, как только прекратились гудки вызова.

— Что случилось, Комбат? Почему ты звонишь в такую рань? — недовольно пробурчал Валдай.

— Я беспокоюсь за Янычара, — сказал Рубцов. — Парень не в своем уме. В таком состоянии он может натворить беды.

— Ты его видел? — начинал соображать Валдай. — Где?

— Он приходил ко мне и только что ушел, — ответил Рубцов.

— Разговор был о Веронике? — спросил авторитет после недолгой паузы.

— Да, — не без удивления ответил Рубцов.

— Где он?

— Только что ушел. Вернее, убежал, — отве-

тил Рубцов. — Я пытался его остановить, но...

— Я пошлю за ним своих ребят. Скорее всего, он направился к Веронике. Такое происходит не впервые. Парень крепко запал на нее, — объяснил Валдай. — Знал бы, что такое может случиться, я бы раньше предупредил тебя. Но ни о чем не думай и спокойно занимайся своими делами. Ты уже был в Лыткарино?

— Собирался выезжать.

— Хорошо. Поговорим позже.

Связь с Валдаем отключилась. Рубцов положил трубку телефона, осмотрелся и вышел из квартиры. После разговора и драки с Янычаром на душе остался неприятный осадок. Недоброе предчувствие, несмотря на твердые заверения Валдая, у него так и не прошло. Ему все время казалось, что случится беда.

Он спустился вниз, сел за руль и выехал на улицу Волгина. На перекрестке с Островитянова автомобиль свернул налево. У станции метро «Коньково» Рубцов на Профсоюзной улице свернул направо. Все время его не оставляли самые мрачные мысли и предчувствия. Поэтому он не стал у Жулебино сворачивать с кольцевой дороги на Лыткарино, а поехал по ней дальше, в направлении шоссе Энтузиастов.

Прошел еще час, пока он не оказался на улице Плеханова. Во дворе дома, где жила Вероника, Рубцов не увидел знакомый автомобиль «фольксваген-бора» и несколько успокоился. Значит, Вероники не было дома. Но чтобы убедиться окончательно, он поднялся на третий этаж и позвонил в квартиру. На его звонок никто не ответил. Он вернулся во двор, прошел вдоль дома, поглядывая на окна квартиры, в которой жила Вероника. По всей видимости, квартира пустовала.

Рубцов вернулся к автомобилю, сел за руль и тронулся в путь. Теперь он был уверен, что Янычар если и появится здесь, то не застанет девушку дома.

Аркадий Самойлов закончил сеанс связи по Интернету и поспешил на встречу с Панкратом. Молодой амбициозный адвокат, юрисконсульт, помощник и глава избирательного штаба в одном лице торопился сообщить авторитету сногшибательную новость. Теперь он имел полное право гордиться собой и доказать Панкрату, что не зря получает свою долю от прибыли уголовного. В последнее время тот только и знал, что упрекал его в бездеятельности. Но теперь он возьмет свои слова обратно. А если бы у Панкрата в наличии была совесть, то он обязательно попросил бы еще и прощения. Самойлов сумел раздобыть для него то, что поставит Костикова на колени и заставит просить пощады. Предугадывая развитие дальнейших событий в предвыборной кампании, Самойлов уже видел себя в кресле главы администрации.

Панкрат находился в своем излюбленном месте — загородном особняке на берегу Шершневского водохранилища. Меньше чем за час Самойлов домчался до дачного поселка, въехал во двор особняка и, прихватив кейс с бумагами, выбрался из машины. Затем он стремительно взбежал по ступеням и переступил порог роскошного жилища.

— Где Панкрат? — спросил он у одного из парней, постоянно торчавших в доме в качестве охранников.

Парень кивком указал на створчатую стеклян-

ную дверь, ведущую к летнему бассейну. Самойлов поспешил к авторитету. Он оказался на тропинке, ведущей к шикарному летнему бассейну с подогревом немецкого производства.

Авторитет нежился в чистой прозрачной воде, лежа на спине с закрытыми глазами.

— Панкрат! У меня для тебя кое-что есть, — поспешил обрадовать своего босса адвокат.

Панкрат не ответил. Он сохранял неподвижность. Казалось, никакие посторонние звуки не выведут его из состояния блаженства.

— Ты слышишь, о чем я тебе говорю? Костилов в наших руках. Я раздобыл убийственный козырь против нашего конкурента, — повторил Самойлов.

Молодого человека буквально распирало от самодовольства. Панкрат неохотно открыл глаза, перевернулся в воде, нырнул с головой и вынырнул у самого края бассейна. Расплескивая воду, он выбрался на берег, снял со спинки шезлонга роскошный бархатный халат белоснежного цвета и облачился в него. Удовлетворенно кряхтя и совершенно не замечая присутствия Самойлова, он взял полотенце и принялся тщательно вытирать лицо и волосы. Затем он приблизился к столику рядом с шезлонгом, распечатал литровую упаковку, налил себе стакан мультивитаминного сока и несколькими жадными глотками осушил его.

Все это время Самойлов стоял за столиком и молча наблюдал за его действиями. Опорожнив стакан, Панкрат поставил его на столик и поднял глаза на визитера.

— Угощайся, — неохотно предложил он, указывая на упаковку с соком, и потянулся за белоголубой пачкой сигарет «Parlament».

Адвокат не стал отказываться от угощения, налил себе сока и, пока Панкрат закуривал сигарету, сделал несколько глотков.

— Так что там с Костиловым? — Панкрат удобно устроился в шезлонге и выпустил струйку голубого дыма. — Ты добазарился с ним насчет стрелки? — поинтересовался он.

Уравновешенное поведение и медлительный тон авторитета свидетельствовали о том, что он пребывает в хорошем расположении духа.

— Нет, — ответил Самойлов. — Но я принес тебе превосходную новость.

— Неужели?

— Не иронизируй, Панкрат. Сначала послушай, что я тебе скажу.

— Ты лучше вот что скажи мне. Когда добазаришься насчет стрелки с Костаном? — стоял на своем авторитет.

— Тебе не понадобится идти с ним на стрелку, когда ты узнаешь то, что я скажу, — сказал Самойлов. — Мы вот так держим Костана. — Он стиснул кулак, демонстрируя, как крепко держит невидимого соперника за самое горло.

— Неужто ты что-то пронюхал про его разлюбленную дочурку? — с заметной долей иронии предположил авторитет.

— Не в бровь, а в глаз, — согласно кивая головой, подтвердил адвокат.

— Что? Я прав? — удивился собственной догадливости Панкрат. — И где же этот сучара ее прячет? — спросил он, получив от Самойлова молчаливое подтверждение своим словам.

— Он ее не прячет, — ответил адвокат. — Похоже, юная стервочка преподнесла любимому родителю предвыборный подарок, да такой, что ему теперь еще долго придется отмалчиваться и не

показывать носа на людях. Проще говоря, дочурка подложила папаше свинью.

— Ты в своем уме, Чебурек?

— Не волнуйся, кому, как не тебе, знать, что с головой у меня все чин чинарем. — Возможно, девчонку и похитили, — продолжал Самойлов. — Но при этом ее использовали для того, чтобы смастерить смертельную бомбочку для Костана.

— Ты долго будешь говорить своими компьютерными ребусами? Объясни толком, что все это значит?

— Вот, полюбуйся, что у нас есть. — Самойлов открыл кейс, извлек оттуда лист бумаги и протянул Панкрату.

Это была компьютерная распечатка — снимок, сделанный из того самого порнографического ролика, оригинал и возможные копии которого Костиков хотел заполучить с помощью Валдая и за которым теперь охотился Комбат.

— Мужик натягивает бабу. И что в этом такого? — Панкрат положил распечатку на столик и вопросительно уставился на адвоката.

— Во-первых, не мужик бабу, а парень девушку, — уточнил тот. — А во-вторых, эта девушка — Марина, дочь Костана.

Услышав это, Панкрат снова обратился к распечатке, принялся рассматривать ее более внимательно.

— В-третьих, это всего лишь предложение, своего рода рекламный снимок с видеofilьма, — продолжал Самойлов, указывая на распечатку и неотрывно следя за реакцией Панкрата. — И, в-четвертых, он существует на самом деле, и нам предлагают его купить. Кстати, все благодаря компьютеру, которому ты не доверяешь.

— Не доверяю и никогда не буду доверять. — Панкрат погасил окурок в пепельнице и оторвал взгляд от снимка. Он задумчиво уставился в пространство перед собой, ни на чем конкретном не сосредоточивая внимания.

Самойлов смотрел на босса и хранил молчание, прекрасно понимая, что тому необходимо хорошенько подумать для принятия ответственного решения.

Он терпеливо ждал. Однако пауза затягивалась, а Панкрат так и не проронил ни слова, по-прежнему рассеянно глядя перед собой.

— Что скажешь, Панкрат? — наконец решился напомнить о своем присутствии Самойлов.

— Аркаша, ты хоть иногда подвергаешь себя самокритике? — спросил авторитет.

— В каком смысле? — Неожиданный вопрос застал Самойлова врасплох.

— Ты хотя бы изредка задаешь себе вопрос: правильны ли мои действия?

Несмотря на то что авторитет говорил с недоверием, внешне он оставался совершенно спокойным и рассудительным. И Самойлов понял, что благодарности от него он не дождется. Впрочем, как не услышит и извинений.

— К чему эти дурацкие вопросы, черт побери! — не сдержался адвокат. — Критика, самокритика... Ты еще спроси, хожу ли я в церковь и на исповедь к священнику по воскресеньям? Я отвечу тебе, Панкрат: нет, я не хожу к священнику. И знаешь почему? Потому что последние два месяца вкалываю как проклятый. Мотаюсь по всей области, устраиваю выступления на радио, телевидении, договариваюсь об интервью в газетах, организую собрания, слежу за распространением рекламы, контролирую твои финансовые

счета. А эта работенка похлеще чистки Авгиевых конюшен, смею тебя заверить! И все это для кого? И ради чего? Для тебя. Ради того, чтобы ты был избран губернатором. И что получаю взамен? Сплошные обвинения и упреки? Так, может, мне вовсе собрать свои монатки и... на все четыре стороны? Скажи, я не обижусь.

Самойлов вскочил со стула и, сунув руки в карманы брюк, стал нервно прохаживаться вперед и назад. За годы знакомства с ним Панкрат впервые видел его в таком состоянии. Но и сам Самойлов через минуту сожалел, что сорвался.

— Успокойся, Аркаша, не кипятись, — попросил Панкрат, пораженный такой внезапной переменой в поведении адвоката. — Садись. Давай поговорим спокойно. У нас с тобой никогда еще не было ни одной неразрешимой проблемы. И в этот раз не стоит пылить по пустякам и размениваться на мелочи.

— Ладно, я готов тебя выслушать, — согласился Самойлов. — Только на мои аргументы отвечай обоснованными контраргументами. Потому что это, — Самойлов указал на фотораспечатку, — очень веский аргумент в нашей игре против Костана. Если забашлять кому надо и показать по ящику, о Костане как о сопернике в губернаторы можно забыть. А все эти спиридоновы, рябцевы, соколовские и прочая братия — мелкая плотва на фоне золотистого карпа.

— А золотистый карп — это я? Что ж, неплохо, — отозвался Панкрат, получив утвердительный ответ. — Но вот мои контраргументы. Первое. Ты притащил фотку, которую, как я понимаю, срисовал с компьютера. Так?

— Да. Но учти, это не просто фотка. Это плен-

ка, съемка телекамерой, — напомнил Самойлов.

— Хорошо, будь по-твоему. На ней дочка Костана кувыркается с каким-то белобрысым.

— Нам он до фени, — не удержался адвокат.

— погоди, дай сначала мне высказаться, потом изложишь свои соображения, — остановил его Панкрат. — Но ведь это компра не на Костана, а на дочку Костана. Понимаешь? А на кой она нам упала? Вот если бы ты притащил такую же телегу, но с участием самого Костана...

— А разве это ничего не говорит о моральном облике самого Костана? — снова не выдержал Самойлов. — Если собрать пару-тройку пикантных подробностей из жизни основного претендента на пост губернатора, а в конце подтвердить их кинозарисовкой о его похотливой дочери, это вызовет взрыв. Соображаешь?

— Соображаю, — согласился Панкрат. — Хорошо, будь по-твоему. Но... Второе. Ты уверен, что это оригинал, а не подделка? Третье. Ты знаешь того, кто пытается всучить нам эту стряпню? Ты ему доверяешь? Четвертое. А что если это обычная провокация? Что если во всем этом есть тайный умысел, с помощью которого хотят подставить меня, а не Костана? И пятое. Сколько они требуют за эту чернуху?

— Нет никаких «они», — ответил Самойлов. — Есть только «он» — автор и владелец фильма. Он запросил у меня пятьдесят тысяч наличными. Он ищет покупателя на фильм, а потому и вбросил свое предложение в Интернет дней десять назад. Парень, по всей видимости, с головой. Он разослал свое предложение в почтовые ящики всех пользователей в Челябинске. Так что, может быть, ему ответил не один я.

— А кто еще?

— И Спиридонов, и Рябцев, и даже сам Костан, — объяснил Самойлов. — Пока цена держится на пятидесяти штуках. Но если помедлим с ответом и кто-то из других кандидатов тоже проявит заинтересованность в фильме, начнется аукцион. Тогда цена может подскочить на два-три порядка. Во всяком случае, одного потенциального покупателя я уже знаю.

— Думаешь, Костан клюнет на это?

— Уверен.

— Но только в том случае, если фильм не подделка и не провокация. Все выходит очень уж гладко, — задумчиво произнес Панкрат. — Особенно для меня, не привыкшего доверять информации, полученной с помощью новомодных штучек.

— Ты отказываешься использовать такой шанс? — удивился Самойлов.

— Я не говорю категорично «нет», — ответил Панкрат. — Держи с ним связь, торгуйся. Потребуй доказательств подлинности фильма. В общем, потяни время.

— А если опоздаем? Если он войдет в контакт с кем-то еще?

— С кем? Неужели ты думаешь, что Спиридонов отстегнет пятьдесят кусков за эту хреновенькую? Или, может, Рябцев с Соколовским? Остальные же имеют только крохи от Избиркома. Даже если сложатся, все равно не потянут. При всем своем уважении к тебе, Аркаша, скажу, что я не стал бы связываться с человеком, которого не знаю.

Самойлов пал духом. Он старался скрыть это от Панкрата, но втайне осознавал, что авторитет опроверг его по всем пунктам.

— Ты действительно много и с большой отда-

чей поработал в последнее время, — словно угадав настроение адвоката, сказал Панкрат. — И как только мы покончим со всем этим, уйдешь в отпуск.

Он встал с шезлонга, взял со столика сигареты, закурил, пристально посмотрел на Самойлова и сказал:

— Что же касается стрелки с Костаном... Обязательно позвони и договорись. Если заартачится, найди убедительную причину. К примеру, предложи взглянуть вот на эту картинку. — И он указал на снимок, принесенный Самойловым.

Самолет из Москвы приземлился в аэропорту Челябинска в половине двенадцатого дня по местному времени. Моросил мелкий дождь, окутывавший все видимое пространство туманной пеленой. Скворцову вдруг показалось, что ему пришлось совершить путешествие во времени и из теплого лета переместиться в зябкую осень.

Из аэропорта он направился в город, добрался до центра и снял номер в гостинице. Это оказалась не очень удобная комната на двоих, зато с видом на реку Миасс. Потом он спустился в ресторан при гостинице и пообедал. Хотя погода не располагала к ознакомительным прогулкам по городу, Скворцов, исполняя предписание Лимонова, все же покинул гостиницу и отправился бродить под дождем.

За годы службы в Генпрокуратуре Скворцову довелось побывать в разных российских городах. Был он и на Урале. Но вот в Челябинске оказался впервые. На городских улицах, в витринах крупных и мелких магазинов, у культурных заведений

и на рекламных щитах видны были приготовления к грандиозному событию в политической жизни города. Это были портреты кандидатов в губернаторы, рекламные плакаты с предвыборными лозунгами и призывами. В одних местах портреты и плакаты одного кандидата были наклеены на портреты и плакаты соперника. В других местах предвыборное соперничество выражалось в срывании, а то и просто закрашивании портретов конкурентов. Из всего этого пестрого хаоса своим изобилием резко выделялась реклама только одного человека — Олега Костикова.

Ознакомительную прогулку по городу помощник генерала Лимонова решил закончить посещением предвыборного штаба Костикова. По местному времени уже был четвертый час. Скворцов подумал, что обязательно застанет либо самого Костикова, либо кого-нибудь из его помощников. Он вернулся в гостиницу, поднялся в свой номер, прихватил в качестве верительной грамоты письмо своего шефа, адресованное Костикову, и снова вышел под морозящий дождь.

Предвыборный штаб Костикова располагался в офисе по улице Цвиллинга. Как объяснили Скворцову, это было всего в двух-трех кварталах от гостиницы. Поэтому помощник генерала Лимонова в качестве способа перемещения снова избрал пешую прогулку.

Через полчаса Скворцов стоял перед солидным административным зданием в четыре этажа на улице Цвиллинга. Здание было старое, возводилось еще во времена первых пятилеток, а потому сохранило помпезные атрибуты архитектурных украшений минувшей эпохи. По соседству с административным зданием находился местный Театр оперы и балета, внешний вид ко-

торого свидетельствовал о присутствии в городе вездесущего бедствия последнего времени — социального неравенства.

По обе стороны от главного входа крепились вывески с названиями организаций и фирм, имевших здесь свои офисы. Отдельным порядком располагались объявления о двух предвыборных штабах — Костикова и Рябцева.

В холле к Скворцову вальяжной походкой приблизился молодой человек в форме и погонах сержанта милиции. Преградив путь, он начал спрашивать, куда и с какой целью тот направляется. Но стоило ему увидеть служебное удостоверение Скворцова, как он тут же подтянулся. Узнав, куда идет Скворцов, он даже вызвался его проводить.

В избирательном штабе Костикова было немногочисленно. Заметив посетителя, к Скворцову быстрым семенящим шагом подошел мужчина в очках с внешностью старшего бухгалтера. Ему было явно за сорок. Скворцов поймал себя на мысли, что если бы этот человек любил и по достоинству ценил лоск, то непременно имел бы успех у женщин. Внешне мужчина хорошо сохранился и был довольно привлекателен, несмотря на близко посаженные глаза и жесткий рот.

Это был Андрей Сазонов, глава предвыборного штаба Костикова. Оказавшись рядом со Скворцовым, Сазонов нацепил дружелюбную улыбку и едва заметно кивнул головой.

— Добрый день! Я вас слушаю.

— Здравствуйте, — последовал ответ. — Моя фамилия Скворцов. Я по важному делу к Олегу Геннадьевичу. Он здесь?

Дружелюбная улыбка на лице Сазонова постепенно исчезла. Он поправил очки на носу и оки-

нул собеседника испытующим взором, в котором одновременно угадывались заинтригованность и настороженность. Из короткого с ним общения Скворцов сделал вывод, что перед ним очень осторожный человек.

— А по какому вопросу, разрешите узнать? Может, я смогу вам помочь? — поинтересовался он.

— Нет, мне нужен Костиков лично, — стоял на своем Скворцов.

— Извините, но Олег Геннадьевич сегодня очень занят и вряд ли будет принимать посетителей, — сказал Сазонов. — Если вы хотите поговорить непосредственно с ним, то зайдите завтра.

Он протянул руку, чтобы взять Скворцова за локоть и проводить до выхода. Но в этот момент дверь громко распахнулась, и из кабинета, в котором, по всей видимости, находился Костиков, вышел молодой человек и, ни на кого не взглянув, быстро прошествовал к выходу.

Это был Самойлов, адвокат Панкрата. Позабыв о Скворцове, Сазонов напряженным взглядом проводил молодого человека, а затем бросился к двери, из которой тот только что вышел, и чуть не столкнулся с Костиковым. Скворцов сразу узнал его. Костиков был чем-то расстроен. Он обливался потом, его тучное лицо покрывали розовые пятна. В руке Костиков держал смятый лист бумаги.

— Что он от вас хотел? — стал допытываться Сазонов, не обращая никакого внимания на присутствие Скворцова.

— Черт бы их побрал! — возбужденно ответил Костиков, глядя вслед молодому человеку. — На вот, полюбуйся! — Он протянул свое-

му помощнику смятый лист бумаги, который сжимал в кулаке. — Он все знает и требует, чтобы я встретился с Панкратом. Но я их послал...

Костиков осекся и замолчал. Только теперь он перевел взгляд на Скворцова, заметив присутствие постороннего. Сазонов тоже обернулся, вспомнив о нем. Возникла неловкая пауза, но Сазонов быстро нашелся и сказал:

— Молодой человек хотел поговорить с вами, но я перенес встречу на завтра.

— Здравствуйте, Олег Геннадьевич, — не обращая внимания на Сазонова, произнес Скворцов.

— Здравствуйте. Кто вы такой? По какому вопросу?

— Как для кого, — ответил Скворцов, подходя ближе. — Для меня — по служебному, для вас — по личному. Меня зовут Михаил Скворцов. Меня к вам прислал Лимонов.

— Господи! — со вздохом облегчения произнес Костиков и ухватился за руку Скворцова, как за спасательный круг. — Ну наконец-то! Проходите же в кабинет, проходите! — заторопился он. — Андрей Викторович, меня ни для кого нет, — бросил он через плечо своему помощнику. — Проходите, садитесь и рассказывайте, с какими новостями пожаловали.

Скворцов осмотрелся. Кабинет Костикова был точной копией большинства современных офисных помещений, в которых ему доводилось побывать: белые стены и белые подвесные потолки со скрытыми лампочками дневного света, белые жалюзи на окнах-стеклопакетах, черный письменный стол с компьютером, телефоном и факсом, черный офисный шкаф, стеклянный столик с ме-

таллическими ножками, кожаный диван и пара кожаных кресел, огромный вазон в одном углу комнаты и телевизор на черной тумбе в другом, а на покрытом лаком полу — палас цвета мокрого асфальта. Правда, Скворцов рассчитывал увидеть в кабинете Костикова предвыборный плакат во всю стену с личным изображением кандидата, но таковой отсутствовал.

Костиков усадил Скворцова в кресло, а сам удобно раскинулся на диване.

— Итак, говорите, зачем он вас ко мне прислал? — нетерпеливо допытывался Костиков, словно помощник генерала Лимонова должен был передать ему удостоверение на право губернаторства.

— Сначала я должен передать вам вот это. — Скворцов вынул из внутреннего кармана куртки письмо и протянул Костикову.

Тот поспешно развернул послание, принялся читать, но вскоре оторвался от бумаги и уставился на собеседника.

— Здесь сказано... Я ничего не понимаю... Это правда? — недоумевал Костиков, тыча в бумагу и барабаня по ней указательным пальцем.

— О чем сказано? — уточнил Скворцов.

— Об Осиновском!

— Окончательной ясности во всем этом деле нет, но похоже, власть действительно меняется, красные снова в городе, — в образных выражениях обрисовал ситуацию Скворцов.

— Понятно, — произнес Костиков, безвольно уронив руку на диван. — Больше Виктор ничего не просил передать?

— Вообще-то, генерал прислал меня к вам с довольно деликатной миссией, — сказал Скворцов. — Виктор Владимирович просит вас пере-

дать для него кое-какие документы, а также контракт, который он назвал «тройственным пактом».

— Вот оно что?! А я-то думал...

Растерянный и подавленный, он не способен был ни на какие активные действия. Скворцов видел перед собой смертельно уставшего человека. С последней их встречи неделю назад в аэропорту Внуково Костиков казался постаревшим лет на десять.

— Есть также сведения относительно дела, с которым вы приезжали в Москву, — Скворцов старался создать у Костикова иллюзию, что идет активный поиск его дочери и компрометирующей видеозаписи. — Не знаю, правда, насколько они будут утешительными для вас. По отпечаткам пальцев установить ничего не удалось, а конверт, как вы и предполагали, был отправлен из Москвы.

Костиков слушал Скворцова с совершенно отсутствующим взглядом. При этом он изредка кивал головой.

— Вы видели молодого человека, который недавно вышел отсюда? — спросил вдруг Костиков и пояснил: — Знаете, кто это? Чебурек! Подходящее имя для адвоката криминального авторитета, который рвется к власти, правда?

Скворцов хранил молчание. Будь у них открытый разговор равного с равным, он мог бы высказать Костикову несколько разумных мыслей, основанных на собственных наблюдениях и впечатлениях. Но поскольку их диалог больше походил на монолог, он предпочитал отмалчиваться.

— Похоже, этот стервец зря времени не тратя, — поворачиваясь с боку на бок, Костиков

старался поудобнее расположить свое брюхо, провисавшее на ноги и вызывавшее одышку. — Вырвал из Интернета похабную картинку, а теперь заявился ко мне и шантажирует, требует личной встречи.

Он неожиданно резво подался вперед, будто хотел вслух произнести новую мысль. Сопоставив известные ему факты, он понял, что поторопился и допустил большую оплошность, выставив за дверь Самойлова.

Удивительно, но Скворцов в этот момент думал о том же. Услышав об адвокате Панкрата, он сразу сообразил, что, приди он сюда часом раньше, возможно, и удалось бы заполучить бумаги, которые генерал Лимонов окрестил «тройственным пактом». Теперь же Костиков вряд ли захочет добровольно отдать едва ли не единственный свой козырь.

Костиков понимал, что теперь ему проще позвонить и согласиться на встречу с Панкратом, заключить с ним сделку, и тогда они поделят между собой власть в области. Ему уже осточертели бесконечные нервные трепки, сплошные волнения и переживания. Он жаждал спокойствия и тишины. Он был готов отказаться от всех высоких должностей, самых выгодных и прибыльных контрактов, если бы знал, что получит гарантированный ежемесячный доход и юридическую неприкосновенность. Он прекрасно осознавал, что ни Осиновскому, ни Лимонову, ни Валдаю нет до него никакого дела. Каждый из них имел собственный интерес в той сложной политической игре, в которую Костиков ввязался по своей глупости.

— Значит, Лимонову понадобился «тройственный пакт»? — Костиков вспомнил об основ-

ной цели, с которой Скворцов прилетел в Челябинск.

— Это конфиденциальный разговор, — ответил Скворцов. — Желательно, чтобы он происходил вне этих стен.

— Опасаетесь, что у них есть уши? — Впервые за весь разговор на лице Костикова появилась непринужденная улыбка. — Что ж, будь по-вашему.

Он поднялся и прошел к письменному столу. Скворцов внимательно следил за его действиями. Костиков взял со стола связку ключей, не спеша подошел к одному из шкафов, раздвинул папки, за которыми оказался потайной сейф. Он открыл его, извлек две тощие папки, а затем повторил проделанные операции в обратном порядке. Скворцов догадался, что это и есть те самые документы, о которых шла речь. Он надеялся, что сейчас бумаги окажутся в его руках и он спокойно сможет вернуться в Москву.

Но Костиков не торопился передавать документы. Он снова вернулся к столу, сунул папки в кейс и обратился к Скворцову.

— Вы где остановились?

— В гостинице, — ответил Скворцов, не отрывая взгляда от кейса.

— Когда собираетесь назад?

— Виктор Владимирович просил не задерживаться, поэтому как можно быстрее.

«Похоже, Витьке сильно припекло, раз его гонец так спешит вернуться обратно. Он и думать забыл о нашем деле, он больше печется о своей собственной шкуре», — подумал Костиков, а вслух произнес:

— Тогда предлагаю следующее. Сейчас отправимся в мой загородный дом, поужинаем, по-

говорим о делах, а вечером мой водитель доставит вас в гостиницу.

Скворцов ничего не ответил, но понял, что придется пойти другим путем или, как любил выражаться его шеф, действовать «по красному коду».

Скворцов нехотя подчинился Костикову. Они покинули здание, когда еще было далеко до вечерних сумерек. Над городом сгустились плотные дождевые облака, и автомобили двигались по улицам с зажженными фарами.

Как только серебристый джип «ниссан-патрол» отъехал от здания, опытный глаз Скворцова обнаружил, что за ними увязался темный джип «чероки». Он держался почти рядом. В транспортном потоке городской улицы их разделяли то рейсовый автобус, то какой-нибудь автомобиль. Когда же пошли городские окраины, то преследователь и вовсе отстал.

Скворцов сидел рядом с водителем, без всяких подозрений поглядывая в правое боковое зеркало заднего вида. Сначала он наблюдал за происходящим лишь в силу профессиональной привычки. Но когда тот же джип снова вынырнул рядом с ними из потока автомобилей уже на окраине города, он стал осторожно присматриваться.

— Олег Геннадьевич, вас сопровождает личная охрана? — спросил Скворцов.

— О чем вы говорите? У меня нет охраны. Кроме вот Сергея, — Костиков вспомнил о своем водителе. — А что такое? Почему вы заговорили вдруг об охране?

— Потому что за нами, похоже, следят, — объяснил Скворцов.

После этих слов водитель — крепкий парень

лет двадцати семи — тоже стал посматривать в зеркало заднего вида. Да и сам Костиков не удержался от искушения.

— Что вы только могли увидеть в этой неразберихе? Лично я ничего не вижу, кроме мельтешащих светлых точек, — сказал он.

— Нет, Олег Геннадьевич, за нами действительно хвост, — подтвердил водитель. — Если хотите, можем проверить.

— Да господи, перестаньте! Что вы в самом деле? Первый раз едем этой дорогой, что ли? Кому мы нужны?

— Не забывайте, сегодня вы выставили за дверь адвоката своего конкурента, — напомнил Скворцов то, о чем Костиков старался не думать. — Сергей, постарайся ехать не слишком быстро, — обратился он к водителю.

Водитель прислушался к совету, сбросил скорость и поехал медленнее.

— Похоже, это тот самый джип «чероки», который отъехал от вашего офиса сразу за нами, — сделал вывод Скворцов.

— Какая разница, что за автомобиль едет за нами — «чероки» или «Жигули»?

— Не скажите, Олег Геннадьевич, — ответил водитель. — Если это «чероки», то наверняка за нами следит Панкрат.

— Но с какой стати это должен быть Панкрат, пропади он пропадом?

— Один из головорезов Панкрата катается на джипе «чероки» темно-фиолетового цвета, — заметил водитель.

До Градского Прииска, где находился загородный дом Костикова, оставалось не более трех километров. Поток автомобилей в одном и втором направлении поредел, а вскоре трасса и вовсе

опустела. На ней оставались «ниссан-патрол», «чероки» и еще три-четыре легковых автомобиля, двигавшихся в том же направлении. Кости́ков, с трудом повернув шею, не отрывал взгляда от двух светящихся точек на трассе, следовавших за ними.

Внезапно расстояние между автомобилями стало стремительно уменьшаться. Джи́п преследователей, до того момента державшийся на почтительном расстоянии, прибавил скорости и быстро пошел на сближение. Водитель Кости́кова растерялся. Он поглядывал то на трассу, то в зеркало заднего вида. Стараясь трезво оценить обстановку, он пытался решить, как лучше поступить в создавшейся ситуации.

— Что будем делать? — так и не приняв решения, обратился он к своим спутникам.

— Прибавь скорости, — распорядился Кости́ков. — Мы должны оторваться от них. Скоро начнется жилой сектор, а там они вряд ли осмелятся на активные действия.

Водитель подчинился. Он надавил на педаль акселератора. Двигатель без всякого напряжения развил обороты, и стрелка на спидометре джи́па поползла к верхним отметкам скорости.

Скворцов молчал. Раньше ему ни разу не доводилось попадать в такие переделки с преследованием. Поэтому он старался исходить из конкретной ситуации. Но как можно было что-либо придумать, если не знаешь здешних окрестностей?

— Нет ли поблизости какой-нибудь объездной дороги? — наконец спросил он водителя.

— Нет, — ответил водитель, все чаще отрывая взгляд от трассы и поглядывая в зерка-

ло заднего вида. — Но скоро будет довольно крутой поворот. За ним буквально через полтора-два километра начинается пригород. Вот там есть возможность свернуть налево и направо.

Несмотря на то что водитель ехал на максимальной скорости, автомобиль преследователей не отстал. Даже наоборот, расстояние по-прежнему сокращалось. Джи́п «чероки» уже мчался по встречной полосе, и вскоре оба автомобиля ехали почти наравне.

— Что он делает, черт его побери! — с тревогой закричал Кости́ков.

В свете фар было видно, как густые потоки брызг из-под шин «ниссана» разбиваются о джи́п преследователей, а на лобовом стекле синхронно колышутся дворники. Оба автомобиля двигались по мокрому асфальту дороги плотно друг к другу и на такой бешеной скорости, что тревога Кости́кова невольно передалась и водителю, и Скворцову.

— Да что же это он такое делает? Угробить захотел и себя и нас? — продолжал нервничать Кости́ков. — Сергей, сбавь скорость, уступи этому идиоту, — распорядился он, подвинулся на сиденье влево и принялся нащупывать ручку стеклоподъемника. — Сейчас я скажу этому сукину сыну все, что о нем думаю, — пояснил он свое намерение.

Отвлеченный от трассы водитель только на миг обернулся, чтобы посмотреть, чем занят шеф. Он так и не успел сбросить скорость. Поэтому в тот момент, когда асфальтовая дорога резко ушла вправо и свет фар уперся в сплошную стену из еловых деревьев, джи́п «ниссан-патрол» двигался на прежней скорости.

— Смотри вперед! Осторожно! — крикнул Скворцов водителю.

Краем глаза он успел заметить, как отстал автомобиль преследователей.

— Тормози, Сергей! — заорал на водителя Костиков.

Атакованный с разных сторон паническим криком и предупреждениями, водитель потерял контроль над дорожной ситуацией. Вцепившись в руль и вывернув его вправо, он резко надавил на тормоз. Как только водитель резко вывернул руль вправо, автомобиль сначала послушно пошел в том же направлении. Ничего не предвещало трагедии. Но через миг джип опрокинулся, кувырком полетел в кювет и замер на левом боку в обильном облаке дыма и пыли недалеко от проезжей части.

Ровно урча двигателем, автомобиль преследователей остановился у самой обочины. За ним притормозил джип «опель» и два легковых автомобиля — «БМВ» и «мерседес». Те, кто находился в них, в свете фар хорошо видели всю картину произошедшего. Однако никто из них не торопился на помощь Костикову, его пассажиру и водителю. Лишь когда улеглась пыль, из переднего джипа «чероки» вышли двое плечистых парней. Они подбежали к автомобилю, потерпевшему аварию, осмотрели его со всех сторон и так же скоро вернулись обратно. При этом в руках одного из парней был кейс Костикова. Как только они забрались внутрь, автомобили стройной колонной помчались в обратном направлении.

От места катастрофы они отъехали не более трехсот метров, когда прогремел взрыв и над джипом взметнулось яркое пламя с черным едким дымом.

Глава 12

Проделав по кольцевой дороге обратный путь от шоссе Энтузиастов до Волгоградского проспекта, Рубцов за рулем «БМВ» миновал Жулебино, свернул на рязанскую дорогу и взял курс на Лыткарино. Он неотрывно следил за дорогой и размышлял над неприятной сценой в своей квартире. Неожиданный приход Янычара и выяснение отношений испортили Рубцову настроение. Конечно, он мог бы сходу выставить этого недоумка с вечно недовольной физиономией за дверь и забыть обо всем. Но в деле замешана девушка, которая стала ему очень дорога.

Раньше он испытывал непереносимое раздражение от присутствия постороннего человека в квартире, особенно если это была женщина. Ему все время хотелось поскорее избавиться от случайной знакомой после первой же совместно проведенной ночи. Но теперь в присутствии Вероники Рубцов не ощущал ничего подобного. Девушка излучала необъяснимую притягательность. За несколько дней, проведенных с ней, он впервые за многие годы задумался о возможном создании семьи. Он и словом не обмолвился об этом в разговорах, но тайне надеялся, что девушка сама заговорит об этом.

Лыткарино находилось в тридцати километрах от Москвы. Автомобиль «БМВ» миновал поселок Октябрьский и стремительно приближался к Островцам. Здесь по указателю следовало свернуть направо. Но за населенным пунктом у самой развилки Рубцов обратил внимание на припаркованный у обочины автомобиль «Москвич-4121» серого

цвета. У автомобиля был поднят капот. Водитель метался от багажника к двигателю. Он заглядывал под капот, но, по всей видимости, самостоятельно не мог разобраться в причине неисправности.

Завидев «БМВ», водитель «москвича» вылез из-под капота и выпрямился во весь рост. Когда автомобиль почти поравнялся с ним, он взмахом руки попросил остановиться. Рубцов притормозил и принял вправо.

Дальше произошло то, о чем Комбат не мог и мечтать. Как только лицо мужчины возникло в открытом окне передней правой дверцы, Рубцов сразу же опознал в незадачливом водителе Игоря Ростовцева. Имея феноменальную память на лица, он тут же вспомнил фотографию, которую неделю назад ему показывал Бенья.

«Невероятно! Должно быть, сегодня действительно удачный день! — не верил он собственным глазам».

— До Лыткарино не подбросите? — спросил Ростовцев, ничего не подозревая.

Он был без солнцезащитных очков, кепка на голове была повернута козырьком назад.

— А что случилось? — кивнул в сторону «Москвича» Рубцов.

— Да черт ее знает, — ответил Ростовцев, демонстрируя перепачканные смазкой руки. — Вроде все посмотрел. А она как заглохла, так и не завелась.

— Бензин есть?

— Да почти полный бак.

— Нужно было карбюратор почистить.

— Чистил. Да бог с ней, пусть стоит. Кому она нужна? Доберусь до Лыткарино, позвоню, пусть отправляют за ней эвакуатор из автосервиса. Так что, подвезете до Лыткарино?

— Чего спрашивать? Падай на сиденье, — ответил Рубцов.

— Вот спасибоочки, — забираясь на переднее сиденье, поблагодарил Ростовцев.

Рубцов включил передачу, и автомобиль тронулся в путь.

— Честно говоря, я не думал, что вы согласитесь взять меня, — признался Ростовцев.

— Это почему?

— В крутую машину в таком виде, — объяснил он, демонстрируя запачканную одежду и руки.

— А вы как бы поступили? — поинтересовался Рубцов.

— Глядя по обстановке, — после некоторой заминки ответил Ростовцев. — Вы дальнбойщик? — спросил он.

— С чего вы взяли?

— Принято считать, что на «БМВ» раскатывают бандиты, — ответил Ростовцев. — А ваша внешность на бандитскую не тянет.

Рубцов улыбнулся.

— Полагаю, если бы я «тянул» на бандита, вы бы не стали затрагивать эту тему. Ладно, а на кого я похож больше?

Ростовцев пристально всмотрелся в черты лица Рубцова.

— Вот сейчас, когда я к вам пригляделся, то уже не назвал бы дальнбойщиком, — ответил Ростовцев.

— Тогда кем же?

— Скорее, я отнес бы вас либо к военным, либо к летчикам гражданской авиации, — сказал Ростовцев.

— У! Bravo! — одобрительно отозвался Рубцов.

— Я угадал?
— Не в бровь, а в глаз. Попали в самую десятку.

— Вы летчик?
— Нет, я военный, — ответил Рубцов. — Правда, бывший.

— На пенсии?
— У вас, гражданских, это называется так, а у нас это называется уйти в запас, — объяснил Рубцов.

— Какая разница, как это называется? Тем более что назад вас уже не призвут, — Ростовцев придерживался собственной точки зрения и на этот счет.

— Это верно, но только отчасти. — А хотите, я попробую угадать, какого рода деятельностью занимаетесь вы? — решил он сменить тему разговора.

— Попробуйте, — согласился тот.

Рубцов с головы до ног смерил попутчика взглядом и снова обратился к дороге. Ростовцев с интересом смотрел на него, готовый выслушать свой словесный портрет от постороннего человека.

— Итак, вы не имеете никакого отношения к техническим специальностям, — начал Рубцов.

— Это потому, что не справился с автомобилем? — захохотал Ростовцев.

— И не только, — в том же духе продолжал Рубцов, не отрываясь от дороги. — Несмотря на то что ваши руки в черной смазке, глядя на них, я все равно бы ни за что не сказал, что это руки технаря.

Рубцов снова окинул попутчика критическим взглядом.

— Вы либо художник, либо фотограф, либо телеоператор, — сказал он и тут же поправился: — Хотя я могу и ошибаться.

Легкая улыбка исчезла с лица Ростовцева, выражение стало удивленным и настороженным. Даже если Рубцов не знал, кто находится рядом с ним, он сходу бы понял, что затронул тему, довольно щепетильную для собеседника.

— И на чем же основан подобный вывод, позволите полюбопытствовать? — пытаюсь скрыть свое истинное состояние, спросил Ростовцев.

— В моей догадке нет ничего удивительного. Просто вы очень похожи на одного моего знакомого. Как только я вас увидел, то обратил внимание на одно ваше качество, которое присутствует у него, — сказал Рубцов. — Вы обладаете особым взглядом.

— Каким?

— Сейчас поясню. Когда вы смотрите на другого человека, особенно незнакомого, то делаете это не так, как обычные люди. Вы смотрите, как будто выбирая подходящий ракурс для съемки, — ответил Рубцов. — Отсюда мой вывод.

Краем глаза он заметил, как насторожился Ростовцев. На миг Рубцов даже пожалел, что затеял подобную игру с отгадыванием профессии. Но он быстро нашелся и прибавил:

— Правда, я допускаю значительную долю погрешности в своем предположении. У меня небольшой опыт общения с людьми подобного рода занятий. Поэтому с такой же уверенностью я могу предположить, что вы работаете учителем или преподавателем.

— Да нет, bravo. Вы почти точно определили мой род занятий, — без прежнего оптимизма от-

ветил Ростовцев. — Я действительно телеоператор, но, как и вы, бывший.

— Значит, я угадал, — как ни в чем не бывало произнес Рубцов. — Выходит, мой сосед не подвел меня.

— Какой сосед?

— У меня есть сосед. Он фотохудожник, и вы с ним похожи.

Было видно, что Ростовцев не удовлетворен таким объяснением. Он угукнул что-то нечленораздельное, согласно кивнул головой, затем прильнул к окну, словно пытаюсь запомнить подробные детали мелькающего вдоль дороги пейзажа.

Некоторое время они ехали в полном молчании. Но Рубцову хотелось разговорить Ростовцева, узнать хотя бы что-нибудь полезное.

— Вы живете в Лыткарино или, как и я, на отдых? — нарушив молчание, спросил Рубцов.

— Нет, у меня здесь дом, — ответил Ростовцев и сразу спросил: — А вы отдыхать?

— Мне приятель сказал, что здесь отличная рыбалка. Он рыбачил здесь в прошлом году. Как вы относитесь к рыбалке? Подтверждаете эти слухи?

— Не могу сказать ничего определенного, — ответил Ростовцев. — Я не отношусь к числу заядлых рыбаков. Столько времени уходит на работу, что на активный отдых ничего не остается! А вы говорите — на рыбалку.

— Какая может быть работа, если вы сами сказали, что в настоящее время, как и я, в отставке? — поймал его на слове Рубцов.

Лишь на короткий миг Ростовцев растерялся, но тут же нашелся и ответил:

— Я имел в виду большую творческую рабо-

ту. Но художественные фильмы, музыкальные клипы и даже рекламные ролики уже в прошлом. Осталось снимать чужие свадьбы и юбилейные банкеты.

— И вы занимаетесь только этим? Странно, а мне казалось, что сегодня, как никогда, у человека вашей специальности появились невообразимые возможности для проявления одаренности. Не хочу вас обидеть, не знаю, насколько вы профессионал в своем деле. Но думаю, все зависит лишь от вас. По крайней мере, на приличный автомобиль вы бы заработали. Я говорил, мой сосед — фотохудожник. Совсем еще молодой парень. Однажды он пригласил меня на выставку. Признаюсь честно, я в этом ни черта не смыслю. Но я видел типов, выкладывавших баснословные суммы за картины и репродукции, которые я и бесплатно не повесил бы на стенку.

— Это потому, что вы ни черта в этом не смыслите, — сказал Ростовцев, повторив слова Рубцова.

— Нет, я понимаю там портреты, пейзажи — настоящие полотна, шедевры мирового искусства. Мне приходилось бывать и в Третьяковке, и в Художественном музее. Я видел Дрезденскую галерею. Но это...

— Вы не можете понять, почему люди выкладывают огромные деньги за современные картины? Да потому, что таким образом совершаются выгодные сделки. По большому счету, они просто-напросто вкладывают средства. И если эти вложения не принесут дивидендов им, то обязательно принесут доход наследникам. Они надеются, что пройдет некоторое время, и эти картины будут такими же шедеврами мирового искус-

ства, как экспонаты Третьяковки и Дрезденской галереи.

— В ваших словах есть доля истины, — сказал Рубцов.

— В моих словах вся истина, — не согласился с ним Ростовцев.

— Хорошо, пусть это долгосрочные вклады. Но ведь не может быть так, чтобы не было способа получить дивиденды не через пятьдесят лет после смерти, а уже завтра. Или тут я тоже не прав?

Ростовцев посмотрел на него с хитрым прищуром.

— Почему же? Отчасти правы, — ответил он. — Есть и в нашей профессии способы быстрого получения прибыли. Во времена перестройки мне довелось поработать в Америке. Надо вам сказать, там человек нашей профессии умеет работать.

— Так в чем же дело? Неужели нельзя перенять, как говорили раньше, передовой опыт западных коллег?

— О! — многозначительно произнес Ростовцев. — Это вопрос вопросов. После возвращения из Штатов я пытался наладить свою работу, следуя их методу.

— И что?

— Полнейший провал.

— Этого не может быть! — воскликнул Рубцов. — Возможно, вы не адаптировали их методы к нашим условиям. Вот и все.

— Ничего подобного, — ответил Ростовцев с ироничной улыбкой. — В конце концов я понял одну простую истину: чтобы выполнять ту же работу и получать те же деньги, нам следует либо забыть об их методах, либо кардинально из-

менить наши условия. У нас с вами, как и у всех наших соотечественников, совершенно иная психология.

— Да, но вы почему-то не пожелали остаться в той системе, а возвратились в эту, — заметил Рубцов.

— Я вернулся потому, что мои старики были больны и немощны и у них, кроме меня, никого не было, — возразил Ростовцев.

— Выходит, если я вас правильно понял, вы считаете нормальным, когда посторонние люди знают чужие секреты. А что если они захотят использовать их во вред тем, кому принадлежат эти секреты? Лично вы хотели бы, чтобы друзья, соседи, знакомые и просто посторонние знали ваши тайны и секреты? — продолжал возражать Рубцов, всячески стараясь заставить Ростовцева проговориться.

— Любой человек имеет право знать правду, — последовал ответ.

— Правду о ком?.. о чем? Правду о последствиях чернобыльской аварии? Или пикантные подробности из личной жизни министра юстиции и Генпрокурора?

— И то, и другое, и третье, — с невозмутимым видом ответил Ростовцев. — О Чернобыле мы имеем право знать по той простой причине, что мы граждане этой страны. Нам здесь жить, нашим детям здесь находиться. Поэтому мы не только имеем право, но и должны знать правду. Что же касается пикантных подробностей из личной жизни министров и прокуроров... Господи, да вы ведь сами понимаете. Они должностные лица, государственные мужи. То есть народные слуги. А у нас получается, что они государевы люди. Они стараются выслужиться перед госуда-

рем и чихали на народ. И это — ненормальная ситуация.

Рубцов не имел ничего против этого человека. Однако еще до встречи с ним у него сложилось негативное отношение как к нему самому, так и к тому, чем он занимается.

За разговором время пролетело незаметно. Вскоре впереди возникли городские окраины. Они въезжали в Лыткарино.

— Вас куда подвезти? — спросил Рубцов.

— Вообще-то мне нужно в автосервис, — ответил Ростовцев.

— Если исполните роль штурмана, то я могу подбросить вас до места назначения, — предложил Рубцов.

— Тогда поезжайте прямо, — сказал Ростовцев.

Лыткарино оказалось весьма сносным городком. Он мало чем отличался от провинциальных российских городов с населением в полсотни тысяч жителей. Здесь имелись как свои достопримечательности, так и значные места. В общем, это был маленький пруд с четко очерченными берегами и наличием подобающей рыбной иерархии. Здесь имелись свои крупные рыбы, свои хищники и мелкая плотва. Позже Рубцов узнал от Ростовцева, что Лыткарино имеет свою давнюю историю, которая начиналась в 15 веке, со времен первых московских великих князей.

Уладив дела в автосервисе, Ростовцев вернулся к автомобилю, в котором его дожидался Рубцов.

— Теперь мне нужно домой, — сказал он.

— Садитесь, я подвезу, — предложил Рубцов.

Видя, что Ростовцев не имеет особого жела-

ния продлевать совместное общение, Рубцов сказал:

— Хотя бы подскажите мне, где здесь можно остановиться. Надеюсь, в городе есть что-то вроде гостиницы?

— А разве ваш приятель вам ничего не посоветовал?

— Он был не один, а с компанией, — ответил Рубцов. — Они провели здесь всего три дня, жили автолагерем, а ночевали в палатках.

— Вам это не подходит?

— Я планировал провести здесь недельки две-три, — сказал Рубцов. — В палатке, конечно же, было бы романтичнее...

— Особенно в компании с прекрасной Афродитой, не так ли? — продолжил его мысль Ростовцев.

— Было бы неплохо.

И они оба рассмеялись.

Проделав недолгий путь, автомобиль оказался в центре Лыткарино. Они обогнули центральную площадь городка, свернули на одну из прилегающих улиц, проехали по ней не более трехсот метров и оказались перед невзрачной трехэтажной постройкой из кирпича. Надпись над входом свидетельствовала о том, что именно здесь находится местная гостиница.

— Вот, это и есть местная гостиница, — рекомендовал Ростовцев. — Так сказать, во всей своей красе.

— Ничего, я жил в куда более худших условиях. Ну, остается подбросить вас до дому. Потом я сниму скромный люкс в местном отеле и прогуляюсь к местам рыбной ловли.

Дальше Ростовцев отказался от услуг Рубцова. Он даже пытался выйти из автомобиля, ут-

вержда, что от гостиницы ему рукой подать до дому. Но Рубцов категорично возразил ему.

— Раз уж я пообещал подвезти вас до дому, то так и сделаю, — заявил он.

Ростовцев уступил настойчивости бывшего военного. От гостиницы они совсем недолго проехали по городским улицам, и Ростовцев попросил остановиться возле неказистого деревянного домика с ветхой крышей и накрененной изгородью по улице Коммунальной.

Увидев дом и название улицы, Рубцов сразу понял, что Ростовцев пытается ввести его в заблуждение. Он вспомнил, как соседка Ростовцева расписывала дом, построенный еще его отцом. Она говорила, что дом большой, кирпичный. А тут невзрачная деревянная постройка, похожая на пустующий сарай. К тому же на калитке дома, перед которым они остановились, красовалась цифра 15. Это были совсем не тот дом и не та улица, где на самом деле проживал Ростовцев. Рубцов хорошо запомнил адрес, полученный от Валдая: дом номер 13 по улице Речной.

Когда автомобиль остановился, Ростовцев поспешил выбраться наружу.

— Вот я и дома, — произнес он дежурную фразу, подобающую ситуации. — Огромное спасибо, что подвезли.

Ростовцев лицемерно улыбнулся.

— Было бы за что. Вам спасибо. — И Рубцов протянул руку для пожатия.

Поколебавшись, Ростовцев сделал то же самое.

— Мы с вами так и не познакомились, — как бы невзначай напомнил Рубцов. — Моя фамилия Рубцов. Борис Рубцов, — представился он и сходу спросил: — А вас как зовут?

— Игорь, — ответил Ростовцев, не называя своей фамилии.

Однако Рубцов, избравший для себя образ навязчивого собеседника, решил играть до конца.

— А фамилия у Игоря есть? — спросил он.

— Валиулин, — не моргнув глазом ответил Ростовцев.

— Приятно было познакомиться, Игорь Валиулин, — сказал Рубцов с холодной улыбкой.

— Мне тоже, — последовал ответ.

Рубцов развернулся и отправился в обратный путь. Пока автомобиль не исчез за поворотом, Ростовцев не тронулся с места.

Свернув с Коммунальной, Рубцов решил объехать частный сектор по прилегающим улицам.

После разговора с Ростовцевым на душе остался неприятный осадок. Раньше у него еще были какие-то сомнения по поводу причастности этого человека к съемкам скандального фильма, теперь же их совсем не осталось. Комбат был уверен, что находится на верном пути. То, что этот человек за все время общения ни словом не обмолвился о своей настоящей работе, говорило о многом.

«Этот парень — бессовестный циник, — подумал он, оглядываясь назад в зеркало заднего вида. — Вдобавок он большой трус. От такого можно ждать чего угодно».

Рубцов не мог не заметить, что Ростовцев слишком осторожен и чересчур осмотрителен. Это свидетельствовало о том, что он сильно боялся. Окажись на месте Ростовцева иной человек, в знак своей благодарности за оказанную помощь он непременно пригласил бы Рубцова зайти в гости на чашку кофе или чая. А узнав о том, что

Рубцов впервые находится в здешних местах, что он, скорее всего, предложил бы свои услуги в качестве экскурсовода.

За время поездки с Рубцовым Ростовцев ни разу не заикнулся о приглашении на кофе или чай. В конце концов он даже назвался чужой фамилией.

Из всех своих детальных рассуждений Рубцов смог вывести, что Ростовцев знал, кем на самом деле является человек, волей судьбы оказавшийся рядом с ним в определенном месте. Можно даже допустить, что он специально стоял у поворота на Лыткарино и дожидался Рубцова. Но тогда следовало продолжить цепь логических умозаключений и предположить, что кто-то снабжал Ростовцева подробными сведениями. И в этом не было ничего сверхъестественного. Такая догадка выглядела вполне правдоподобной, особенно после признания, сделанного Вероникой. Но отсюда можно заключить, что заказчиком компромата на Костикова выступала прокуратура. Потому что, по словам все той же Вероники, человек, приходивший к ней, представился работником именно этого ведомства. У Рубцова не было никаких сомнений, что тот же человек следил за ним в самый первый день.

Между тем в уме начинала вырисовываться примерная картина событий, к которым Ростовцев (теперь Рубцов был уверен в этом) имел самое непосредственное отношение. Тот, кто обратился к нему с просьбой снять ролик, компрометирующий Костикова, прекрасно знал его способности и характер. Он знал, что ради легких денег Ростовцев согласится на грязную работу.

И Ростовцев действительно согласился. Он

снял порнографический ролик и до наступления окончательной развязки затаился здесь, в своем доме в Лыткарино. Рубцов не сомневался, что сумеет заполучить от этого человека оригинал и копии видеосъемки. Но ему необходимо было также узнать, где находится дочь Костикова.

Глава 13

Генерал Лимонов провел бессонную ночь, разные тревожные мысли не давали покоя. Он размышлял о неожиданном служебном совещании, на которое не был приглашен. Он вспоминал свой разговор с генералом Тропиным и все думал о том, в какой степени может доверять и полагаться на меркантильного коллегу. Его волновала поездка Скворцова в Челябинск и тот результат, с которым она закончится. Недоумевая по поводу повышенного интереса со стороны своего ведомства к Борису Осиновскому, он думал о том стремительном взлете, который совершил этот человек от заведующего лабораторией системного проектирования в Институте проблем управления до всемогущего олигарха. Лимонов понимал, что если по указке сверху в его ведомстве действительно начнут раскручивать очередной «процесс над ведьмами», то Осиновскому уже не быть олигархом в этой стране. И тогда у него сам собой напрашивался вывод о том, что следует оставить надежду на успех Костикова на выборах. Без денег Осиновского ему не было никакого де-

ла до того, кто займет пост челябинского губернатора.

Все волнующие генерала проблемы, по большому счету, сводились к одной — беспокойству за свою дальнейшую судьбу. Он еще не знал, какое решение приняла коллегия на закрытом совещании. Казалось, не стоит беспокоиться раньше времени. Но многолетний опыт работы в прокуратуре научил его предугадывать ситуацию.

На следующий день он прибыл на службу как обычно, поднялся в свой рабочий кабинет. Не было никакого желания заниматься служебными делами. Голову переполняли недобрые предчувствия. Он взял со стола ежедневник, начал просматривать, но тут же отбросил в сторону и откинулся на спинку кресла.

Минуту спустя Лимонов потянулся к коммутатору внутренней связи и набрал номер служебного кабинета Трошина.

— Здравствуй, Леонид Михайлович, — приветствовал он коллегу, услышав знакомый голос. — Лимонов беспокоит.

Генерал старался говорить как можно более бодро.

— А, Виктор Владимирович! Привет, привет! — узнал его Трошин. — Ну, что скажешь?

Трошин ни под каким предлогом не стал бы откровенничать с ним по телефону, да еще внутриведомственному.

— Что я могу тебе сказать? Работаем, — прозвучал ответ.

— Это хорошо, когда есть чем заняться. — Трошин тяжело засопел в телефонную трубку. — А я вот перекладываю разные бумаги с места на место. Уже все шкафы забиты этими папками, а их все прибавляется.

— Компьютером надо пользоваться, создавать базу данных. Не понадобится ни папок, ни шкафов.

— Компьютерами пусть молодежь себе глаза портит, а я как-нибудь по старинке. Сколько мне осталось?

— Так, может, устроишь небольшой перекур? Я вот решил размяться. Не желаешь присоединиться? — предложил Лимонов.

— Я не курю, — возразил Трошин. — А вдыхать дым, когда ты не куришь, говорят, во много раз вреднее, чем курить сигарету.

Лимонов сердито нахмурился. Трошин явно отказывался от встречи с ним. Тем не менее Лимонов проявил настойчивость.

— Да я тоже бросил, — сказал он. — Просто засиделся в кресле. Вот и решил кости размять, пройтись в вашу сторону.

— Ладно, уговорил, — тяжело просопел Трошин, понимая, что Лимонов просто так не отстанет.

Лимонов расценил подобное поведение коллеги как недобрый знак для себя. И от этого ему захотелось поскорее узнать, что же происходило на закрытом совещании у Первого, какие вопросы поднимались и какие решения были приняты.

Он вышел из кабинета. В приемной на своем обычном месте сидел Игнатов. Увидев генерала, он вскочил по стойке «смирно» и поздоровался. Лимонов мельком взглянул на помощника и вспомнил разговор со Скворцовым, который советовал внимательнее присмотреться к Игнатову.

— Валерий, я жду важного звонка, — предупредил генерал. — Сейчас мне необходимо отлу-

читься. Если позвонят, скажите, чтобы перезвонили через полчаса.

— Хорошо, Виктор Владимирович, будет сделано, — угодливо склонил голову Игнатов.

Лимонов поспешно вышел в коридор. Кабинет Трошина располагался выше, поэтому он направился к лифту.

Генерал еще издали заметил тучную фигуру коллеги. Сомкнув руки за спиной, он с озабоченным видом прохаживался вдоль окна в конце коридора.

— Рад видеть вас в добром здравии, — с фальшивым благодушием произнес Лимонов.

Трошин бегло огляделся. Было件нятно, что он не в том настроении, чтобы выслушивать комплименты. Суровый и сосредоточенный, он не выказывал даже малейшего желанья общаться с Лимоновым. Впрочем, как и с кем-либо другим из числа своих коллег.

— Не самое подходящее место и время ты выбрал, чтобы откровенничать, дорогой Виктор Владимирович, — начал с упрека Трошин.

Он сильно волновался, а потому часто моргал своими поросычьими глазками и сильно потел.

— Неужели все так плохо? Неужели наступили те самые времена? — с мнимым задором спросил Лимонов.

Он старался не столько приободрить Трошина, сколько отрешиться от собственных худших предположений.

— В нашем ведомстве стены имели уши во все времена, — многозначительно заметил Трошин почти шепотом.

С тяжелым кряхтением он сунул руку в боковой карман форменного кителя, вынул платок и

импульсивными движениями стал утирать обильный пот с одутловатого лица.

— Что касается вчерашнего совещания, — с недовольным видом буркнул он и в очередной раз воровато огляделся, — то могу сказать одно: ничего страшного пока не произошло, но подстраховаться не мешает.

— Будут раскручивать только Осиновского или задумывается более масштабная акция? — прямым текстом спросил Лимонов, отчего лицо его собеседника нервно перекопилось.

— Кто его знает, как все будет, — сглотнув слюну, пролепетал Трошин. — Пока говорили о его связях с телевидением, «Аэрофлотом» и «Автопромом». Но ты же знаешь, как бывает. Тронь одно, и ниточка потянется к другому.

— А по ведомству как обстоят дела? — Лимонову хотелось узнать, почему же все-таки он не был приглашен на совещание.

— Если хочешь знать, чего нам ожидать в ближайшем будущем, то вот что я тебе скажу: Первый не намерен проводить никаких чисток и сдавать своих сотрудников, — ответил Трошин.

— Но это в ближайшем будущем, а в отдаленной перспективе?

В этот момент дверь одного из кабинетов запахнулась, в коридоре неожиданно появился полковник Зеленин.

— Желаю успехов, Виктор Владимирович, — Трошин сознательно заговорил громче.

Он схватил Лимонова за руку, потряс ее и тут же заторопился.

— Мне пора. Как-нибудь поговорим.

Не дожидаясь ответной реакции со стороны коллеги, Трошин резко повернулся и направился в свой кабинет.

Лимонов последовал его примеру. Вернувшись в служебный кабинет, генерал еще долго был не в состоянии работать. Его мысли были заняты проблемами совсем иного рода. Поэтому когда в дверях возникла фигура помощника Игнатова, Лимонов с нескрываемым раздражением выпалил:

— Что еще?

— Виктор Владимирович, только что сообщили... Вчера вечером погиб Олег Геннадьевич Костиков, — доложил помощник.

— Что-о? Как погиб? — переспросил Лимонов, невольно вставая со своего места.

— Звонит Сазонов — глава его предвыборного штаба. Вас соединить с ним?

Это было как снег на голову. До Лимонова слова Игнатова доходили будто во сне. Он был ошеломлен, растерялся и перестал адекватно воспринимать происходящее вокруг. Помощник осторожно повторил свой вопрос, но генерал промолчал. Он мог предполагать всякое, но не был готов к столь трагическому повороту событий. Мысли в голове пришли в хаотичное состояние, перед глазами повисла сплошная пелена непроницаемого густого тумана. В уме гулким эхом постоянно отдавалось лишь одно слово — погиб... погиб... погиб...

Лимонов упал в кресло, из которого минутой раньше встал во весь рост. Немигающим взором он смотрел в пространство перед собой и, казалось, ничего не видел. И только когда Игнатов прямо из графина плеснул ему в лицо водой, Лимонов встрепенулся и начал приходить в себя.

— Виктор Владимирович, на проводе Сазонов ждет, — напомнил он. — Что мне ему ответить?

— А где Скворцов? — вдруг вспомнил о своем помощнике Лимонов.

— Скворцов? Понятия не имею. Звонит Сазонов. Вы будете с ним говорить или пусть перезвонит? — напомнил Игнатов.

— Да, я поговорю с ним, — потерянным и совершенно изменившимся голосом ответил Лимонов.

Помощник поспешил из кабинета, чтобы переключить разговор на генерала. Когда раздался звонок, Лимонов потянулся за трубкой телефона. И вдруг он заметил, как сильно дрожит его рука. Сняв трубку, он произнес тихим потерянным голосом:

— Лимонов слушает.

Когда Самойлов вернулся к Панкрату и передал ему свой разговор с Костиковым, авторитет пришел в ярость.

— Видали вы его? Еще и храбрится, говнюк! Ни хрена не выйдет. По коням, ребята! — приказал он своим амбалам.

Соскучившись по настоящему делу и торжествуя по поводу того, что босс перестал слушаться Чебурека, парни пришли в восторг.

В который раз адвокат действительно пытался удержать Панкрата от неразумных действий. Но авторитет пришел в такое негодование, что даже пригрозил Самойлову.

— Заткнись, Чебурек! — заорал он. — Мне надоела твоя хитрая политика и тонкая дипломатия. Я хочу действовать.

— И ты поедешь к Костану? — в тон авторитету спрашивал адвокат.

— Иногда бывают моменты, когда гора вы-

нуждена сама пойти к Магомету, — стоял на своем Панкрат.

Видя его непреклонность, Самойлов отстал. Вместе с остальными он сел в автомобиль. На четырех автомобилях они подъехали к зданию по улице Цвиллинга в тот самый момент, когда Костиков в сопровождении Скворцова появились в дверях.

— Смотри, босс, Костан, — указал на Костикова один из его парней.

Увидев Костикова, Панкрат сделал знак своим парням оставаться на месте.

— Кто это с ним? — не отрывая взгляда от конкурента по выборам и его спутника, спросил Панкрат.

Свой вопрос он адресовал Самойлову, сидевшему на заднем сиденье джипа «чероки».

— Понятия не имею, — ответил тот. — Когда я выходил от Костана, он был в приемной и базарил с Сазоном.

— Новенький в команде Костана? — прозвучал риторический вопрос. — Ладно, пощупаем обоих. Давай за ними, — приказал он парню, сидевшему за рулем джипа.

Они следовали за джипом «ниссан-патрол» по Цвиллинга, потом по Кирова и проспекту Победы. Поняв, что Костиков направляется домой, Панкрат сказал водителю:

— Они катят в Градский Прииск. Обойдем их со стороны Шершней.

Когда они снова выехали на трассу, ведущую в Градский Прииск, автомобилей практически не было. Впереди двигался джип Костикова.

— Догони и прижми их, — снова распорядился Панкрат.

Водитель беспрекословно выполнял требова-

ния босса. Джип «чероки» стремительно рванулся вперед, настиг «ниссан-патрол» и пошел на обгон.

— Осторожно, не угрожь! — взглянув из-за спины водителя на показания спидометра, с опаской заметил Самойлов. — Смотри в оба за дорогой. Не забывай, скоро будет резкий поворот.

— Не учи меня водить машину. Я знаю эту дорогу как свои пять пальцев, — недовольным тоном ответил на предупреждение водитель.

Они догоняли автомобиль Костикова по встречной полосе. Когда они оказались на расстоянии вытянутой руки, брызги дождевых луж, вылетающие из-под колес джипа, ливнем обрушились на лобовое стекло. Водитель предусмотрительно включил дворники.

Безумная гонка начинала тревожить не только Самойлова. Вспомнив о возможной опасности, Панкрат накинул на себя ремень безопасности.

— Может, нам лучше притормозить, босс? — осторожно предложил водитель. — Через минуту начнется поворот. При таком ходе можем и не вписаться.

— Накаркай мне, — пригрозил Панкрат, с упреком посмотрев на парня за рулем. — Хорошо, отстань, — спустя мгновение согласился он. — Прижмем их после поворота.

Получив добро, водитель сбросил скорость. Он начал было пристраиваться за джипом «ниссан-патрол», но неожиданно тот опрокинулся на бок, несколько раз перевернулся и замер в откосе дороги.

Видя происходящее у него на глазах, водитель в испуге стал тормозить. словно хищный зверь с агрессивным оскалом, в унисон джипу «ниссан-патрол» зашипела резина шин. Джип

«чероки» начал уходить в сторону с проезжей части. Но водитель ловко вывернул руль, произвел маневр и удержал автомобиль в устойчивом положении. Лишь когда джип замер у самого края дорожного откоса, водитель и все его пассажиры вздохнули с облегчением. Но еще несколько минут после этого никто не мог пошевелиться.

Сзади, на расстоянии всего в четырех-пяти метрах от джипа, остановились джип «опель», «БМВ» и «мерседес». Из них вышли амбалы Панкрата и направились к переднему джипу «чероки».

— Я предупреждал, что это может плохо кончиться, — внезапно охрипшим голосом произнес Самойлов.

— Смотри не обделайся, — упрекнул его Панкрат. — Молодец, Гоша. Ты настоящий ас, — похвалил он водителя.

— Ну и прокатились же мы, босс! — отозвался о скоростной поездке с преследованием один из подошедших амбалов.

— Что будем делать, босс? — поинтересовался второй.

— Ничего, — ответил Панкрат. — Нам здесь больше делать нечего. Так что возвращайтесь по своим местам!

Когда амбалы отошли, он обратился к парням, сидевшим за ним:

— Ной, Алтай! Пойдите гляньте, как там что.

Те не стали ждать повторного приказа, вышли из автомобиля и бросились к джипу «ниссан-патрол». Автомобиль лежал на левом боку, и его правые колеса еще вращались. Ной и Алтай обошли джип вокруг, заглянули внутрь.

— Этим кранты, — констатировал Алтай

после того, как осмотрел водителя и Скворцова.

Оба лежали в неестественных позах друг на друге. Лобовое стекло автомобиля было забрызгано их кровью.

— А что у тебя? — обратился парень к Ною, который склонился над телом Костикова.

— Костану тоже крышка, — ответил тот.

— Валим отсюда, пока никто не нарисовался на дороге, — сказал Алтай.

— погоди, здесь какой-то портфель, — ответил Ной. — Наверняка Костана.

— На хрена тебе его портфель? Разве Панкрат говорил брать что-нибудь?

— А если там важные бумаги?

Не обращая внимания на возражения приятеля, Ной просунул руку в салон и взял кейс Костикова. Затем они так же быстро возвратились в свой джип.

— Что ты приволок? — спросил Панкрат, когда они оказались в салоне.

— Я говорил ему, чтобы ничего не трогал, — выступил Алтай.

— Кейс Костана, босс, — оправдался Ной. — Здесь могут оказаться ценные телеги.

— Костан не дурак, чтобы без охраны таскать ценные телеги, — сказал авторитет.

— Я видел его с этим кейсом в Москве, и тогда он тоже был без охраны, босс, — напомнил Ной.

— Он прав, — вступился за парня Самойлов. — Следует взглянуть на содержимое кейса.

— Ну, смотрите, — предупреждающим тоном произнес Панкрат. — Если кто пронюхает про то, что кейс Костана оказался в наших руках... Сматываемся отсюда. Поворачивай обратно, Гоша, — сказал он водителю.

Парень включил заднюю передачу, вывернул руль и тронулся вперед. Задние автомобили последовали его примеру. Через минуту они успели достаточно отъехать от места происшествия. И все же им хорошо было слышно, как с грохотом взорвался бензобак джипа «ниссан-патрол».

— Ну вот, Костан уже на небе, — оглянувшись на пламя, которое взметнулось над автомобилем Костикова, произнес Панкрат.

Через несколько километров автомобили стройной колонной свернули направо и проследовали в направлении Шершней. Покинув автомобили, амбалы Панкрата набросились на выпивку. Уединившись в бильярдной и у телевизора, все вполголоса обсуждали происшествие, очевидцами которого стали.

Между тем Панкрат и Самойлов ушли в отдельную комнату и распотрошили кейс Костикова. Самойлов просматривал бумаги и передавал их Панкрату, при этом сопровождая каждую из них собственными комментариями. Когда же дошел до папки с соглашением между Костиковым, Осиновским и Лимоновым, он на мгновение лишился дара речи.

— Панкрат, это же бомба! — потрясая документами в руках, объяснил Самойлов. — Это соглашение, которое заключили Костиков и Осиновский при участии Лимонова. Они договорились, что Осиновский дает полное финансирование предвыборной кампании Костикова, а тот, в свою очередь, став губернатором, пробивает для олигарха подряд на строительство комбината по утилизации радиоактивных отходов... Черт! — Адвокат в прямом смысле слова ухватился за голову. — Оказывается, нам с тобой даже во сне не

снилось, какие огромные бабки работают на предвыборную кампанию Костана.

— Работали, Аркаша, работали, — поправил его Панкрат.

— Да, ты прав, работали, — согласился Самойлов, с важным видом перебирая бумаги. — И знаешь, что я тебе скажу...

Он оторвался от документов и выразительно посмотрел на Панкрата.

— Я понял, что ты хочешь сказать, — догадался тот.

— Понял? Так что, может, стоит позвонить генералу юстиции Лимонову? Как ты считаешь? А то и всесильному олигарху Осиновскому. Повод у нас есть, — указывая на кейс, сказал Самойлов.

— А про тот повод ты забыл? — кивнув головой в сторону, напомнил о дорожной аварии Панкрат.

Он стоял перед Самойловым в полный рост, держал руки в карманах брюк и слегка покачивался, перекатываясь с носков на пятки.

— Из-за чего переживать? Мы к нему не причастны, — совершенно спокойно ответил Самойлов. — Водитель Костикова на мокрой трассе превысил скорость, не справился с управлением автомобиля и съехал в кювет, что привело к гибели его самого и пассажиров. Поверь, я смогу доказать это в любом суде, — самоуверенно заявил адвокат.

По лицу Панкрата расплылась ироничная гримаса.

— Ты уже взрослый мальчик, но еще совсем желторотый, Аркаша, — сказал он. — Ты хоть соображаешь, что гибель кандидата в губернаторы, пусть и в автомобильной катастрофе, это тебе

не гибель какого-нибудь бизнесмена. Кому нужны твои суды? Никто не станет даже слушать твои складные разговоры. Ты видишь, какие у них интересы? — Панкрат ткнул пальцем в бумаги, лежавшие на столе перед Самойловым. — Да что мне тебе объяснять. В делах о больших бабках ты и сам дока. За свои бабки Осиновский купит лабуса, который приедет сюда и поочередно перещелкает всех, кто на него косо посмотрит. А нас с тобой тем паче. Смекаешь, к чему все катится? Так что знать бы то место, где соломку подстелить.

— Да, мы оставили кучу улик против себя, — задумался Самойлов. — Вычислить, что за тачки стояли всего в десятке метров от места аварии, а потом смылись, для опытного глаза не составит большого труда. И не надо строить никаких предположений. Так по-твоему?

— Скумекал наконец? То-то. Опрометчиво мы шлифанули кейс, опрометчиво.

— А ты не думаешь, что сегодня туда приедут обыкновенные простофили, составят протокол и доставят трупы куда следует? К завтрашнему утру, когда за дело возьмутся более-менее толковые ребята из прокуратуры, там побывает такое количество зевак, что наших следов не будет и в помине. Их сотрут с лица земли. Как будто их там никогда не существовало. Чем тебе не веский аргумент? — наслаждался своей догадливостью Самойлов.

— Когда начнется большая разборка, этого никто не примет во внимание. Каждый будет дрожать за свою собственную шкуру, — сказал Панкрат. — Поверь моему горькому опыту. Я знаю, что такое разборки.

Самойлов мельком взглянул на авторитета,

в голосе которого, как ему показалось, сквозила обреченность.

— Никто не вспомнит добро, которое ты сделал в прошлом, — продолжал Панкрат с глубоко-мысленным видом. — Все изойдутся слюной в неутолимой жажде крови и будут орать торжествуя: «Акела промахнулся! Акела промахнулся!» Хотя сделал он это не по своей вине. Это была чистая подстава. Но это уже никого не будет интересовать... Я ведь с самого начала предупреждал тебя, Аркаша, что все эти политические игры наверху, — он укоризненно потряс рукой, направляя в потолок указательный палец, — могут обернуться для нас большой бедой. Это была четко спланированная подстава.

— Мне кажется, ты слишком близко к сердцу принимаешь гибель Костана, вот и все, — ответил Самойлов, хотя рассуждения Панкрата, больше похожие на исповедь, навели и на него определенную тревогу.

— Да-а, Костан, — многозначительно произнес Панкрат и начал взад и вперед прохаживаться по комнате. — Много дел мы с ним переделали. Могли бы сделать куда больше. Чего ему не хватало? Нет, потянулся в политику! Вот и доигрался.

Самойлову не нравилось сентиментальное настроение Панкрата.

— Нам нужно решить, как мы все-таки поступим, — сказал он Панкрату.

— Как поступим? А как нам следует поступить? Пойти с повинной? Так, мол, и так, не виноваты мы, он сам разбился? Нет, Аркаша, здесь этот вариант не пройдет.

— А что если нам обратиться... к Валдаю? — предложил Самойлов.

Панкрат рассеянно посмотрел на своего адвоката.

— Не плюй в колодец, из него придется напиться, — произнес он. — Что ж мы, русские, за дураки такие? Другие люди на чужих ошибках учатся, а мы все время исключительно на собственных. Вот видишь, Аркаша, мы тоже о Валдае вспомнили. Только не тот это путь, не тот.

— Почему?

— Потому что он заканчивается в кювете, — объяснил Панкрат.

Он все больше и больше начинал пугать Самойлова. Тот привык видеть авторитета всегда решительным, всегда непримиримым. И вдруг полная апатия и склонность к бездействию. Самойлов отнес это на счет сильного впечатления, произведенного на Панкрата гибелью Костикова, и нервного напряжения, от которого он и сам немало пострадал.

— Отложим бумаги до завтра, — предложил он. — Нам надо как следует отдохнуть и отрешиться от грустных мыслей.

— Вряд ли это поможет. Но пойдем выпьем вместе с ребятами, — предложил Панкрат.

Глава 14

Узнав о трагедии в Челябинске, Лимонов получил ощутимый удар по своему честолюбию, амбициям и грандиозным замыслам. Он не верил в версию о трагической гибели в автокатастрофе

своего старинного приятеля и помощника. На непродолжительное время окружающий мир погрузился в кромешную тьму. Трагедия становилась еще более очевидной, когда он начинал думать, что теперь ему не на кого опереться и некому довериться. Верный приятель Костиков погиб, надежный помощник Скворцов тоже.

Сазонов не преминул упомянуть, что из автомобиля пропал кейс Костикова. В том, что Костиков взял кейс с собой, помощник был уверен. Когда к месту происшествия подоспели пожарные, милиция и «скорая помощь», тела погибших сильно обгорели. Однако не до такой степени, что их невозможно было опознать. И если бы кейс находился в автомобиле, непременно обнаружили бы его остатки.

Но кейса не было. Отсюда самым естественным образом напрашивались два ответа: либо у Костикова вовсе не было при себе никакого кейса, либо кто-то успел его унести до того, как там оказалась милиция. Первый вариант отпал сам собой, потому что кейс Костиков всегда носил с собой. Оставался второй вариант. Следовательно, кейс был выкраден из салона автомобиля после того, как произошла трагедия. Но кем?

На ум вдруг пришла поразительная догадка. Генерал сделал предположение, что Костикова и Скворцова преследовали. Это выглядело правдоподобно в той ситуации, которая сложилась вокруг предвыборной кампании. Мысленно возвращаясь к короткому свиданию и разговору в аэропорту, Лимонов первым делом вспомнил слова Костикова о том, что за ним следили.

Разрозненные сцены и обрывки некогда произнесенных фраз начинали выстраиваться в голо-

ве генерала в строгой логической последовательности. Лимонов старался не выпускать из виду ни давние опасения старинного приятеля по поводу мелкого шантажа, ни детали его последнего визита к Валдаю, обставленного неуместной таинственностью.

Не забыл генерал и о том, чем занимался Костиков в прошлом, с кем был связан и кто считался его основным конкурентом на выборах. Он мысленно раскладывал перед собой пасьянс, тасовал имена и фамилии, за которыми не представлял реальных образов. Результатом его усиленных размышлений стало то, что из многочисленного калейдоскопа безликих имен на первый план выдвинулись только две фигуры — Панкрата и Валдая.

Лишившись своего самого надежного и преданного помощника, Лимонов должен был действовать сам. Из комнаты отдыха генерал вернулся в кабинет и вызвал по селектору Игнатова.

— Валерий, посмотрите, что у нас есть на криминального авторитета по кличке Валдай, — распорядился он.

— Слушаюсь, Виктор Владимирович.

Помощник тотчас покинул кабинет. Лимонов потянулся к справочнику междугородних ВЧ и, сам не понимая, почему он это делает, позвонил в Минск. Ветров был на месте, и, услышав его голос, Лимонов поздоровался.

— Приветствую, Виктор Владимирович! Рад слышать тебя. Вместе с коллегами стараюсь, чтобы криминал с заказными мокрыми делами не расползлся по территории Союза.

— Это вы правильно делаете, — неожиданно грустно и искренне заметил Лимонов. — Мы вот прозевали нужный момент, и теперь, что ни сут-

ки, то убийство. По-моему, киллеры работают уже без выходных.

— Впору им профсоюз создавать по защите права на отдых, — смеясь, поддержал старого друга Ветров. — Ну ничего, главное, что наши российские коллеги не потеряли свою честь и ведут активную войну с этим новым явлением.

Неожиданно наступила неловкая пауза. Ветров ждал, что скажет Лимонов, а тот вдруг замолчал. Прошло не менее минуты, после чего Лимонов, словно очнувшись, произнес:

— Знаешь, браток, как трудно не замарать рук. Это тебе не Афган, где хорошо видно, кто есть кто. В России сейчас совершенно иная ситуация. Сегодня человек — величина, рядом с Президентом на фото в газетах красуется. И когда ты с ним встречаешься, то руку с удовольствием жмешь, от рюмки не откажешься, если предстоит вечер в ресторане посидеть, да еще за честь сочтешь. А на завтра вдруг узнаешь, что этот человек что ни на есть представитель криминального мира. И сам не заметишь, как у него в должниках оказываешься. А таких людей у нас в России хоть пруд пруди. И самое печальное, что нет ни одного коридора чистого. Того и гляди, и на тебя где-то прикажут браслеты надеть, если ненароком дорожку кому-то перейдешь.

Лимонов снова замолчал.

— Виктор Владимирович, у тебя все в порядке? — с тревогой в голосе спросил Ветров. — Может, возьми отгул на недельку и приезжай ко мне — отдохнешь, отвлечешься?

— Спасибо, друг. Я действительно устал... от всего этого устал...

— Слушай, Виктор, а ты нашел Комбата?

— Нет, но думаю, что скоро увижу его.

— Ты его хочешь нагрузить чем-то?

— Если согласится. Ты не возражаешь, если я ему привет от тебя передам?

— Обязательно. Скажи, что я его помню и всегда буду помнить. Если пожелает Минск навестить, милости прошу. Желанным гостем будет, ведь повоевали мы с ним немало, многое пережили. Для самого сложного дела я всегда его роту брал. Знал, что Рубцов и бойцов своих подготовил как надо — не подведут.

— Знаешь, Игорь Николаевич, — Лимонов опять сделал паузу, — я тебе по-доброму завидую.

— Чего это вдруг?

— Ты смог сохранить в себе все самое лучшее — человеческое.

— О чем ты, Виктор Владимирович? Все мы вышли из одного огня...

— Но не у всех закалка сохранилась, как у тебя. А мне, брат, хреново... Все есть для жизни, а вот самой жизни, увы, нет.

— Э, друг, смотрю — захандрил ты. Не надо! За жизнь надо бороться.

— Ты прав, конечно.

Но продолжать разговор Лимонов не смог. В кабинет вошел Игнатов. И Лимонов поспешил закончить разговор.

— Ну хорошо, Игорь. Тут ко мне человек зашел. Я перезвоню через пару дней. Спасибо тебе!

Положив трубку на аппарат, генерал с минуту помолчал. Затем поднял глаза на помощника:

— Ну, что у вас?

Игнатов положил перед Лимоновым довольно пухлую папку.

— Вот, достал. Думаю, будет достаточно.

— Хорошо, спасибо. Вы свободны.

Дождавшись, пока Игнатов выйдет из кабинета, генерал пододвинул к себе папку и приступил к изучению ее содержимого. Занятие настолько увлекло его, что он отрешился от всего на свете.

Лимонов получил в свое распоряжение интересные факты. Он вернул папку помощнику, сделал несколько телефонных звонков, а затем покинул здание прокуратуры. В сложившихся обстоятельствах ему необходимо было действовать незамедлительно. Он никому не доверял так, как доверял Скворцову. Но Скворцов погиб, а достойной замены у Лимонова не было. Игнатову он не доверял, старался быть предусмотрительным в отношениях с ним. Хотя Лимонов и не имел достаточных оснований не доверять этому своему помощнику, он постоянно помнил о предупреждении Скворцова относительно Игнатова.

Лимонов сказал водителю, что едет домой, в городскую квартиру. Но не успел служебный автомобиль удалиться на несколько кварталов от здания Генпрокуратуры, как генерал попросил водителя остановиться у ближайшего таксофона.

Он позвонил Валдаю. Когда на противоположном конце провода ответили, он коротко сказал:

— Передайте Валдаеву, чтобы был сегодня ровно в шесть вечера у входа в конноспортивный комплекс «Битца» со стороны Чертановской. Это касается стрелка из Раквере.

Не дожидаясь ответных расспросов, он тут же повесил трубку и вернулся в автомобиль.

— Теперь прямо домой, — скомандовал он водителю.

Лимонов был уверен, что Валдай все правильно поймет и непременно придет на встречу с ним. Не посмеет не явиться. Слишком точным был расчет. Генерал знал, что пойти на подобный шаг авторитета заставит одно только слово — Раквере. Так звучало название населенного пункта в Эстонии, откуда по просьбе Валдая несколько раз прибывал киллер. В девяносто пятом и девяносто шестом он совершил четыре заказных убийства. О том, что работу киллера оплачивал Валдай, можно было только догадываться. Благодаря тщательному анализу содержимого папки Лимонов обнаружил достаточное количество косвенных улик.

Лимонов добрался до дома и отпустил водителя. До намеченной встречи с Валдаем оставалось около двух часов. Через час генерал покинул квартиру и поспешил к конноспортивному комплексу. Добравшись туда, он выбрал укромное место в сквере, сел на скамейку, откуда хорошо просматривался подход со стороны станции Чертановская, и стал ждать.

Когда подкатил «мерседес» Валдая, Лимонов машинально посмотрел на часы. На электронном табло высвечивались цифры 18:07. Он покинул скамейку и с видом беззаботно гуляющего человека направился в сторону авторитета.

Тем временем Валдай выбрался из автомобиля. Он стоял в окружении трех крепких парней и незаметно оглядывался вокруг. Его парни делали то же самое, но настолько непрофессионально, что это сразу же бросалось в глаза. Они приняли Лимонова за пенсионера, который вышел на вечернюю прогулку по скверу, и продолжали вертеть головами, выискивая возможный источник опасности, грозящий их боссу.

Но сам Валдай безошибочно вычислил Лимонова. Он вцепился в него своим пронзительным взглядом и не выпускал из виду. Когда же тот приблизился на расстояние, достаточное для того, чтобы слышать негромкий голос, он произнес:

— Вы хотели меня видеть?

Слова прозвучали скорее не как вопрос, а как констатация очевидного факта.

Как только Валдай заговорил, трое парней тут же принялись ощупывать Лимонова испытующими взглядами.

— Хотел, — с достоинством, подобающим генералу юстиции, ответил Лимонов.

— Зачем? — последовал короткий вопрос.

Лимонов оценивающе посмотрел на Валдая.

— Оставьте своих горилл здесь и давайте пройдемся, — предложил он и медленно пошел по аллее сквера в обратном направлении.

Валдай не стал дожидаться повторного приглашения. Но как только парни попытались следовать за ним, он потребовал, чтобы те остались.

Он быстро догнал Лимонова и пошел рядом. Внутри у него бурлил настоящий вулкан, готовый в любой миг прорваться наружу. Но Валдай сдерживался от проявления ненужных эмоций. Он видел перед собой солидного человека и чувствовал, что имеет дело с серьезным противником.

— Так о чем вы хотели поговорить? — не удержался Валдай.

— Будьте терпеливы, — ответил Лимонов и предложил: — Давайте присядем.

Валдаю не хотелось рассиживаться, но он все же уступил собеседнику.

— Я знаю, вы человек достаточно авторитет-

ный в определенных кругах, — заговорил Лимонов, когда Валдай опустился на скамейку рядом с ним. — Вы примчались сюда, потому что прекрасно поняли, о чем пойдет речь.

При этих словах глаза Валдая сузились и сверкнули праведным гневом. Но Лимонов не замечал этого, потому что смотрел в пространство прямо перед собой. Авторитет понял, что выдал себя. Своим приездом он подтвердил причастность к киллеру, работавшему в Москве.

— Вы не могли бы говорить конкретнее? Зачем вам понадобилась встреча со мной? — повторил он свой прежний вопрос.

— Я же просил, имейте терпение. Перестаньте нервничать. — Лимонов вполборота посмотрел на Валдая. — Для начала предлагаю короткий экскурс в недавнее прошлое. Вас последний раз освободили по амнистии в девяносто пятом, — издали начал он о деле, по которому и вызвал авторитета на свидание. — Вы вернулись в Москву и засучив рукава приступили к исполнению обязанностей третейского судьи криминального мира. Благо, работы в этом направлении в те годы хватало. Постоянные разборки и сведения счетов были не на пользу общему делу. Нужно признать, вы действительно обладаете талантом миротворца. Переубеждать и мирить авторитетов, за которыми стоят вооруженные до зубов группировки, и при этом оставаться в живых... Для этого нужен особый талант.

— Я хотел бы знать, кто вы такой? — спросил Валдай, сердито хмуря брови.

— Зачем?

— Вы, я так понимаю, имеете доступ к определенному роду документам. Перед приходом

сюда вы успели ознакомиться с моим личным делом, а я вот такой возможности не имел, — объяснил Валдай. — К тому же не слишком приятно говорить с человеком, о котором не имеешь ни малейшего представления. Так что я хотел бы услышать, как вас зовут и кто вы такой.

— Хорошо. Я — генерал юстиции Виктор Лимонов. Такой ответ вас удовлетворяет?

— Я бы мог сразу догадаться, — прошептал Валдай.

— Надеюсь, теперь, когда вы получили ответ, мы можем продолжить?

— Полагаю, не стоит. Я знаю свою биографию. Уверен, что по роду своей деятельности, а также в силу звания и занимаемой должности вы тоже ее знаете. Так зачем же тратить драгоценное время и вспоминать о том, что мы оба знаем?

— Неплохой ответ, — признался Лимонов. — И все-таки мы не можем оставить без внимания некоторые страницы вашей биографии. Особенно те из них, что приходятся на девяносто пятый и девяносто шестой годы, когда в Москве произошли четыре громких убийства. И это за два года! А если придерживаться более точной датировки, то всего за год и два месяца. Потому что первое убийство произошло у Сандуновских бань в октябре девяносто пятого, а последнее — в начале декабря девяносто шестого на Бережковской набережной. И вот какая странная штука получается! По методу работы, способу исполнения и прочим деталям преступления просматривается один и тот же почерк. Во всяком случае, в четырех убийствах. Но вполне возможно, что таких случаев было значительно больше.

— Зачем вы об этом мне говорите? — как ни в чем не бывало спросил Валдай.

Лимонов пристально посмотрел на собеседника. Он прекрасно понял, с какой целью авторитет задал такой вопрос.

— Затем, что за три месяца до первого убийства вас освободили по амнистии. Случайность или закономерность? Давайте попробуем разобраться. На сегодняшний день доподлинно установлена причастность к тем четырем убийствам киллера из Раквере. И еще. — Генерал сделал паузу, чтобы акцентировать внимание собеседника на своих следующих словах. — По всем четырем случаям в деле появились доказательства вашей связи с киллером из Раквере. Странно, не правда ли? Правда, доказательства пока еще только косвенные. Но при желании дело можно хоть завтра отправить на доследование и как следует покопаться.

— Что вы такое говорите? Не смешите меня.

— Хотите, чтобы я назвал вам номера счетов, на которые переводились деньги, и банки, которые осуществляли переводы? — Лимонов резко повернулся к собеседнику и уставился на него широко открытыми глазами, полными решимости и напора.

Криминальный авторитет был уверен, что никакого компромата на него нет и не может быть. И Лимонову пришлось блефовать. Обман, сопровождаемый решимостью и напором, подействовал на Валдая. Но Лимонов понимал, что этого недостаточно для опытного третейского судьи криминального мира, каким был Валдай.

— Я не стал бы вызывать вас на встречу, если бы у меня на руках не было козырей, — произнес Лимонов. Да, я знаю о счетах, знаю о бан-

ках. Я также знаю, что вы не являлись непосредственным заказчиком. Но я могу доказать, что все заказы прошли через ваши руки как через третейского судью. Впрочем, оставаясь в стороне, вы регулярно получали свой процент от сделки. Вы строго контролировали ситуацию и устанавливали равновесие между криминальными группировками, не позволяя какой-либо из них стать ведущей. Подкупам и прочими задобриваниями вас неоднократно пытались перетащить на свою сторону то одни, то другие. Но вы удержались от соблазна. Хотя, если эти сведения проникнут в печать и станут достоянием широкой общественности, думаю, от вашей былой репутации останется лишь воспоминание. Или вы так не считаете?

— Перестаньте иронизировать! — нервно взмахнул рукой Валдай, словно пытался порвать невидимые нити, прочно удерживавшие его рядом с этим человеком. — Я не желаю больше слушать о прошлом. Говорите, что вам нужно.

— Да, у меня есть небольшая просьба. Услуга за услугу. Я сдам в архив летопись ваших былых подвигов, а вы отдадите мне Комбата, — напрямую ответил Лимонов. — И еще. Помогите ему выйти на челябинского авторитета по кличке Панкрат. Знаете такого?

Валдай изумленно смотрел на собеседника.

— Как это, отдадите? Он же не вещь! — сказал он. — Комбат не принадлежит мне. Берите его, если вам так хочется.

— Не прикидывайтесь простачком, — возразил Лимонов. — Вы прекрасно поняли, что я имел в виду.

— Предлагаете мне подставить честного человека?

— Бросьте, вы сами его подставили, когда направили на поиски дочери Костикова и видеозаписей с ее участием. Комбат — всего лишь пешка в этой игре. Именно эти качества заставили вас вспомнить о нем. Этими же качествами он импонирует и мне. Так что давайте не будем прикидываться, а сразу договоримся о деле. Вы согласны отдать мне Комбата?

Валдай задумался.

— А что я получу взамен? — наконец спросил он.

— Я ведь уже сказал: ваше дело будет сдано в архив, — напомнил Лимонов.

— А гарантии того, что оно действительно будет сдано в архив?

— Гарантии? Кроме моего слова, никаких.

— Шаткие условия, не менее шаткие гарантии. Не находите? И какие-то слишком односторонние.

— Хорошо, я согласен изъять из дела и передать вам документы, которые содержат информацию о счетах и банках в оффшорных зонах, через которые вы переводили деньги киллеру. Идет?

— Когда вам нужен Комбат? — спросил Валдай, тем самым соглашаясь на условия Лимонова.

— Чем быстрее, тем лучше, — ответил Лимонов, поднимаясь со скамейки.

— Почему такая спешка?

Лимонов испытующе посмотрел на собеседника. Он хотел понять, стоит ли говорить ему то, что уже наверняка передается во всех выпусках «Новостей» по всем телевизионным каналам.

— Вчера вечером в Челябинске в автокатастрофе погиб Олег Костиков, — ответил наконец он.

Новость не произвела на авторитета никакого впечатления. Он то ли знал ее, то ли был совершенно равнодушен к тому, что происходит за две тысячи километров от Москвы.

С гибелью Костикова теряла свою силу договоренность между ним и Валдаем. Валдай тут же сообразил, что его собеседник был в курсе всех происходящих событий последнего времени. Он также решил, что, по всей видимости, Лимонов и был тем человеком, который с первого дня установил слежку за Комбатом. Вот почему последний предположил, что за ним следит высокая контора. И он был прав.

— А зачем вам понадобилось сводить Комбата с Панкратом? — спросил Валдай.

— Это уже мои дела. Позвольте, я сам разберусь. Вы только сведите их. Надеюсь, у вас есть способ связаться с Панкратом? — ответил Лимонов.

— Как мне связаться с вами? — Валдай продолжал сидеть на скамейке.

— Я позвоню вам завтра. — И Лимонов стал быстро удаляться по аллее сквера в направлении, противоположном входу в конноспортивный комплекс.

Рубцов поселился в местной гостинице Лыткарино. Ему предоставили номер, поражающий своим убожеством, зато с видом на улицу. После этого он посетил ближайшую автостоянку, за двадцать долларов договорился с охранником насчет ночной парковки, наведаясь в местный ресторан и отправился бродить по городу. Однако ему не терпелось оказаться на улице Речной у дома номер 13. Он хотел поскорее покончить с

этим делом, чтобы больше никогда не связываться с Валдаем.

Он догадывался, что Ростовцев может держать дочь Костикова в другом месте, и потому решил действовать со всеми предосторожностями. Однако по известному адресу Комбат отправился только тогда, когда на город спустились сумерки. Вдобавок частный сектор города, куда он пришел, окутывали густые облака едкого дыма от горящих в окрестностях болот. Он миновал несколько кварталов и оказался на нужной улице. Отыскав дом с номером 13 на калитке, Рубцов осмотрелся и вошел во двор. Отсутствие протоптанной тропинки, запущенные кустарники и фруктовые деревья, буйство дикой травы, достигавшей человеческого роста, свидетельствовали о полном запустении.

«Здесь давно никто не живет», — окончательно убедился он, когда неожиданно споткнулся о что-то объемное и плотное, едва устояв на ногах.

Рубцов приблизился к веранде и поднялся на крыльцо. На дверях, как и следовало ожидать, был навешен большой амбарный замок. Он сошел с крыльца и хотел было повернуть обратно. Но что-то вдруг заставило его обойти дом вокруг. Неспешно двигаясь вдоль самой стены, он обогнул веранду и оказался во внутреннем дворике усадьбы.

Вечерние сумерки быстро превращались в ночную темень. Рубцов пожалел, что не прихватил с собой фонарик. В двух-трех шагах перед собой трудно было различить какие-либо очертания. Несмотря на это, он сумел заметить человеческую фигуру, которая медленно двигалась прямо на него. Рубцов замер и всем телом прильнул

к стене. Стараясь ничем не выдать своего присутствия, он не стал вынимать пистолет.

Он пристально всматривался в фигуру. Человек был с поклажей, двигался медленно и явно чувствовал себя как дома. Наконец он вплотную приблизился к Рубцову и, задев мешком, прошел мимо. В нос ударил резкий букет тошнотворных запахов.

«Бомж, — решил Рубцов. — Наверняка здесь ночует».

Он хотел двинуться дальше, но потом передумал и последовал за незнакомцем. Когда Рубцов обошел веранду и оказался на тропинке к калитке, тот стоял на крыльце и пытался открыть замок.

— Что ты здесь делаешь, приятель? — тихо спросил Рубцов.

Незнакомец перестал копошиться и повернулся на человеческий голос. Рубцов обратил внимание на то, что незнакомец не испугался. Иной на его месте получил бы сердечный приступ. А этот реагировал так, словно они вместе пришли сюда.

— Ты кого спрашиваешь? Себя или меня? — шершавым голосом переспросил незнакомец, оттаяв на крыльце.

— Тебя.

— Я пришел к себе домой. А вот ты кто такой? Какого рожна тебе здесь надо?

— Я ищу дом Валиулина, — ответил Рубцов тем же спокойным тихим голосом.

— Я Валиулин, — ответил незнакомец.

В вечерней тишине казалось, что его шершавый голос звучит слишком громко.

— А где живет Ростовцев? — спросил Рубцов.

— Слушай, ты кто такой? Мент?

— Нет. Я ищу Ростовцева. Он сказал, что живет по этому адресу.

От незнакомца, назвавшегося Валиулиным, за версту разило спиртным. Он стоял на крыльце и выжидательно молчал. В темноте Рубцов не мог рассмотреть его лицо, но ему почему-то казалось, что случайный собеседник носит бороду.

— Если дашь деньгу, я проведу тебя к его дому напрямик через свой двор. Идет? — наконец предложил Валиулин.

— Идет, — согласился Рубцов.

Он пошарил по карманам, нашел в них какие-то деньги и протянул Валиулину.

— Сколько здесь?

— Не знаю, — честно ответил Рубцов. — Все, что было в кармане.

— Ладно, не будем мелочиться. Завтра посчитаем, когда рассветет. — Валиулин медлил. По характерным звукам Рубцов догадался, что он прячет полученные деньги. — Иди за мной, — сказал он, спускаясь с крыльца.

Он пошел тем же путем, которым пришел к дому. Рубцов последовал за ним. Они пересекли внутренний дворик. Впереди, прямо перед ними, из темноты возникли очертания невысокой продолговатой постройки. Валиулин стал обходить ее справа, Рубцов не отставал от него. За постройкой, которой оказался дощатый сарай с обвалившейся крышей, они уперлись в кирпичную стену высотой в два с половиной или три метра.

Валиулин остановился и обернулся к Рубцову.

— Вот за этой кремлевской стеной и живет

твой Ростовцев, — сказал он. — Если тебе надо проникнуть незаметно, давай подсоблю.

И он нагнулся, подставляя свою спину в качестве подставки.

— Боюсь, ты не выдержишь.

— Не дрейфь, я жилистый.

Рубцов провел в темноте рукой, нащупал спину Валиулина.

— Ну смотри держись. Если ты не устоишь, мы оба окажемся в реанимации.

— Кончай трепаться. Думаешь, мне в кайф стоять раком? Давай действуй. Ты меня задерживаешь! — потребовал Валиулин.

Не раздумывая Рубцов поставил ногу на спину своего неожиданного помощника, протянул вверх руку и провел по стене. Казалось, до верхнего края было рукой подать. Он сосредоточился и, оттолкнувшись ногой от спины Валиулина, ухватился за верхний край стены.

Кирпичная кладка стены оказалась не такой широкой, как предполагал Рубцов. Он едва балансировал, чтобы не свалиться на землю.

— Ну что? Все путем? — спросил шершавый голос снизу.

— Да, спасибо за помощь, — ответил Рубцов, переключая свое внимание на двор и дом.

— Нет проблем. Ты оплатил мои услуги. Ну, я пошел.

— Эй, Валиулин! — окликнул своего случайного помощника Рубцов. — А собаки у него нет?

— Не видел, — прозвучал ответ из темноты.

Двор был небольшой. В свете, падавшем из окон левой боковой стены дома, можно было рассмотреть яблоневые и грушевые деревья, которые ровным рядом тянулись вдоль стены до самого парадного входа. Там же, у левой боковой стены,

была разбита небольшая грядка. С правой стороны свет в окнах отсутствовал, и Рубцов не мог рассмотреть, что находится там.

Что же до дома, то соседка Ростовцева оказалась права. Дом скорее следовало назвать особняком. Кирпичный, в три яруса, с балконом и внутренним гаражом. У задней стены выделялась пристройка — скорее всего, просторная веранда. Над частью веранды и далее вдоль левой стены тянулся балкон. С задней стены на Рубцова смотрели окна веранды, подвала и два окна выше — одно на втором ярусе и одно под самой крышей. Во всех окнах свет отсутствовал. С внутренним устройством дома и его обстановкой ему еще предстояло познакомиться.

Цепляясь руками за верхний край стены, Рубцов бесшумно соскользнул вниз. Здесь он осмотрелся и прислушался. Не заметив ничего подозрительного, он осторожно стал продвигаться между яблонями вдоль стены, обходя дом с правой стороны. Так он добрался до сарая, от которого, пригибаясь, быстро пересек открытое пространство и затаился за углом. Во дворе и доме царил ночная темнота, тишину которой постоянно нарушали то приглушенные голоса прохожих на улице, то недовольный лай потревоженных собак в соседних дворах.

Выглянув из-за угла и убедившись, что все спокойно, Рубцов стал быстро продвигаться к парадному входу. Он оставил позади несколько выступов стены и достиг наконец крыльца с массивными чугунными перилами. За крыльцом был устроен спуск в гараж, перед которым стоял уже знакомый Рубцову автомобиль «Москвич».

То, что ни над крыльцом, ни в самом доме не было света, подсказало Рубцову, что Ростовцева

дома нет. Но он помнил об окне с левой стороны дома, откуда во двор падал свет. Рубцов не стал рисковать и выходить из своего укрытия на открытое пространство перед крыльцом. Он повернул назад.

Только теперь он заметил, что при нем нет пистолета. Поразмыслив, Рубцов подумал, что потерял его, когда перебирался через стену. Однако возвращаться на поиски оружия не стал. Он обошел дом с задней стороны и выглянул из-за угла.

На втором этаже дома по-прежнему горел свет. Рубцову хотелось знать, что происходит внутри. Но пока он решал, как ему подобраться к окну, чья-то заботливая рука погасила в комнате свет. На фоне стены окно превратилось в обычное черное пятно в форме квадрата.

Рубцов затаился. Он выждал некоторое время, а затем решил проникнуть в дом через балкон. Для этого он снова вернулся под окна веранды, остановился у металлического дождевого стока, попробовал на прочность его крепление, а после быстро вскарабкался наверх. Одной рукой он ухватился за парапет балкона, перемахнул через него и оказался на балконе. Балкон был с навесной летней крышей и имел два выхода. Один выход вел в помещение с задней стороны дома, другой находился прямо перед Рубцовым. Он подошел к двери и осторожно дернул за ручку. Дверь оказалась незапертой. Переступив порог, Рубцов оказался в просторной комнате. Осмотрительно ступая в темноте, он направился к двери, которая четко выделялась на фоне светлой стены.

У двери он прислушался. Комната соседствовала с той, в которой несколькими минутами

раньше горел свет. Но за дверью было тихо. Рубцов медленно надавил на ручку и также медленно потянул дверь на себя. Предательски за скрипели завесы, и Рубцов замер. Не услышав ничего подозрительного, он резким движением распахнул дверь, которая все же успела ахнуть. В пустоте ночного дома этот звук прозвучал достаточно громко.

Он осторожно выглянул в коридор. Напротив была точно такая же дверь в другую комнату. Рубцов вышел и направился по коридору к лестнице, ведущей вниз. Он старался ступать как можно тише и был готов к любой неожиданности. Он прошел мимо двери в ту самую комнату, из окна которой во двор падал свет, затем еще одну дверь, пока не оказался у деревянной лестницы.

Здесь Рубцов снова прислушался. Казалось, в доме нет ни одной живой души. Везде царил тишина. Но это была напряженная тишина. Если бы даже Рубцов не видел света в окне, он все равно догадался бы, что здесь кто-то есть. Он чувствовал это по мельчайшим частицам запаха, парившего вокруг, по колебанию воздуха. Интуиция подсказывала ему, что тот, кто находился в доме, был где-то внизу.

Опасаясь предательского скрипа лестничных ступенек, он медленно спустился вниз и остановился. В совершенно незнакомой обстановке, да еще в полной темноте, ему трудно было сориентироваться. Он в очередной раз пожалел, что не взял фонарик. Даже бензиновую зажигалку оставил в машине.

Неожиданно послышались неясные звуки, которые ни с чем невозможно было спутать. Это был человеческий голос. Рубцов напряженно прислушался. Но из всех звуков нельзя было разо-

браться ни слова. Голос доносился то ли из-за стены, то ли из подвала под домом, звучал монотонно и слишком тихо. Рубцов сделал еще несколько шагов и наткнулся на дверь. Не успел он протянуть руку, чтобы нажать на ручку, как дверь распахнулась. В проеме возникла фигура молодого рыжеволосого человека плотного телосложения. Рубцов успел заметить, что тот был одинакового роста с ним.

Это был не Ростовцев. На мгновение молодой человек опешил. Он удивленно хлопал глазами и выглядел совершенно растерянным. Не оставляя ему шанса опомниться, Рубцов ухватил его за горло, резко затолкнул обратно и быстро закрыл за собой дверь.

Они оказались в тесном коридорчике с лестницей, ведущей под дом. Прямо над ними висел плафон с лампочкой. Только теперь молодой человек, которого Рубцов окрестил Рыжим, мог хорошо рассмотреть своего противника.

— Ты кто такой, Рыжий? — потребовал Рубцов немедленного признания.

Рыжий попытался оказать сопротивление. Но как только Рубцов уловил малейшее движение, он тут же нейтрализовал противника. Продолжая держать Рыжего за горло, он сильно надавил на его болевые точки под нижней челюстью, между горлом и мышцами шеи. Одновременно кулаком левой руки он нанес упреждающий удар в солнечное сплетение. Рыжий замычал от резкой боли и стал опускаться по стенке. Но Рубцов удержал его от падения.

— Еще раз спрашиваю: ты кто? — с прежней требовательностью повторил он свой вопрос.

— Пошел ты, жлоб, — жадно хватая ртом воздух, огрызнулся Рыжий.

— Твое глупое упрямство начинает меня раздражать, — сказал Рубцов.

В ответ на это парень лишь сердито хмурился.

— Ладно, придется продолжить профилактическую работу.

С этими словами Рубцов еще сильнее сдавил Рыжего за горло. Но только он сделал движение, чтобы повторить свой удар, как Рыжий вскинул руки, поставил блок и, защитившись от удара в солнечное сплетение, перехватил кулак Рубцова и попытался заломить руку.

Тыльной стороной левой ладони Рубцов обрушил на Рыжего сокрушительный удар в нижнюю челюсть. Послышался хруст сломанной челюсти и выбитых зубов, на губах противника выступила алая кровь. Рыжий закатил глаза от болевого шока и потерял сознание. Рубцов не успел подхватить его под мышки, и тот кубарем полетел по лестнице вниз.

Спустившись по лестнице, Рубцов склонился над бессознательным телом и обшарил одежду. Никакого оружия у Рыжего не было. Впереди Рубцов увидел три двери. За одной из них оказался выход в автомобильный гараж, за второй — кладовка, на третьей висел замок. В карманах Рыжего никаких ключей Рубцов не нашел. Он пошарил рукой над дверным плинтусом и обнаружил то, что искал.

Рубцов снял навесной замок и шагнул в помещение. Его глазам открылась следующая картина. В замкнутом тесном пространстве без окон у стены стояла раскладушка. За ней, забившись в угол, прямо на бетонном полу сидела девушка и испуганно смотрела на Рубцова. Невероятно чумазая, в разодранной одежде, с растрепанными

волосами, она представляла собой жалкое зрелище. Руки у девушки были связаны на запястьях, а рот заклеен скотчем.

— Не бойся, я друг, — предупредил ее Рубцов. — Меня прислал твой отец. Ты ведь Марина Костикова, не так ли?

Девушка часто закивала головой. В ее глазах стояли слезы и горел безумный страх. Рубцов приблизился к ней, отклеил скотч, осмотрел и спросил:

— Ты в порядке? У тебя ничего не болит?

Девушка была не в состоянии говорить. Она просто уронила голову на руку Рубцова и зарыдала.

— Ну все, перестань, — начал успокаивать ее он. — Здесь не место и не время. Теперь все позади, я выведу тебя отсюда, и ты уедешь домой. Договорились?

Не в силах сдержать рыдания, девушка лишь покачала головой.

— Выведешь? Уедешь? А это мы еще посмотрим! — раздался за спиной мужской голос.

Рубцов обернулся и увидел Рыжего. Тот держал в руках навесной замок, так легкомысленно забытый Рубцовым на ручке двери.

Произнеся свою угрозу, Рыжий в тот же миг закрыл дверь. Рубцов стремительно бросился к двери и всем телом протаранил ее. Рыжий уже успел навесить щеколду и запереть дверь на замок. Но атака Рубцова оказалась настолько мощной, что дверь с треском распахнулась, попутно придавив Рыжего.

Не давая противнику опомниться, Рубцов левой нанес ему резкий удар в плечо. Той же рукой он ухватил Рыжего за плечо, а правой за запястье левой руки. Одновременный удар ногой по го-

лени усадил противника на колени. Чтобы окончательно отбить у Рыжего всякую охоту сопротивляться, Рубцов мощным ударом поверг его на пол. Затем он втащил безвольное тело в тесное помещение и обратился к девушке. Та по-прежнему сидела в углу и с невыразимым страхом наблюдала за потасовкой.

— Нам пора, — произнес Рубцов и протянул девушке руку. — Сейчас сюда могут прийти другие. Ты не знаешь, сколько их всех?

— С Игорем — пятеро, — едва слышно пролепетала девушка.

— Ну, это ерунда, — чтобы подбодрить девушку, заметил Рубцов.

Он вывел ее из помещения, в котором запер Рыжего, а затем помог подняться по лестнице. Рубцов не рискнул выходить через главный вход и направился в сторону веранды. Не включая свет, они пересекли веранду и через боковую дверь вышли во двор у левой стены. Когда они были на улице, к дому подъехал автомобиль.

— Пойдем скорее, пока нас не заметили, — стал подгонять девушку Рубцов.

Он довел ее до сарая в конце двора, выбрал укромное место, которое могло послужить временным тайником, и шепнул:

— Сиди здесь и не шевелись. Даже если кто-то будет стоять перед тобой. В темноте без света они тебя не найдут.

— Я не останусь, я хочу с вами! — затараторила девушка и уцепилась за руку Рубцова.

— Я возвращаюсь в дом, — тоном не терпящим возражений произнес он.

Рубцов вернулся к дому. На этот раз он решил обойти его с левой стороны. Он добрался до конца стены и осторожно посмотрел из-за угла. «Моск-

вич» стоял на прежнем месте. Во дворе и на крыльце никого не было, но дверь в дом была открыта настежь. Вдоль «Москвича» Рубцов прокрался к калитке и увидел перед воротами микроавтобус. Он догадался, что у Ростовцева имеются подельники, и тот решил вывезти девушку в более надежное место.

Предстояло действовать незамедлительно. Ростовцев и его подельники наверняка уже спустились в подвал и обнаружили, что девушка пропала. В настоящий момент Рыжий, по всей вероятности, уже пришел в себя и рассказывает о нем своим приятелям.

Если бы в ту минуту Рубцов знал, что Костикова нет в живых, он не стал бы возвращаться в дом. Но он должен был получить от Ростовцева видеозапись. А сделать это можно было только возвращаясь в дом.

Он повернулся, чтобы проделать обратный путь до угла дома, но успел пройти только до «Москвича». Рубцов затаился за автомобилем и видел, как из дома вышел незнакомец и спустился по ступеням крыльца. Он хромал и держался за голову. Рубцов догадался, что это Рыжий. Вскоре вслед за ним показался другой.

— Он давно ушел? — услышал Рубцов.

— Не знаю. Примерно около получаса, — ответил Рыжий.

Рубцов подумал, что неплохо приложился к его голове, раз у него возникли проблемы с восприятием времени.

— Сядешь сзади, — бросил Рыжему приятель и направился вокруг дома.

Рыжий продолжил свой путь. Рубцов оставил его в покое, а сам решил двинуться за дом. Если у Рыжего был фонарь, он вполне мог обнаружить

девушку. Рубцов не был уверен, что та прислушалась к его совету и сидит как мышь под веником. Он быстро метнулся к углу дома, а потом вдоль стены за дом. Он заметил мужскую фигуру, которая самоуверенной походкой двигалась прямо на него.

Рубцов точно оценил ситуацию. Чтобы не поднимать лишнего шума и не привлекать внимания тех, кто в доме, он приготовился оглушить незнакомца и, таким образом, вывести его из игры. Ведь если верить девушке, то в доме должны быть еще трое — сам Ростовцев и двое подельников.

Он присел, пошарил вокруг себя руками, нашел подходящих размеров камень, зажал его в руке и занял выжидательную позицию. Незнакомец подошел к самому краю стены и, вместо того чтобы посмотреть за угол, как будто специально повернулся спиной к Рубцову. Тот не стал долго раздумывать и быстро нанес незнакомцу мощный удар камнем по голове. Незнакомец упал, словно подкошенный.

— Один готов, — вслух произнес Рубцов.

Он поспешил обратно к крыльцу, имея в запасе не более получаса. По его расчетам, именно столько незнакомец пробудет без сознания. Он взбежал по ступеням на крыльцо и вошел в дом. Из небольшой прихожей через сводчатый проход он проник в коридор. Теперь в доме горел свет, и Рубцов мог хорошо видеть обстановку. В четырех или пяти метрах от входа справа располагался вместительный холл с мягким уголком, журнальным столиком, камином и телевизором на тумбе. На полу с лаковым покрытием лежали ковровые дорожки, а на стенах висели репродукции известных картин.

Сразу за холлом слева находилась еще одна дверь. В тот самый миг, когда он приблизился к двери, по лестнице со второго этажа кто-то спускался вниз. Рубцов незаметно выглянул и узнал Ростовцева.

Рубцов понял, что настал самый подходящий момент для того, чтобы обнаружить свое присутствие.

— Здравствуйте, Игорь, — стоя в шаге от Ростовцева, тихо произнес он.

Его голос прозвучал настолько неожиданно, что Ростовцев вздрогнул. Потом он резко обернулся и посмотрел на Рубцова.

— Вы? — только и смог произнести он в полной растерянности.

— Собственной персоной, — с легким сарказмом подтвердил Рубцов.

Ростовцев даже не догадывался, кем был на самом деле Рубцов. Он отмалчивался, назвал неправильный адрес и фамилию по той простой причине, что принял Рубцова за навязчивого болтуна.

Всего одна фраза, произнесенная Ростовцевым, объяснила Рубцову многое.

— Как вы меня нашли, черт бы вас побрал?! Уходите отсюда немедленно! Мне сейчас не до вас. Вы мне надоели своей болтовней еще днем! Уходите! Слышите?

И он красноречивым жестом указал Рубцову на дверь. В этот момент, услышав голоса, со второго этажа друг за другом спустились его подельники.

— Кто это? — подозрительно глядя на Рубцова, спросил у Ростовцева старший из них.

— Мой знакомый, — ответил тот.

— Что ему надо?

— Ничего! — с нескрываемым раздражением ответил Ростовцев. — Он уже уходит, — и снова обратился к Рубцову: — Уходите! Я же сказал, мне сейчас не до вас.

Рубцов мельком огляделся и быстро оценил ситуацию. Он решил использовать недоразумение в свою пользу. Пока Ростовцев и его подельники принимали его не за того, он был в выгодном положении. Готовый к любому повороту событий, Рубцов живо просчитал свои действия. Опытным взглядом он без всякого труда точно определил, что тот, который выглядел старше, окажется для него более достойным соперником.

Рубцов был собран и решителен. Расстояние позволяло предпринять атаку, нейтрализовать подельников и взяться за Ростовцева. Но в тот самый миг, когда он готов был приступить к активным действиям, в дом кто-то вошел. Ростовцев и его подельники обернулись на звук шагов, Рубцов невольно сделал то же самое и увидел Рыжего. Со следами сильных повреждений на лице и подвязанной нижней челюстью парень шел на них. Узнав своего обидчика, он на мгновение остолбенел.

— Тебе чего? — спросил Ростовцев.

— Это он! — шепелявя и нечетко произнося слова, указал Рыжий на Рубцова. — Он был здесь и увел девчонку. А теперь еще и Кирюша пропал. Наверняка его работа.

Негодующими взглядами подельники пронзили Рубцова. Ростовцев, который ничего не подозревал, был в полном замешательстве. Так длилось не больше минуты, затем старший с яростным криком бросился на Рубцова.

Тот был готов к нападению. Приняв устойчивое положение, он ловко увернулся от кула-

ка противника и одновременно ухватил его за ноги и рывком перебросил через себя. Старший с грохотом распластался на полу. Не давая противникам опомниться, Рубцов атаковал второго.

Парень оказался намного проворнее, чем думал Рубцов. Он ловко перехватил его ногу и ответил Рубцову сильным ударом ноги по колену. Одновременно он рывком потянул перехваченную ногу вверх. Рубцов не устоял, потерял равновесие и упал на спину. Краем глаза он успел заметить, что старший встает на ноги. Рубцов понимал, что, если к ним еще присоединится Рыжий и тот, что был на улице, ему придется плохо. А Рыжий в самом деле заковылял к своему обидчику.

Рубцов сгруппировался, вывернулся и пружиnistым движением ноги саданул младшего в живот так, что тот буквально отлетел от него, натолкнулся на Рыжего и они оба упали. Но тут подоспел старший и принялся пинать Рубцова ногами. Перекатываясь с боку на бок, Рубцов улучил момент и сделал подсечку. Старший снова оказался на полу.

Только теперь Рубцов сумел подняться на ноги. Поединок продолжался с переменным успехом и длился до тех пор, пока Рубцов и старший не остались друг против друга. Рыжий получил удар по сломанной челюсти и снова потерял сознание, а младший с переломом ноги корчился от боли на полу рядом с ним.

Наконец старший не выдержал. Оказавшись в очередной раз на полу, он неожиданно выхватил пистолет и направил на Рубцова.

— Ну все, гнида, игра закончена! — грозно зарычал он.

Держа Рубцова на прицеле, он поднялся на ноги.

— Отойди от двери, — скомандовал он.

Рубцов подчинился.

— Кто ты такой, черт тебя побери? Что тебе здесь нужно? Ты покалечил моих лучших парней! — обрушил он на Рубцова поток обвинений. — Где девчонка? На кой хрен она тебе понадобилась? Ты в курсе, что ее папаша копыта откинул?

Рубцов хранил молчание, игнорируя вопросы старшего и тем самым распаяя его люютую ненависть к себе.

— Молчишь? Ну и хрен с тобой. Молчи! Отныне никто не услышит от тебя ни слова, — пригрозил он и взвел курок.

В тот же миг громыхнул пистолетный выстрел. Старший крякнул, выпучил глаза, начал медленно приседать, а затем растянулся у ног Рубцова.

Рубцов посмотрел в ту сторону, откуда прозвучал выстрел. Перед ним стоял мужчина неопределенного возраста, расы и национальности в заношенной одежде и обуви. На голове у него была кепка, повернутая козырьком назад; из-под которой паклей свисали колтунистые волосы. По знакомому тошнотворному запаху он узнал Валиулина. Лицо его было покрыто густой щетиной, которую нельзя было назвать бородой, а в руках он держал пистолет ТТ.

— Ты как здесь оказался? — спросил Рубцов.

— Знакомая вещь? — показывая пистолет, спросил Валиулин.

— Знакомая.

— Ты ее потерял, когда карабкался на стену. Я

посмотрел, что ты мне дал пятьсот рублей. Я решил, что должен их отработать.

— Считай, что ты их уже отработал, — указывая на неподвижное тело у себя под ногами, сказал Рубцов.

— Он мертв?

— Скорее тяжелое ранение. Ладно, тебе лучше смыться. Твои выстрелы могли привлечь внимание.

— Думаешь, явятся менты?

— Может быть.

— Ладно, тогда я пошел. Надеюсь, теперь мы в расчете?

— Пока ты не вернул мне эту игрушку, нет, — указал на пистолет Рубцов.

Валиулин неохотно протянул оружие.

— Девица в сарае твоя или ее можно забрать? — задал он странный вопрос.

— Моя, — ответил Рубцов. — Сделай услугу, постереги ее до моего возвращения.

— За деньги или просто так? — спросил Валиулин и тут же ответил: — Я могу и просто так.

Когда он покинул дом, Рубцов отправился на поиски Ростовцева. Он отыскал его в угловой комнате третьего яруса.

— Не включайте свет! — попросил он, когда понял, что обнаружен.

— Я тебя не трону. Мне нужны только видеокассеты — оригинал и копии, — потребовал Рубцов.

— А разве они теперь имеют какую-то ценность? Забирайте и уматывайте на все четыре стороны! — прозвучал ответ.

— Где они?

— В кейсе, у камина, на первом этаже.

— И вы так легко с ними расстаетесь?
— Неужели вы не понимаете? Сейчас они не имеют никакого значения! — повторил Ростовцев.

— О чем это вы? — поинтересовался Рубцов.

— Разве вы не слышали, что Костиков погиб?

— Погиб? Когда?

— Вчера. Об этом сообщили все телеканалы. Автокатастрофа.

Ни о чем больше не спрашивая, Комбат повернулся и поспешил вниз. В холле у камина он взял кейс и вышел во двор. Быстро обогнув его, он отыскал Валиулина и девушку.

Рубцов хотел лишь одного — поскорее вернуться в гостиницу и забыться беспробудным сном. Однако он понимал, что если соседи слышали выстрел в доме Ростовцева, то непременно вызовут милицию. Чтобы отвести подозрения, Ростовцев обязательно назовет Рубцова. Поэтому Рубцов забрал на стоянке «БМВ», покинул Лыткарино и направился в сторону Москвы. Рядом с ним находилась девушка, которой он так и не решился сказать то, что узнал о ее отце.

Глава 15

Стрелки часов показывали половину третьего ночи, когда автомобиль пересек черту города. Дочь Костикова безмятежно спала на заднем сиденье. Желая поскорее избавиться от Валдая и забыть о нем, как о кошмарном сне, Рубцов направился в ночной клуб «Пеликан».

Веселая жизнь ночного заведения была в полном разгаре. Рубцов вошел в клуб, смешался с толпой гуляк и стал бродить в поисках Валдая. В какой-то момент он поймал себя на мысли, что он высматривает одновременно Янычара. Две эти фигуры в его сознании успели слиться воедино. Первым он увидел Валдая. Заметив Комбата, авторитет тут же сделал ему знак рукой.

Он не поднялся в свой любимый кабинет на втором этаже, как делал всегда, а провел Рубцова в изолированное помещение, где их никто не мог подслушать.

— Ты где пропадал, Комбат? — начал с претензий он.

— Как где? Ездил в Лыткарино, проверял Ростовцева.

— Ну и как? Проверил?

— А по мне разве не видно? — вопросом на вопрос ответил Рубцов.

Валдай устремил на него холодный взгляд своих светло-серых глаз. Трудно было не заметить, что он нервничает.

— Что случилось, Валдай? — спокойно спросил Рубцов.

Валдай хотел что-то сказать, но словно передумал и заговорил о другом.

— Ты слышал новость?

— О том, что Костиков погиб в автокатастрофе?

Валдай утвердительно кивнул головой и торопливо произнес:

— Превратности судьбы. Все мы под Богом ходим. Так что сам понимаешь, отныне поиски видеокассет не имеют никакого смысла. Можешь спокойно отправляться домой и заниматься своими делами. Мы в расчете.

— А как же кассеты? Как дочь Костикова? — с некоторым недоумением спросил Рубцов.

— А как бы ты поступил с ними в таком случае? — спросил в ответ Валдай.

— Я бы выбросил их, а девушку отпустил домой.

— Точно так же поступят и шантажисты. Надеюсь.

Всем своим видом он демонстрировал намерение уйти.

— Они так не поступят, — возразил ему Рубцов, преградив ему путь.

— Ты о чем?

— Кассеты и девушка со мной, — объяснил Рубцов.

На мгновение в холодных глазах Валдая появилась озабоченность, но он тут же соорудил ухмылку и развел руками.

— Тогда отпусти ее на все четыре стороны. И кассеты можешь отдать. В качестве напоминания о прекрасно проведенном времени в компании шантажистов. Все, Комбат. А теперь извини. У меня нет времени. Прощай. Кстати, возьми вот бумажку, на ней номер телефона твоего знакомого. Ты ему нужен больше, чем мне. Позвони, не пожалеешь.

И он быстро вышел из помещения, оставив Рубцова в состоянии полного замешательства. Не заглядывая в бумажку, которую недавно дал ему Валдай, Рубцов порвал ее на мелкие кусочки и выбросил.

Радикальную перемену в поведении авторитета Рубцов объяснил для себя тем, что тот потерял всякий интерес к делу, которое обещало ему хорошую прибыль. Но Рубцов не знал, как поступить с девушкой. Легко сказать — отпусти

на все четыре стороны. Куда податься человеку в многомиллионном городе без денег и без документов?

Рубцов покинул ночной клуб и вернулся к автомобилю. Дочь Костикова по-прежнему мирно спала на заднем сиденье. Изредка во сне она всхлипывала и стонала. Рубцов сел за руль и направился домой.

Было четыре часа утра, когда он припарковался в дворе своего дома. С трудом разбудив девушку, он сказал, чтобы она выходила. Сонная девушка послушно выбралась из автомобиля и последовала за Рубцовым.

— Сейчас выспишься, а завтра отправишься домой, — говорил ей Рубцов, когда они поднимались по лестнице. — У тебя есть родственники в Москве? — спросил он.

В эту минуту они были на лестничной площадке перед дверью в квартиру Рубцова. Рубцов вставил ключ в замок, но ключ не поворачивался.

— Что за черт?

Он надавил на ручку, и дверь поддалась. Она была открыта.

— Вы закрывали дверь, когда уходили из квартиры? — спросила девушка. — Тогда почему она не заперта?

— Стой здесь, я сейчас, — предупредил ее Рубцов, а сам не без опасений переступил порог собственной квартиры.

Напряженно вглядываясь в темноту, он привычным движением руки нашел выключатель. Прихожая озарилась светом. Рубцов осмотрелся, не заметил ничего подозрительного, прошел в комнату, затем на кухню, везде зажигая свет. Все вещи и предметы были на своих местах, никаких

следов на погром или грабеж, никаких намеков на присутствие посторонних. Но при этом входная дверь оказалась незапертой.

Все это показалось странным. Рубцов никогда не забывал запереть квартиру. Он начал вспоминать, как он покидал ее, когда уезжал в Лыткарино. Нет, все было как всегда. Он был еще не в том возрасте, чтобы не помнить, что делал, а чего не делал.

Из кухни он снова вернулся в прихожую. Услышав его шаги, девушка спросила:

— Ну что? Можно заходить?

Рубцов хотел ответить «да». Но вдруг его взгляд невольно обратился на дверь в ванную. Она была закрыта неплотно, а из щели виднелся край ткани, которой Рубцов у себя раньше не замечал.

— погоди! — бросил он девушке и с недобрым предчувствием открыл дверь.

Увиденное лишило Рубцова дара речи, перехватило дыхание. В наполненной ванне совершенно обнаженная лежала Вероника. Остеклевшие глаза были открыты, немигающий взгляд направлен в потолок. Посиневшие губы и одеревеневшее тело не оставляли ни малейшей надежды.

Девушка была мертва.

Рубцов перестал ощущать время. Казалось, стрелки часов замерли в одной точке. Он не слышал, как пришедшая с ним девушка окликнула его. Тогда она сама в недоумении переступила порог квартиры. Он все так же неподвижно стоял перед дверью в ванную и не мог оторвать взгляда от безжизненного тела. Лишь когда девушка заглянула в ванную и дико завизжала, Рубцов спохватился и заткнул ей рот.

— Замолчи! — процедил он сквозь зубы.

Девушка попятилась назад и спиной захлопнула входную дверь. Ей было невыносимо страшно и холодно. Она боялась снова смотреть на труп и все время дрожала.

— Нам нельзя здесь оставаться, — сказал Рубцов, когда к нему окончательно вернулось здравомыслие. — Кто-то пытается меня подставить. Нужно уходить. Быстро спускайся вниз и жди меня у машины. Я сейчас.

Девушка стремительно выбежала из квартиры и понеслась по лестнице вниз. Рубцов прошел в комнату, взял из буфета деньги, выключил свет в комнате и на кухне, вернулся в прихожую и в последний раз посмотрел на Веронику.

— Прости, — едва шевеля губами, произнес он.

Рубцов хотел уйти, как внезапно его взгляд выхватил на полке для принадлежностей шприц, ампулы и какую-то коробочку. Он перевел взгляд на руку девушки и увидел на ней колотую ранку.

— Это подстава, — сказал он сам себе. — Но я разберусь с этим. Клянусь тебе, Вероника. Им тоже не жить.

Он вышел из квартиры, прикрыл дверь, но не запер ее на ключ и поспешил к автомобилю.

— Что будем делать? — спросила Марина, когда он вышел на улицу.

— У тебя есть в Москве кто-нибудь из родственников или знакомых, у которых ты могла бы остановиться? — спросил Рубцов.

— Да, — последовал ответ.

— Ты знаешь их адрес?

— Кажется, знаю. — И Марина назвала домашний адрес генерала Лимонова.

— Тогда поехали к ним, — сказал Рубцов. —

Теперь пусть они занимаются тобой, — продолжил он, когда они забрались в автомобиль. — А мне предстоит узнать, какая сволочь так меня ударила.

— Она была твоей девушкой, да? — нерешительно спросила Марина, но тут же осеклась, поняв, что это нетактично. — Извини.

Они мчались по предрассветному городу в полном молчании и думали каждый о своем. Когда автомобиль прибыл по нужному адресу, въезд во двор им преградила милиция. Первой мыслью Рубцова было, что это по его душу.

— Ой, я забыла тебе сказать, что дядя Вик, папин друг — генерал, — сказала Марина. — Он занимает большой пост. Нас не пропустят без разрешения.

— Тогда иди звони своему дяде Вику, — посоветовал Рубцов. — Лейтенант, вы разрешите воспользоваться вашим телефоном? — обратился он к милиционеру.

Получив согласие, Марина покинула автомобиль и последовала за милиционером, который, подозрительно косясь на чумазую девушку, больше похожую на бомжа, вызвался ее проводить.

— Ты хоть знаешь, как его фамилия? — спросил Рубцов вдогонку Марине.

— Знаю. Его фамилия Лимонов, — ответила та.

— Как?

— Лимонов, — повторила Марина.

Рубцов вмиг выбрался из машины.

— Погоди, погоди! — задержал он девушку и отвел в сторону.

Когда милиционер тактично удалился, Рубцов спросил:

— Фамилия друга твоего отца Лимонов? А зовут Виктор Владимирович?

— Ты тоже его знаешь? — удивилась Марина.

— Мне ли не знать полковника юстиции Лимонова, — задумчиво ответил Рубцов.

На него нахлынули воспоминания прошлого. Но оклик лейтенанта милиции прервал его воспоминания.

«Это сама судьба», — подумал Рубцов.

Он знал и помнил Лимонова не с лучшей стороны. Но если сама судьба свела их вместе спустя много лет, то почему бы не обратиться за помощью? Лимонов прекрасно знал его, и Рубцов надеялся, что тот хотя бы теперь сделает доброе дело и поможет разобраться в этих хитросплетениях.

— Я пойду с тобой, — сказал Рубцов.

Которую ночь подряд Лимонов спал беспокойно. Поэтому когда раздался телефонный звонок, он почти сразу снял трубку.

— Дядя Вик! Вы дома? Разрешите нам подняться к вам, — обрушился на него поток из непонятных фраз.

— Алло? Кто говорит? Куда вы звоните? — еще ничего не понимая, возмутился Лимонов.

— Это Марина. Марина Костикова, — повторила девушка. — Я звоню из вашего подъезда. Милиционер не пропускает к вам. Скажите, чтобы он пропустил.

Выслушав ответ, девушка передала трубку лейтенанту милиции.

— Пропустите, — услышал тот короткое распоряжение.

— Седьмой этаж, сто тринадцатая квартира, — назвал адрес милиционер.

— Я знаю, спасибо, — ответила Марина.

Они поднялись на седьмой этаж. Как только они вышли из кабины лифта, входная дверь квартиры распахнулась. В проеме показался Лимонов, облаченный в домашний халат. Узнав Марину, он сказал:

— Проходи быстрее.

Он не ожидал, что вслед за девушкой из лифта выйдет Рубцов. От удивления он даже опешил, но быстро овладел собой.

— Проходите оба.

Переступив порог, они оказались в огромной прихожей. Лимонов закрыл за ними входную дверь.

— Какими судьбами? — спросил он, больше глядя на Марину, чем на Рубцова.

Пока Лимонов разговаривал с девушкой, у Рубцова была возможность присмотреться к бывшему военному прокурору. Комбат сделал вывод, что Лимонов обо всем был прекрасно осведомлен. От внимательного взгляда Рубцова не ускользнуло, что Лимонова интересует он, а не девушка, которую он сюда привез. По-видимому, генерал догадывался, о чем думает в эту минуту Рубцов, но повел себя странно.

— Ну, а это кто? — спросил он у девушки, указывая на Рубцова.

— Бросьте, Виктор Владимирович, — вмешался в разговор Рубцов. — Неужели вы меня не узнали?

При этих словах девушка растерянно замолчала, а Лимонов стал вглядываться в лицо Рубцова. И хотя играл он великолепно, от Рубцова не ускользнуло, что смотрит он на него с притворством.

— Напомните, где и при каких обстоятельствах? — спросил он.

— Афган, восемьдесят четвертый, — последовал ответ. — Дело об обстреле колонны. Капитан Борис Рубцов.

— Знаменитый командир роты спецназа? Черт побери! Что с нами делают годы! Ну, здравствуй, Комбат. — И он с деланной радостью протянул ему руку.

Рубцов ответил сдержанным рукопожатием.

— Он еще и мой спаситель, — не преминула вставить Марина.

— Вот оно как?!

— Да!

— Хорошо, снимайте обувь и проходите в зал. А может, лучше на кухню?

Но вдруг, словно передумав, Лимонов обратился к девушке:

— Мариночка, ты наверняка захочешь принять ванну и пойти спать. Тебе будут неинтересны воспоминания о войне. Так ведь? Тогда отправляйся, — сказал он, получив утвердительный ответ. — А мы пойдем на кухню. Поставим чайку, посидим, поболтаем. — Он провел Рубцова на кухню, плотно прикрыл дверь и заговорил совершенно по-иному: — Она знает, что отца больше нет в живых?

— Я не решился ей сказать, — ответил Рубцов.

— Понятно. Но как случилось, что вы и Марина встретились?

— Долгая история. — В окружающей обстановке и подобной компании Рубцов чувствовал себя неудобно.

— А вы расскажите. Куда нам торопиться?

Лимонов поставил чайник, сел у стола, указал Рубцову место напротив и приготовился слушать. Рубцов понимал, что вынужден говорить, потому что Лимонов не отстанет.

И он стал рассказывать, как отправился на рыбалку в Лыткарино и как помог девушке освободиться от надоедливых ухажеров. Лимонов терпеливо выслушал его небольшой рассказ и сказал:

— Но это лишь заключительный акт долгой пьесы. Трудно понять концовку, не зная предыдущего содержания. Или вы со мной не согласны, Комбат?

Рубцов понял, что не ошибся в своих предположениях. Лимонов действительно знал все.

— Но если все позади, что привело вас ко мне? — спросил он, когда Рубцов закончил свой рассказ.

— Проблема.

— Какая?

И Рубцов рассказал Лимонову, как по возвращении из Лыткарино обнаружил в собственной квартире труп девушки, за которой ухаживал. В душе Лимонов удивился изобретательности Валдая, а Рубцову сказал:

— Хорошо, по старой дружбе я постараюсь помочь вам, а вы помогите мне.

Рубцов был готов к чему-то подобному. Он давно привык, что просто так ничего не делается и каждый хочет использовать другого в своих интересах.

— Что вы хотите, чтобы я сделал? — спросил он.

— Для начала — сопроводите Марину в Челябинск, — ответил Лимонов. — Заодно встретитесь с человеком Панкратова. Он передаст вам документы, которые после возвращения в Москву вы привезете мне. Вот и вся моя просьба. Согласны?

Рубцов всем своим существом чувствовал, что

в этой просьбе Лимонова кроется какая-то хитрость, но спорить не стал.

— Ладно, я согласен, — ответил он на предложение Лимонова.

— Вот и отлично. Я закажу билеты на самолет, и сегодня же вы вылетите. Похороны Костинова состоятся только после прилета дочери.

Лимонов устроил Рубцова спать в зале, но Рубцов не смог уснуть. Его преследовали бесконечные кошмары, сочетавшие в себе воспоминания о том, как ходил со своей ротой на караван, как повстречался с Вероникой, как дрался за нее с Янычаром, которому помогали Ростовцев и его приятели. А за всем этим из укромного места со стороны стояли и наблюдали Валдай с Лимоновым.

Самолет из Москвы приземлился в челябинском аэропорту в половине второго дня по местному времени. Марина уже знала, что произошло с ее отцом и почему Лимонов отправил Рубцова ее сопровождать. За весь путь от Москвы до Челябинска девушка не проронила ни слова. Не отрывая глаз от иллюминатора, она все время смотрела на облака за бортом самолета.

В аэропорту их встретил Сазонов — бывший помощник бывшего кандидата в губернаторы. Они направились к автомобилю, чтобы уехать в город. В это время к Рубцову подошел элегантно одетый молодой человек, спросил фамилию и передал портфель с документами для Лимонова. Когда они сели в машину и уехали из аэропорта, Сазонов не вытерпел и спросил:

— А вы знаете, кто подходил к вам в аэропорту?

— Мне сказали, что кандидат в губернаторы Панкратов должен передать документы, которые я на обратном пути отвезу в Москву, — ответил Рубцов.

— Панкратов — это известный криминальный авторитет Панкрат, а тот, кто подходил к вам, — его преданный пес, адвокат Самойлов по прозвищу Чебурек, — объяснил ситуацию Сазонов. — Будьте осторожны с ними и не позволяйте втянуть себя в грязные игры.

— Почему вы говорите мне обо всем этом? — спросил Рубцов.

— Потому что они причастны к гибели Олега Геннадьевича, — ответил Сазонов. — Я уверен в этом.

Его искренность вызывала доверие, а потому Рубцов решил прислушаться к совету.

За два дня в Челябинске Рубцов узнал о многом таком, о чем раньше не догадывался. Ему не давали покоя смутные догадки и подозрения. Разные места, разные события, разные лица. Но у Рубцова возникало ощущение, что между ними существует неразрывная связь. Его преследовал соблазн открыть портфель, посмотреть, что за документы в нем находятся, узнать, какие секреты и тайны пытается скрыть генерал Лимонов. Сопоставляя между собой разрозненные события последних десяти дней, он пришел к выводу, что встретился с генералом не случайно.

Он открыл портфель лишь в салоне самолета на обратном пути в Москву. И чем глубже он проникал в смысл этих документов, тем яснее становились для него последние события с его участием, тем очевиднее была та нелицеприятная роль, которую отвел ему криминальный авторитет Валдай, а теперь еще и генерал Лимонов.

«Они с самого начала подставляли меня, — размышлял Рубцов. — Я оказался между молотом и наковальней, между криминальными авторитетами и заинтересованными государственными чиновниками. И те и другие пытаются использовать меня. Валдай со своими неограниченными возможностями вполне мог за два-три дня отыскать Ростовцева, получить от него оригинал видеозаписи и дочь Костикова. Но он воспользовался мной. Он сказал, что не желает вмешиваться в политику. На самом деле он опасался криминальных авторитетов. В своем неукротимом стремлении к обогащению Лимонов вообще вознамерился соединить между собой и поставить под собственный контроль олигархов, криминал и закон. Они имеют огромные деньги и, следовательно, власть. Теперь они захотели иметь и свои законы. Амбициозные чистоплюи! Они жаждут повелевать, предпочитая всю грязную работу перепоручить таким, как я».

После приземления во Внуково Рубцов позвонил своему старинному приятелю Николаю Логинову. Тот работал в известной еженедельной газете и специализировался на разоблачительных материалах на темы политики и экономики. В прошлые времена Рубцов несколько раз делился с Логиновым полезной информацией, которая после журналистских расследований заканчивалась громкими отставками. По этой причине на Логинова неоднократно совершались покушения, и Рубцов некоторое время состоял при нем добровольным телохранителем.

Договорившись о встрече с Логиновым в сквере на Юго-Западной, Рубцов отправился на остановку пятьсот одиннадцатого автобуса. Когда он добрался до сквера, Логинов уже ждал его там. Это был стройный симпатичный мужчина тридцати

семи лет с приятной улыбкой, пышной копной русских волос и седыми висками. На нем была короткая темно-синяя куртка спортивного стиля и черные джинсы.

— Привет, Комбат!

— Привет, Коля!

Они обменялись крепким и теплым рукопожатием.

— Ты при портфеле? Это что-то новенькое. Неужели ты променял свою прошлую жизнь, полную приключений, на зарплату бюрократа?

— Оставим поэзию до лучших времен, — сказал Рубцов, протягивая портфель Логинову. — В этом портфеле, Коля, колоссальная бомба с радиусом действия более двух тысяч километров.

— И ты решил, что я лучший из всех известных тебе минеров? — принимая портфель, спросил Логинов.

— Да, Коля, ты — лучший, — утвердительно ответил Рубцов. — Но главное — честный, принципиальный, надежный.

— Не пугай меня, Комбат. Ты говоришь таким тоном, будто прощаешься со мной.

— Все может быть, Коля. Осколки от подобного фугаса могут поразить любую броню. Когда у вас выходит ближайший номер? — спросил Рубцов.

— Через три дня, — ответил Логинов.

— Ты меня крепко выручишь, если этот материал появится в этом номере.

— Прости, но это невозможно, Комбат. Только через неделю. Никто не согласится переделывать макет.

— А ты сделай так, чтобы согласились, — стоял на своем Рубцов.

— Что же это за бомба такая?

— Читай, знакомься, и, если будут возникать вопросы, я прокомментирую.

Логинов открыл портфель и не очень охотно принялся перебирать бумаги. Но чем дольше он читал, тем глубже проникал в смысл документов. Время от времени отрывался от чтения, оглядывался по сторонам, обращался к Комбату за разъяснениями, получал их и снова с головой уходил в чтение. Рубцов сидел на скамейке рядом с Логиновым, курил и ждал, когда друг произнесет фразу, которую он так хотел услышать.

— Ладно, уговорил, чертяка! Статья выйдет в ближайшем номере. И как тебе только удастся отыскивать такие материалы, Комбат? Научи меня, как это делается.

— Нет, Коля, у тебя не получится. Поэтому давай делать свое дело и помогать друг другу.

Они расстались так же, как и встретились, — крепким рукопожатием.

— Увидимся! — напутствовал Рубцова Логинов.

— Как-нибудь обязательно, — ответил тот.

А через три дня газета вышла из печати, и в ней за подписью Логинова на весь разворот была помещена разгромная статья, в которой все действующие лица и персонажи выступали под своими именами.

В тот день генерал Лимонов прибыл на службу в обычное время. Ничего не подозревая, он прошел в свой кабинет и занялся срочными бумагами. Поэтому, когда к нему в кабинет вошел Игнатов, генерал отчитал его за то, что помощник отрывает его от важных дел.

— Думаю, Виктор Владимирович, в настоящий момент для вас не может быть ничего более важного, чем статья в газете «Секретно» за подписью

известного журналиста Логинова. — И Игнатов передал генералу экземпляр. — Вам следовало бы прочесть ее до того, как вас вызовет к себе Первый. А он обязательно вас вызовет.

Игнатов покинул кабинет точно так же, как и вошел, — без всякого разрешения. Лимонов развернул газету и погрузился в чтение. И чем дальше он читал статью, тем учащеннее становилось его сердцебиение, тем отчетливее он осознавал, что повержен. Он понимал, что это смертельный удар. От такого удара ему ни за что не оправиться. Некоторых увольняют за проступки тихо, с сохранением пенсий и привилегий. Здесь же речь шла о полном служебном несоответствии. А генерал Лимонов прекрасно был осведомлен, что полагалось за такое в прокуратуре.

Дочитав статью, генерал Лимонов снял трубку коммутатора. Телефон ответил мертвым молчанием. Тогда генерал потянулся к аппарату ВЧ и набрал номер Ветрова. Услышав его голос, Лимонов поздоровался, а Ветров весело сказал:

— Представляешь, не позже чем через минуту я позвонил бы тебе. Сегодня я выезжаю в Москву по союзным делам. Выпросил у министра лишние денки, чтобы с боевыми друзьями повидаться. Цельный список составил, с кем хотел бы встретиться. Твоя фамилия первой стоит. Уж очень мне не понравилось твоё настроение, когда мы в последний раз разговаривали. К тому же мы не виделись более десяти лет.

— Да ты прав, друг. За десять лет вода в океанах поменялась, не то что люди...

— О чем ты, Виктор Владимирович? Опять настроение хреновое?

— Да, Игорь Николаевич. Из нас двоих ты один сохранил честь. Я тебе и звоню, чтобы пре-

дупредить, не заезжай ко мне. Не сможем мы увидеться.

— Что, в командировку? Надолго?

Лимонов помолчал некоторое время, а затем глухо ответил:

— Навсегда. Говном я оказался. Мне стыдно перед тобой... Перед Комбатом... Перед друзьями, с которыми породнился в Афганистане. Я не выдержал экзамен жизни. Прости меня! Прости!

И Лимонов, положив трубку, обреченно и тяжело вздохнул, вышел из-за рабочего стола и нетвердой походкой направился в комнату отдыха, смежную с рабочим кабинетом. Там он уединился, запершись изнутри.

Через полчаса помощник Игнатов услышал пистолетный выстрел, прогремевший в кабинете шефа. А еще через полчаса слесарь в присутствии свидетелей вскрыл запертую дверь комнаты отдыха.

Рубцов дочитал статью в газете, отложил ее в сторону и набрал номер телефона редакции.

— Пригласите Николая Логинова, — попросил он.

— Логинов слушает.

— У тебя получилось! Поздравляю! — узнал он голос Рубцова.

— О чем ты говоришь? Без тебя ничего бы не было.

— Ну, не скромничай. А хочешь, я тебе подкину еще одну тему?

— Какую?

— Заинтересован? Тогда приезжай, обсудим, — сказал Рубцов и положил трубку, оставив заинтригованного друга без ответа.

Литературно-художественное издание

ЧЕРГИНЕЦ Николай Иванович

ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ

Ответственная за выпуск *В. Н. Волкова*

Подписано в печать 14.05.2014.

Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16,8. Тираж 1500 экз. Заказ 1373.

ООО «Харвест».

Свидетельство о ГРИИРПИ № 1/17 от 16.08.2013.

Ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.

E-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие

«Издательство «Белорусский Дом печати».

Свидетельство о ГРИИРПИ № 2/102 от 01.04.2014.

Пр. Независимости, 79, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.

«Каждая раскрытая тайна -
лишь дверь в новую загадку»

Николай Иванович Чергинец

генерал-лейтенант внутренней службы,
писатель, член Совета Республики
Национального собрания
Республики Беларусь 1, 2 и 3 созывов.
Кандидат юридических наук.

С 1981 года по 1984 год — начальник
Управления уголовного розыска МВД БССР.

С 1984 года по 1987 год служил в Афганистане.

С 1987 по 1993 год — начальник управления
внутренних дел на транспорте МВД Беларуси.

С 1997 года по 2008 год — член Президиума
Совета Республики Национального собрания
Республики Беларусь, председатель Постоянной
комиссии Совета Республики по международным
делам и национальной безопасности,
член Совета Парламентского Собрания Союза
Беларуси и России, председатель Постоянной
комиссии Парламентского Собрания
Союза Беларуси и России по вопросам внешней
политики, член Постоянной комиссии
Межпарламентской ассамблеи СНГ по
внешнеполитическим вопросам..

Председатель Союза писателей Беларуси.

ISBN 978-985-18-3108-7

9 789851 831087